

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Г. БЛОК

ПУШКИН
В РАБОТЕ НАД
ИСТОРИЧЕСКИМИ
ИСТОЧНИКАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-1949-ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком того времени.

И. С. Тургенев.

«Весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению... Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же».

Так в первой половине 1830-х годов оценивал положение вещей высший руководитель политического сыска при Николае I — Бенкендорф. Он подчеркивал прямую и несомненную связь только что подавленного вооруженного восстания военных поселений с непрекращавшимися крестьянскими волнениями.

Волновались не одни крестьяне. На июльскую революцию 1830 г. во Франции и на вызванное ею революционное брожение в Бельгии, Ирландии, Швейцарии, Италии и Испании горячо откликнулась вся передовая часть тогдашнего русского общества. Подъем революционных настроений в России 1830-х годов удостоверен многими современниками, в частности Герценом.¹ Зависимость этого подъема от возмущений народных масс крепостни-

---

¹ А. И. Герцен. Былое и думы, ч. I, гл. 5.

ческим гнетом беспорна. Возмущения же эти достигали временами таких пределов, что в дворянско-помещичьей среде толковали с возрастающей тревогой о возможности «второй пугачевщины».¹

«Пугачевщина как символ коренного социального потрясения, — говорит исследователь этой поры, — была тогда крылатой формулой, навязчивой идеей для многих. Одних она пугала, других привлекала».²

Вот при этих-то, исключительно напряженных политических обстоятельствах вышла в свет новая книга Пушкина, его научное исследование о недавней, еще памятной старикам крестьянской войне, которую народ «так выразительно», по замечанию Пушкина, прозвал пугачевщиной. Это было первое печатное выступление Пушкина в роли историка.

Появление «Истории Пугачева» именно в это время чрезвычайно показательно. Оно свидетельствует о том, что обращение Пушкина к историческому прошлому не было уходом от современности. Тема книги была в полном смысле слова злободневна. «Одна только история народа может объяснить истинное стремление оно», — говорит Пушкин. Изучение недавнего прошлого помогало осмыслить острейшие политические проблемы настоящего

---

¹ Так, например, в Тамбове в 1830 г. во время так называемого «холерного бунта» восставшими был арестован местный губернатор, а в районе Старой Русы, где в 1831 г. происходило вооруженное восстание военных поселений, восставшие захватили в свои руки все правительственные учреждения, арестовали почти всех офицеров, убили двух генералов и много окрестных помещиков (С. Гессен. «Холерные бунты» 1830—1832 гг. М., 1932 стр. 16, 44, 51 и др.).

² Н. К. Пиксанов. Крестьянское восстание в «Вадиме» Лермонтова. «Историко-литературный сборник». М., 1947, стр. 216. В этой статье дан обстоятельный анализ общественных настроений начала 1830-х годов. Там же указана и основная литература по этому вопросу.

и заглянуть в будущее. «История Пугачева» была для своего времени книгой не только или не столько исторической, сколько политической.

Все внешние цензурные предосторожности были тщательно соблюдены Пушкиным. Однако же всякому сколько-нибудь проницательному читателю (а такие сыскались сразу же) было ясно, что Пушкин решительно отошел от той концепции пугачевского движения, которая была заявлена еще екатерининским правительством и покорно принята, как обязательная, всеми официальными историками.

В манифестах Екатерины и в обнародованных ею судебных актах, связанных с крестьянской войной 1773—1774 гг., значение последней было сознательно снижено: она изображалась как «бунт казака Пугачева» и собранной им «шайки воров и убийц». В соответствии с этим и все историки до Пушкина, не вдаваясь в изучение событий, ограничивались только декламацией о личных «злодействах» Пугачева, старательно сопровождая имя «казака Емельки» такими эпитетами, как «вор», «обманщик», «зверь», «прекровожаждущий», «самолютейший» и т. п. Задача сводилась не к передаче исторических фактов, а к возможно более громогласному изъятию «верноподданнейших» чувств по поводу этих фактов. Подразумевалось, что самые факты уже вполне достаточно освещены правительственными публикациями.

Пушкин пошел иными путями.

Нельзя забывать, что образ Пугачева, знакомый нам по «Капитанской дочке», образ живой, героический, величавый, а главное — правдивый, настолько схожий с подлинником, что даже и теперь, когда советской наукой перебран лист за листом и внимательно изучен весь архивный материал, портретная живопись Пушкина не потребовала никакой правки, — этот образ разработан

Пушкиным еще до «Капитанской дочки» и, пожалуй, даже более подробно в «Истории Пугачева». Таким образом, ее значение заключалось прежде всего в том, что взамен грубого политического лубка, злобно искажавшего черты подлинника, русскому обществу был впервые показан реалистический портрет вождя народного движения, мастерски и любовно написанный рукой величайшего русского художника.

В своей монографии Пушкин восстановил, кроме того, истинный масштаб событий и вскрыл их истинную природу. «Весь черный народ был за Пугачева, — говорит Пушкин в объяснительных замечаниях, поданных Николаю I после выхода книги, — одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». Тот же тезис положен в основу и всей книги, где многократно отмечается «великая обширность» революционного движения, «поколебавшего государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов», — «общее негодование». Правительственная версия, подменявшая понятие крестьянской войны понятием местного казачьего «бунта», была решительно отвергнута Пушкиным. В его книге пугачевщина была впервые правильно истолкована как явление классовой борьбы.¹ Возможность примирения борющихся сторон исключалась, ибо «выгоды их, — по словам Пушкина, — были слишком противоположны». Таков окончательный итог пушкинского анализа крестьянской войны, тем более смелый, что он сохранял силу и для современных Пушкину политических обстоятельств.

Ко времени создания «Истории Пугачева» Пушкин в своем историческом мышлении успел далеко уйти

---

¹ Достоинно внимания, что в упомянутых «замечаниях» Пушкин, анализируя расстановку сил в эпоху пугачевского движения, оперирует термином «класс».

от воззрений «просветителей» XVIII века, признававших индивидуальную «волю» и «разум» решающими факторами исторического процесса. Подняв образ Пугачева на подбавшую высоту, Пушкин не переоценил, однако, роли Пугачева в народном движении. По объяснению Пушкина, «спокойствие было ненадежно» и до появления Пугачева: «все предвещало новый мятеж». — «Пугачев, — говорит Пушкин, — не был самовластен» и в период наибольших своих успехов. В глазах Пушкина основной движущей силой «начатого» Пугачевым восстания, как и основным героем книги, был народ, который, по свидетельству Пушкина, и в его время, то есть спустя целых шестьдесят лет после подавления пугачевщины, «живо еще помнил кровавую пору».

Отношение Пушкина к крестьянскому восстанию было противоречиво. Это объяснялось не столько теми дворянскими предрассудками, от которых он не вполне отшелся, и не столько современным ему состоянием исторической науки, еще слишком слабо озаренной, как выражался Пушкин, «светильником философии», сколько теми конкретными историческими условиями, в которых жил Пушкин. «Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»¹ — эта истина, усвоенная лишь в наши дни, не могла быть известна Пушкину: в его время (а в пугачевское время и подавно) заводские рабочие хотя и принимали порой видное участие в крестьянских восстаниях, но еще не составляли самостоятельного класса, способного руководить этими восстаниями. Таким образом, подлинные причины неуспеха крестьянских «бунтов» не могли быть ясны Пушкину. При всем том, однако, его книга о Пугачеве не оставляла

---

¹ Беседа тов. Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, М., 1938.

никаких сомнений в его глубоком сочувствии и тому «истинному», справедливому стремлению восставшего народа, которое поэт-историк вскрыл своим исследованием, и тому героическому лицу, которому восставшие доверили обязанности вождя.¹

Политический пафос Пушкина, подлинный патриотизм и подлинная народность идей, положенных в основу его исторической монографии, столь отличная от той теории официальной народности, которую так усердно насаждало николаевское правительство, — все это не замедлило оказать свое действие на современников Пушкина.

Правительственные сферы всполошились. Забил тревогу главный идеолог николаевской реакции министр народного просвещения Уваров. «Уваров большой подлец, — записывает Пушкин в дневнике, — он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении».

Вслед за правительством ополчилась против книги Пушкина и петербургская знать. Это известно из того же его дневника: «В публике очень бранят моего Пугачева».

---

¹ Пора бы, кстати сказать, покончить с кривотолками по поводу цитаты из «Капитанской дочки» о «русском бунте бессмысленном и беспощадном». Эти слова, так широко и так недобросовестно использованные М. Н. Покровским и его «школой», принадлежат не Пушкину, а Гриневу. Кто дал право отождествлять идеологию Пушкина с идеологией действующего лица его повести, «ничтожный характер» которого справедливо отмечен еще Белинским? — Творческая мысль Пушкина упорно работала над темой крестьянского восстания с самого начала 1830-х годов и неизменно приводила к выводу о справедливости этих восстаний. Об этом свидетельствует не только «Дубровский» (1832—1833), но и датированный еще 1830-м годом черновой план «Истории села Горюхина», где читаем такие многозначительные слова: — «Бунт. Была богатая вольная деревня. Обеднела от тиранства». Варианты к этому плану дают основание думать, что Пушкин предполагал ввести в «Историю села Горюхина» эпизод из времен пугачевщины.

Официозная печать, вынужденная соблюдать некоторую сдержанность, так как оплошным цензором, пропустившим по недосмотру книгу в печать, был сам Николай I, — официозная печать поторопилась тем не менее осудить «Историю Пугачева» во всех отношениях. Она называла ее произведением «мертво-рожденным», признавала «холодной и сухой», не находила в ней «ни одного чувства, ни одной искры жизни» и упрекала Пушкина в том, что «ему не угодно было взглянуть на свое творение с надлежащей точки зрения и покрыть его колоритом пугачевщины и всех ужасов сего страшного периода времени».¹ Политическое обвинение, предъявленное Пушкину, было сформулировано, таким образом, достаточно ясно.

«Возмутительное сочинение» Пушкина нашло, однако, и других ценителей. Сквозь скрип казенных перьев прорвался свежий и сильный голос неофициальной России — ее передовой демократии. «Историю Пугачева» тотчас же по ее появлении приветствовал в печати Белинский.

Монография Пушкина по самой своей теме, да и по трактовке этой темы была политически настолько остра, что давать о ней развернутый положительный отзыв было при тогдашних цензурных условиях, конечно, невысказываниями о ней. Все они, однако, значительны.

В краткой информационной заметке, напечатанной в начале 1835 г., вскоре после выхода в свет «Истории Пугачева», Белинский сразу же определил новую книгу Пушкина как «примечательное явление в области нашей ученой литературы».²

¹ «Сын отечества и Северный архив», 1835, № 1, стр. 178—179.

² В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Л., 1937. стр. 561.

Шесть лет спустя, в 1841 г., рецензируя последние три тома посмертного издания сочинений Пушкина, он высказался громче и явственнее: «История Пугачева» оценивалась в этой статье как наивысший образец русской исторической прозы. Замечателен эпитет, которым Белинский обосновал эту свою оценку: — «Пером Тацита писанная на меди и мраморе».¹

Еще через два года, в 1843 г., Белинский, повторяя тот же эпитет, относит «Историю Пугачева», «написанную по-тацитовски», к числу лучших произведений Пушкина, ставя ее на один уровень с его стихами.²

И, наконец, в 1846 г., за два года до смерти, завершая цикл своих знаменитых статей о Пушкине, Белинский произносит окончательное, так сказать, отстоявшееся, суждение об исторической монографии Пушкина: — «Об „Истории Пугачевского бунта“ мы не будем распространяться, — говорит он, явно намекая на цензурные препятствия, к тому времени еще усугубившиеся: — Скажем только, что этот исторический опыт — образцовое произведение и со стороны исторической и со стороны слога».³

Под «исторической стороной» следует понимать идейное содержание «Истории Пугачева», о котором в условиях 1840-х годов нельзя было говорить открыто. Оно-то, разумеется, и привлекало больше всего Белинского, отчего главным образом он и оказался так постоянен в высокой оценке этого произведения Пушкина⁴ на протяжении всей своей критической деятельности.

---

¹ В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Л., 1937, стр. 610.

² Там же, стр. 665.

³ Там же, стр. 553.

⁴ Так же высоко оценил «Историю Пугачева» и первый ее читатель, или, вернее, слушатель — Гоголь: См. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Изд. Академии Наук СССР, [с. 1.], 1940, т. X, стр. 269.

Политическое содержание «Истории Пугачева» определило и ее дальнейшую судьбу.

Буржуазные историки чаще всего обходили ее молчанием,¹ а если и говорили о ней, то либо пренебрежительно, как В. О. Ключевский,² либо с резким осуждением, как реакционный военный историк Н. Ф. Дубровин.³ Нельзя не упомянуть о том, как отнесся к делу казанский профессор Н. Н. Фирсов, которому дореволюционная Академия Наук поручила снабдить эту работу Пушкина историческим комментарием. На просмотр рукописей Пушкина и его архивных и литературных выписок, составлявших плод почти двухлетних усидчивых трудов поэта-историка, Фирсов потратил всего один день!⁴ С литературой о Пугачеве, прочитанной Пушкиным, он познакомился тоже только вскользь и не в полном ее объеме. Неудивительно поэтому, что его примечания к «Истории Пугачева»⁵ оказались

¹ Особенно знаменательно молчание С. М. Соловьева: по сохранившимся в его семье воспоминаниям (этими сведениями я обязан А. И. Андрееву), он был очень высокого мнения об исследовательской работе Пушкина над пугачевскими материалами, однако же не пожелал огласить это мнение в печати и, говоря об «Истории Пугачева», ограничился передачей чужих суждений о ней (см. Записки С. М. Соловьева. М., 1915, стр. 43).

² В. О. Ключевский. Очерки и речи. М., [s. a.], стр. 59.

³ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. II, СПб., 1884, стр. 165. Не случайно, что к мнению Дубровина примкнул и М. Н. Покровский (см.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Изд. ГИХЛ, М.—Л., 1933, т. V, стр. 13).

⁴ В этом удостоверилась Т. Г. Зенгер, наводившая соответствующие справки в Рукописном отделении Гос. Публичной библиотеки им. В. И. Ленина («Литературное наследство», № 16—18, М., 1934, стр. 536). Из материалов, хранящихся в Архиве Академии Наук СССР, видно, что Н. Н. Фирсов удосужился заглянуть в рукописи Пушкина лишь после того, как сдал свою статью в набор (ф. 9, оп. 1, № 772). Прекрасную отповедь Н. Н. Фирсову дал в свое время В. Я. Брюсов (см.: «Русская мысль», 1916, кв. II, стр. 110 и 122).

⁵ Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук, т. XI, II, 1914.

вне науки. Не взирая на это, либеральный профессор, именовавший крестьянскую войну «авантюрой» Пугачева, счел себя вправе высказаться об исторической работе Пушкина с развязнейшим высокомерием и дать о ней отрицательный отзыв.

Исследовательские старания представителей буржуазной науки, занимавшихся «Историей Пугачева», не шли дальше опубликования служебной переписки должностных лиц, к которым Пушкин, работая над своей монографией, вынужден был обращаться по разным деловым поводам.¹ В этом унылом окружении даже такая, тоже скромная по задаче работа, как статья Д. Н. Соколова «Пушкин в Оренбурге»,² становилась заметным явлением, потому что опиралась на более широкий и более живой материал.

Работа Пушкина как историка стала достоянием науки только в советское время.

В 1934 г., который для «Истории Пугачева» был годом юбилейным, появились в печати первые научные статьи о ней.³ Столетняя годовщина со дня смерти Пушкина дала тоже немало статей, посвященных этому сочинению целиком или частично.⁴ Это были во многих случаях содержательные и полезные научные этюды.

¹ Таковы, например, статьи: Я. Грот. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов. Сборник ОРЯС ИАН, т. XLII. № 4, СПб., 1884; П. М. Майков. Выпуск из типографии «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкина. «Русская старина», 1898, март, стр. 650; А. Н. Макаров. Дело о печатании «Истории Пугачевского бунта» в архиве 6. II Отделения собств. е. и. в. канцелярии. «Пушкин и его современники», вып. XVI.

² «Пушкин и его современники», вып. XXIII—XXIV, II, 1916.

³ Например: Т. Г. Зенгер. Николай I — редактор Пушкина. «Литературное наследство», № 16—18. М., 1934 и др.^x

⁴ Например: Д. Якубович. Черновой набросок предисловия к «Истории Пугачева». «Временник Пушкинской комиссии», № 3, Л., 1937; см. также «Правду» от 6 февраля 1937, № 36 (7002), стр. 4.

В процессе начавшегося с этих пор серьезного изучения «Истории Пугачева» самым выдающимся событием оказался выход в свет ее нового издания. Оно появилось в составе полного собрания сочинений Пушкина, выпускаемого Академией Наук СССР.¹ Этот огромный том, мастерски построенный покойным его редактором В. Л. Комаровичем, дает выверенный до конца текст «Истории» и знакомит нас весьма последовательно как со всеми уцелевшими вариантами этого текста, так и со всем тем, что лежало в рукописном виде перед глазами у Пушкина, когда он работал над «Историей Пугачева».

Вновь обнаруженный богатейший материал, до тех пор мало доступный исследователям, дал советской науке возможность подтвердить и закрепить ту высокую оценку «Истории Пугачева», которую она получила некогда со стороны Белинского. Советские ученые рассматривают это, так долго остававшееся в тени, произведение Пушкина как «великий исторический труд»,² где Пушкин достиг «исключительной остроты» в изображении революционных событий.³ Они видят в ней достойное завершение его

П. С. Попов. Пушкин как историк. «Вестник Академии Наук СССР», 1937, № 2—3; П. Софиев. А. С. Пушкин — исследователь пугачевского движения. «Исторический журнал», 1937, № 1; Л. Бычков. А. С. Пушкин и история нашей родины. «Молодая гвардия», 1937, № 1; Е. Блинова. Пугачев на Южном Урале в произведениях Пушкина. «Литературная учеба», 1937, № 3; В. Александров. Пугачев. «Литературный критик», 1937, № 1, и др.

¹ Т. IX, М.—Л., 1938—1940. В дальнейшем все цитаты из «Истории Пугачева» даются только по этому изданию, которое для краткости обозначается одним словом: «Пушкин».

² А. Грушкин. Пушкин 30-х годов в борьбе с официозной историографией. «Временник Пушкинской комиссии», № 4—5, 1939, стр. 212.

³ А. Еголин. Патриотизм и народность Пушкина. «Новый мир», 1942, № 1—2, стр. 210; он же. Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века. (Ленинград), 1946, стр. 58.

героического творческого пути.¹ Они отмечают вместе с тем и выдающиеся художественные достоинства исторической монографии Пушкина, которые позволяют утверждать, что в «Истории Пугачева» борьба Пушкина за создание нового прозаического стиля «достигает вершины».²

Пушкин-историк дождался наконец единодушного признания: «Исторические исследования Пушкина, касающиеся восстания Пугачева и царствования Петра Первого, ставят его в ряды лучших наших историков», — таков итог советских изысканий, провозглашенный Президентом Академии Наук СССР, академиком С. И. Вавиловым на торжественном заседании Академии, состоявшемся в недавние юбилейные дни.³

Наш прямой долг поэтому — изучить возможно глубже как исследовательское мастерство Пушкина, так и мастерство его исторического изложения. Обе эти темы еще почти не затронуты наукой. Настоящая книга является попыткой лишь частичного рассмотрения той и другой.

В первой части рассматриваются те особенности исторического изложения Пушкина, которые так заметно отличают «Историю Пугачева» от других прозаических его произведений.

Пушкин не мог сказать о пугачевском движении все, что хотел сказать. Цензурные стеснения понуждали искать новых средств общения с читателем. Он их нашел: таким средством явились в его руках цитаты из показаний очевидцев. В «Истории Пугачева» количество таких цитат, явных и, особенно, скрытых, огромно. Они помогли Пушкину, рассказывая о внешнем ходе исторических

¹ Б. Мейлах. Пушкин и декабристы. «Литературная газета» от 18 мая 1949, г. № 40(2527).

² В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1944, стр. 525.

³ «Правда», от 8 июня 1949 г., № 159(11266).

событий, давать читателю представление и о том, как этими событиями определялось сознание их современников. В этом одна из основ необычайной эмоциональной силы пушкинского исторического текста.

Подбор цитат, их переработка, подчинение чужой речи нормам пушкинского стиля — таков круг вопросов, разбираемых во второй части книги. Изучение этих вопросов дает возможность оценить значение одной из замечательнейших побед Пушкина в деле создания новой русской исторической прозы. А эта художественная победа была одновременно и победой над николаевской цензурой.

Что касается исследовательского мастерства, то с ним лучше всего знакомит критическая работа Пушкина над сочинениями о Пугачеве, напечатанными на иностранных языках.

Здесь, прежде всего, сказалась особенно наглядно вся присущая Пушкину научная добросовестность: его стремление собрать возможно более полный материал и исчерпать собранное до конца. В самом деле, ни один историк пугачевского движения не изучал иностранной литературы вопроса так широко и так углубленно, как Пушкин.

Здесь же представилось Пушкину более всего случаев пустить в ход всю свойственную ему тонкость и строгость научной критики. Из всей, довольно значительной массы того фактического материала, который содержался в иноязычных сочинениях о Пугачеве, Пушкин отобрал настолько малую долю, что называть эти сочинения источниками «Истории Пугачева» нет никаких оснований.

Здесь, наконец, — и это самое важное — проявила себя с особенным блеском самостоятельность научной мысли Пушкина. Дело в том, что, помимо отвергнутой Пушкиным правительственной, заведомо ложной концепции пугачевского движения, существовали в его время еще и другие

концепции, не менее ложные, созданные за русским рубежом с определенными, враждебными России целями. Патриотическая настороженность Пушкина, обострившаяся в связи с той угрозой европейской интервенции, которая нависла над Россией в период польского восстания 1831 г.,¹ помогла Пушкину вскрыть клеветническую суть этих иностранных, весьма навязчивых измышлений и отместить их с такой же решительностью, с какой он отбросил официальную легенду о Пугачеве.

Это заставляет признать, что при изучении Пушкина как историка анализ его критической работы над иноязычной литературой о Пугачеве является задачей первоочередной и актуальной.

Разрешению этой задачи посвящена вторая часть настоящей книги. Тезис о полной идейной независимости Пушкина-историка от каких бы то ни было иностранных «влияний» является основным тезисом этой части.

* * *

Настоящая книга, как сказано, не притязает на разрешение всех проблем, связанных с деятельностью Пушкина-историка. Тема сознательно ограничена с тем, чтобы в этих узких пределах довести анализ по возможности до конца. Этот анализ, может быть, утомит читателя своей детальностью. Но ведь в том и значение тех выводов, которые противопоставляются здесь бездоказательным декларациям буржуазных критиков Пушкина,

---

¹ Вспомним хотя бы знаменитую оду «Клеветникам России» и слова Пушкина из письма Вяземскому от 1 июня 1831 г.: «Того и гляди, навяжется на нас Европа». По свидетельству современников, Пушкин признавал внешнеполитическое положение России в 1831 г. «чуть ли не столь же грозным, как в 1812 г.» («Русский архив», 1879, кн. 1, стр. 385).

Пугачев. Гравюра Летелье по рисунку придворного миниатюриста Екатерины II Мальи, исполненному, как предполагают, с натуры и признаваемому наиболее достоверным из всех портретов Пугачева. 1775.

что эти выводы построены не на двух-трех наблюдениях, а на большом количестве кропотливых изысканий.

Нас обязывает в этом отношении пример самого Пушкина: его исследовательская работа поражает прежде всего суровой требовательностью к себе, подлинно научной скрупулезностью. Терпеливо пройти вслед за ним по всем мелким этапам его черновой, усерднейшей, громадной по объему работы — значит дополнить представление о Пушкине-историке новой и немаловажной чертой.

* * *

С величайшей признательностью вспоминаю то полезнейшее содействие, какое я встретил со стороны наших превосходно поставленных архивных учреждений и библиотек, столичных и областных. Особенно деятельную помощь оказала мне Научная библиотека Саратовского Государственного университета. Приношу глубокую благодарность директору этого образцового книгохранилища В. А. Артисевич и ее сотрудницам Ю. А. Кузнецовой, М. В. Симбирцевой, В. С. Логиновой, А. М. Либерман, А. Ф. Протяновой и Э. Н. Дементьевой.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

*НАЗНАЧЕНИЕ ЦИТАТ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПУШКИНА*

ВВЕДЕНИЕ

Достоинства Карамзина как историка заключались, по мнению Пушкина, «в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий».¹

Те же задачи ставил себе, конечно, и Пушкин, приступая к работе над «Историей Пугачева», причем «со стороны слога», по выражению Белинского, «вполне достиг того, к чему Карамзин только стремился».² Нет сомнения, однако, что способы «изыскания истины» и средства «изображения событий» найдены были другие. Дело шло не о «произведении гармонического пера», — как оценивал Пушкин «Историю Государства Российского», — а о чем-то совсем ином, несравненно более сложном.

Принимаясь за свою «Историю», Пушкин, — насколько можно судить по результатам, — не хотел отрешаться от тех навыков, какими наделил его беллетристический опыт, к тому времени уже значительный. Напротив: намерение его состояло, повидимому, в том, чтобы в обязанности ученого вступить во всеоружии прав художника и чтобы применить эти права не только в области «изображения событий», но и в области «изыскания истины».

---

¹ А. Пушкин, *Сочинения. Однотомник. Л., 1937, стр. 697.*

² В. Г. Белинский, *Сочинения Александра Пушкина. Л., 1937, стр. 553.*

Работа Пушкина осложнялась тем, что пугачевское движение было эпизодом новейшей истории, тесно связанным с современностью. Тем самым отказ от оценки событий был для Пушкина исключен. Обойтись без «направления повествования к какой-нибудь известной цели» было немыслимо и с точки зрения Пушкина и с точки зрения правительства. Но «известная цель» у Пушкина была одна, а у правительства другая. Таким образом, «размышления», которыми предстояло снабдить «Историю Пугачева», никак не укладывались в рамки той «иноческой простоты», какую Пушкин приписывал Карамзину.

На этом не кончались еще все трудности. Помимо того, что одним из главных персонажей задуманной «Истории» была родная бабка пушкинского цензора, Екатерина II, среди действующих лиц «сего кровавого и любопытного эпизода» оказывались люди, с чьими детьми и внуками Пушкин то и дело встречался в обществе.

Наконец, сам Пушкин добровольно усложнил свой замысел тем, что решил ввести в число этих действующих лиц ряд русских писателей, мертвых и живых.

Итак, научные задачи переплетались с задачами художественными и публицистическими. И те, и другие, и третьи приходилось разрешать с оглядкой не только на цензуру, но еще и на личные отношения, светские и литературные. Встреча с читателем, предстоявшая Пушкину на новом для него историческом поприще, не имела ничего общего с тем открытым боем, каким были его предыдущие прозаические опыты.

Этой сложностью творческой обстановки определяются многие стилистические особенности «Истории Пугачева».

I

СТИЛЬ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

Если анализ одной главы «Пиковой дамы» может дать достаточно верное представление о стиле всей повести, если в «Барышне-крестьянке» трудно отыскать какие-нибудь существенные стилистические отличия от «Станционного смотрителя» или «Мятели», — то по одному отрывку «Истории Пугачева», откуда бы его ни взять, никак нельзя произнести общего суждения об ее стиле в целом.

Валовой подсчет отдельных явлений стиля даст и здесь обычные для Пушкина итоги: преобладание глаголов и существительных над прилагательными и наречиями, обилие коротких предложений, почти полное отсутствие метафор, большое количество собственных имен при малом числе местоимений, и т. д.

Однако в размещении этих характерных для пушкинской прозы признаков наблюдается здесь такая неравномерность, что итоги подобного сквозного подсчета теряют как будто, значение. Рубленые фразы, состоящие из трех, четырех, пяти слов, то располагаются обширными гнездами, то чередуются с пространными, иногда довольно сложно построенными предложениями, то надолго уступают им место. Встречаются длинные отрезки текста, где на протяжении двух-трех страниц не оказывается

почти ни одного качественного определения, а наряду с этим попадаются куски, где в пределах нескольких строк уместено более десятка таких определений. Подчеркнуто-сухая, отрывистая речь сменяется приподнятым, торжественным тоном. Деловые перечисления, местами даже разбитые по-канцелярски на пронумерованные пункты, оказываются в соседстве с напевным строем «народного красноречия».

Было бы, разумеется, большой ошибкой рассматривать все это как случайность, как неряшество или как неудачу. Есть основание думать, что Пушкин произвел в данном случае некий новый стилистический опыт.

Суть этого опыта станет нам ясна, если мы взглядемся в работу Пушкина над цитатами.

II ЯВНЫЕ ЦИТАТЫ

В исторической прозе, научной и художественной цитата имеет обычно двойное назначение. Она служит либо для того, чтобы подкрепить то или иное утверждение автора чьим-то чужим свидетельством, приводимым для большей убедительности дословно (цитаты ссылочные), либо для того, чтобы украсить повествование образцом того языка, каким говорили или писали в изображаемое автором время, и дать тем самым более наглядное представление о том, что принято называть «колоритом эпохи» (цитаты иллюстративные).

В последнем случае традиционным является несколько ироническое отношение автора к языку источника, причем предметом такой иронии чаще всего оказываются слова, которые с течением времени приобрели иной смысл («пошлый купец», «прелестные письма», «очарованный странник», «бывый прохвост», «восковая персона», «изумленный капитан» и т. п.). Дальше этого задачи цитат, в большинстве случаев, не идут.

Проглядывая цитаты, введенные в основной текст «Истории Пугачева», нетрудно обнаружить обе вышеуказанные их разновидности. Но сразу же бросается в глаза преобладание иллюстративных цитат. Сюда относятся все многочисленные реплики и словечки самого Пугачева

(стр. 15, 18, 21, 25, 27, 35, 45, 66, 75, 77, 78, 80) и его сподвижников (стр. 19, 27), выдержки из воззвания Рейнсдорпа (стр. 23), из письма Нурали-хана (стр. 17), из рапорта офицеров Курмышской инвалидной команды (стр. 70) и т. д. Что же касается ссылочных цитат, то к их числу можно отнести разве только отрывки из рапорта генерала Кара (стр. 29), да из писем Вольтера и Екатерины (стр. 40).¹

Из числа иллюстративных цитат лишь одна носит упомянутый выше каламбурно-иронический характер: это приведенные Пушкиным слова Рычкова о «подлом духе» или «подлости» Пугачева (стр. 78 и 355). В устах Рычкова, как и в официальных актах его времени, прилагательное «подлый» отнюдь не имело того оскорбительного, бранного смысла, какой придан был ему впоследствии в дворянском обиходе.²

Следует отметить тут же, что, цитируя чужую речь, Пушкин здесь, как впрочем и всегда, был далек от педантической точности. В пределах основного текста «Истории Пугачева» дословная передача цитируемого материала встречается лишь как редкое исключение. Не останавливаясь пока на причинах этого явления, о которых речь будет ниже, можно констатировать, что Пушкин считал

---

¹ Иное назначение имеют пространные цитаты, вынесенные Пушкиным в отдел «примечаний». Все они за очень малыми исключениями являются экскурсами по вопросам, имеющим лишь косвенное отношение к основной теме «Истории».

² Ср.: А. Романович-Славатинский. *Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права*. Спб., 1870, стр. 73.— М. Н. Волконский, сообщая свои впечатления от свидания с первой женой Пугачева, выражается так: «Жена его человек слабый, подлый и, видно, тихий» («Русский вестник», 1869, т. 81, стр. 162). У В. Н. Тагищева читаем: «Собрав всех бояр, дворовых служителей и подлости немалое войско...» (История Российская. Кн. III. М., 1774, стр. 221).

необходимым подвергать чужой текст известной стилистической правке, иногда весьма значительной.

Этой участи не избежали не только второстепенные документы, вроде упомянутого выше рапорта Кара¹, но даже и такие ответственные тексты, как письма Екатерины², воспоминания И. И. Дмитриева³ и стихи Державина.⁴

В письме Бибикова к Фонвизину, которое Пушкин приводит в приложениях полностью, читаем: «Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование. А Пугачев чучела, которою воры Яицкие казаки играют» (стр. 201). Цитируя этот отрывок в основном тексте «Истории Пугачева», Пушкин перестраивает его так: «Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры Яицкие казаки; не Пугачев важен, важно общее негодование» (стр. 45).

¹ В типографском экземпляре рукописи цитата была точна, но затем, очевидно, уже в процессе корректурной правки, Пушкин изменил «что» на «чтобы» (стр. 29 и 422; ср. Записки Академии Наук. Прил. к т. I, № 4, СПб., 1862, стр. 22).

² У Пушкина: «...Le second s'expose à chaque instant» (стр. 40); в подлиннике: «...L'autre s'expose à chaque instant...» (Oeuvres complètes de Voltaire, t. XL. Paris, 1818, p. 707). У Пушкина: «Des cruautés qu'ils commettaient» (стр. 146); в подлиннике: «Des cruautés qu'il commettoit» (Voltaire, p. 712). У Пушкина: «...En sa prison» (стр. 147); в подлиннике: «...Dans sa prison...» (Voltaire, p. 716).

³ У Пушкина: «...Необыкновенной высоты сани» (стр. 147); в подлиннике: «...Необыкновенной величины сани...» (И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, ч. I, кн. I, стр. 28). У Пушкина: «...В чертах лица его...» (стр. 148); в подлиннике: «...В лице его...» (Дмитриев, op. cit., стр. 28). У Пушкина: «...Между тем, как сподвижник его...» (стр. 148); в подлиннике: «...Между тем сподвижник его...» (Дмитриев, op. cit., стр. 29).

⁴ У Пушкина: «...Искусный вождь во брани, ...правды друг» (стр. 112); в подлиннике: «...Искусный вождь во бранях...правде друг...» (Сочинения Державина ч. I. СПб., 1808, стр. 252; то же в издании 1831 г., ч. II, стр. 122).

Если мы заглянем в типографскую рукопись, то увидим, что там переработка бибиковского текста была еще серьезнее: слово «чучело» заменено было словом «кукла» (стр. 426).

Рассказывая о том, как саранского архимандрита Александра нарядили в мужицкий армяк, Пушкин отмечает, что Павел Потемкин сделал это «для большего эффекта», и выделяет эти три слова курсивом, как цитату (стр. 375). Это и впрямь цитата, но измененная столь существенно, что отыскать ее источник не так-то просто. Оказывается, что так пересказаны следующие слова Платона Любарского: «для большего народу знать внушения его проступка».¹

По сведениям Феррана, в лагере Пугачева «водка продавалась на его счет» («roug son compte», стр. 792). Пушкин пишет: «Вино продавалось от казны» (стр. 26) и последние два слова выделяет курсивом, в качестве цитаты.

Михаил Кожевников, сообщая в своем показании о стратегических намерениях Пугачева, говорит, что «он с войском следовать будет в Русь» (стр. 694). Пушкин, цитируя это показание, заменяет глагол «следовать» глаголом «броситься» (стр. 15).

В передаче гренадера Ахлестина распоряжение майора Заева, отданное пленным полякам, звучит так: «Оставайтесь здесь и защищайте крепость» (стр. 697—698).²

¹ Письмо П. Любарского к Н. Н. Бавтыш-Каменскому от 16 октября 1774 г. (Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т. III, стр. 123). В материалах Пушкина не сохранилось ни копии, ни конспекта этого письма. В черновой рукописи Пушкина, вместо слов «для большего эффекта», читаем: «для примера» (стр. 479).

² Ср. А. И. Дмитриев-Мамонов. Пугачевщина в Сибири. М., 1898, стр. 25. В выдержке из показания Ахлестина Пушкин написал сперва: «Защищайтесь», но затем переправил на: «защищайте крепость» (стр. 698).

У Пушкина оно цитируется несколько иначе: «Оставайтесь здесь и защищайтесь» (стр. 35).

Нурали-хан пишет Рейнсдорпу: «Мы, на степи находящиеся люди, не знаем, сей ездящий вор ли? или реченный государь сам?» (стр. 197). Пушкин не удовлетворен этим текстом, принадлежащим, в сущности, оренбургскому переводчику Артамону Ишакову (стр. 462), и передает слова киргиз-кайсацкого «владельца» по-своему: «Мы, люди, живущие на степях, не знаем, кто сей, разъезжающий по берегу: обманщик ли, или настоящий государь?» (стр. 17).

Екатерина, приказав разорить жену и детей Пугачева, сжечь их дом, арестовать их и отправить в Казанский острог, не могла и тут не прикрыться личиной человеколюбия: она распорядилась, чтобы все это было произведено «без оказания им наималейшего огорчения» (стр. 781). У Пушкина эти слова переданы так: «безо всякого оскорбления» (стр. 40).

Таких примеров можно привести множество. Полезно отметить, что неточности в передаче чужой речи объясняются в данном случае не рассеянностью Пушкина и не ошибками его памяти. Из приведенных образцов видно, что рукописи Пушкина хранят следы сознательной правки цитируемых текстов. Эта правка начиналась иногда еще в процессе конспектирования архивных документов. Так было, в частности, с упомянутым письмом Нурали-хана: вместо «реченный государь сам», Пушкин записывает: «настоящий государь» (стр. 774). Что касается предположения, будто Пушкин цитировал иной раз архивные документы на память, то эта, совершенно произвольная «гипотеза», высказанная в свое время Н. Н. Фирсовым,¹

¹ Пушкин, под ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгауз-Ефрон т. VI, П., 1915, стр. 252 (см. выше, стр. 42). Пушкин излагал на память только некоторые устные предания.

должна быть отброшена: у нас будет еще много случаев убедиться в том, что, работая над «Историей Пугачева», Пушкин неизменно держал перед глазами выписки из документов, которыми пользовался. Более того, мы увидим, что словесная ткань изучаемого источника имела для Пушкина во всяком случае не меньшее значение, чем содержание этого источника. И если он вносил в эту ткань те или иные изменения, то не только не усматривал в этом ничего предосудительного, подлежащего утайке от читателя, а, напротив, делал это совершенно открыто, публикуя иногда, наряду с измененной выдержкой из документа, и весь документ *in extenso*, без всяких изменений.¹

Эти наблюдения приобретут иной смысл и дадут больший материал для выводов, если от беглого обозрения явных цитат, то есть того, что набрано у Пушкина курсивом или заключено в кавычки, мы перейдем к изучению таких цитат, которые, в отличие от первых, мы назовем скрытыми.

---

¹ Так обстояло дело с целым рядом писем Бибикова, в частности и с письмом к Фоявизину, с письмом Нурали-хана к Рейндорпу, и т. д.

III СКРЫТЫЕ ЦИТАТЫ

Это наименование требует оговорки: оно условно. Пушкин не имел, разумеется, никаких оснований выдавать чужие слова за свои и скрывать близость своего текста к тексту источников, хотя бы потому, что подобная близость является не пороком, а одним из главных достоинств исторического изложения. Эта истина была для Пушкина так же бесспорна, как и для нас. Когда рецензент болгаринского журнала упрекнул его в обилии и пространности цитат из книги А. И. Левшина, Пушкин ответил на это так: «Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-ном Левшиным» (стр. 380).

Итак, если не все словесные заимствования из источников выделены Пушкиным теми способами, какие применял он для обозначения цитат, то объясняется это, очевидно, только двумя причинами: во-первых, нежеланием утомлять читателя чрезмерной пестротой типографского набора, а во-вторых, тем, что переработка чужого текста шла в некоторых случаях еще дальше, чем в тех образцах, какие приведены выше.

Нельзя требовать от Пушкина, чтобы, цитируя источники, он придерживался обычаев, установленных исторической наукой только в наши дни, а в его время еще не

утвердившихся. Довольно и того, что он и в этом отношении опередил свой век: и в смысле выделения цитат и в смысле ссылок на источники Пушкин проявил несравненно бóльшую щепетильность, чем такие, например, западно-европейские его современники, как Тьерри, Гизо и Тьер.

Приводить все скрытые цитаты нет возможности: их слишком много.

Достаточно ограничиться наиболее характерными в разных отношениях образцами, разбив их по группам источников.

ТЕКСТ ИСТОЧНИКОВ¹

ТЕКСТ ПУШКИНА

А. Показания рядовых очевидцев

1) А дабы прежде время
никуда о сем известия подано не
было — учредит заставы, ...

... И учредить заставы по
всем дорогам, дабы никуда пре-
ждевременно не дошло о нем
известия ...

2) ... И в прочих местах учре-
дить судей других, в рассмотре-
нии что-де в нынешних присмот-
рена им многая неправда, ...

(Показания яицкого казака М. А.
Кожевникова, стр. 694).

... Повсюду поставить новых
судей (ибо в нынешних, по его
словам, присмотрена им многая
неправда) ...

(Стр. 15).

3) 19го самозванец прибли-
зился, но при виде команды стал
мало помалу отступать, ...

(Показания яицкого казака Г. Си-
нельникова, стр. 700).

На другой день Пугачев при-
ближился к городу; но при виде
выходящего противу него войска
стал отступать ...

(Стр. 16).

4) А у Хлоп.[уши] ноздри
рваные до хрящей.

... С ноздрями, вырванными
до хрящей, ...

¹ Эти тексты (за исключением немногих, оговоренных особо) воспроизводятся по записям Пушкина. Курсивом набраны в этих текстах слова, подчеркнутые Пушкиным.

(Листок 1740го года, Sheet
4 надв. в. и др. напечат.
Фон) Емпири-де Каса-
де устрат медицин дум
тот апидотт Мугачеа в
фигур Мугачеа, а
младш мугачеа ест
поименовансе. Дан
собрание во астр кар
собрание. Емпири-
де Каса-де устрат
младш мугачеа, а
фигур Мугачеа, а
младш мугачеа ест
поименовансе.

«Мугачеа во астр
младш мугачеа, а
фигур Мугачеа, а
младш мугачеа ест
поименовансе»

г. Мугачеа в ф. Мугачеа

Рукопись «Истории Пугачева» с переработанной цитатой из письма Бибикина к Фонвизину.

(Из собрания Института литературы Академии Наук СССР).

5) Богу молится по-раскольнически, грамоте видно не умеет, ...

(Показание исетского сотника И. Белоносова, стр. 696).

6) Был он в красном каз.[ацком] платье ...

(Показание фурьера Тобольской гарнизонной роты И. И. Панова¹ стр. 699—700).

7) Пушка была одна, да и та в ворота брошена ... Анбар был отворен и несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе.

(Показание капрала Тобольской гарнизонной роты И. Кайгородова,² стр. 695).

8) Сам держит без вс.[якого] употребл.[ения] лошадей 20 на лучшем корму, для побега.

(Показание Бажандыка Шагаева, Сайна Кубенеева и Чжах Агубова, стр. 780).

9) Потом по⁴распросам узнав, что есаул и 2 офицера бежали, сам Пугачев переменял лошадь, на буром коне взяв у казака дротик сам пят пустился в погоню.

(Показание донских казаков В. И. Малохова и И. Г. Мелехова, стр. 677).

Он не знал грамоты и крестился по-раскольничьи.

(Стр. 28 и 41).

Пугачев, в красном казацком платье, ...

(Стр. 35).

Анбар был отворен. Несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе. Одна пушка брошена была в воротах.

(Стр. 35).

Для того держал он на лучшем корму тридцать³ лошадей, выбранных им на скачке.

(Стр. 45).

Услыша от них о гвардейском офицере, Пугачев тут же переменял лошадь, и взяв в руки дротик, сам с четырьмя казаками поскакал за ним в погоню.

(Стр. 72).

¹ В записях Пушкина он ошибочно назван Ив. Ивановым (стр. 700).

² В записях Пушкина он ошибочно назван Ивановым (стр. 696).

³ Цифра (30 вместо 20) исправлена Пушкиным по летописи Рычкова, который в свою очередь основывался на показании своего подчиненного, писаря Полуворотова, пробывшего в Берде около двух недель в качестве пленного. Оттуда же упоминание о скачке (см. стр. 234).

Б. Донесения начальников правительственных
отрядов

10) ... А лошади падали и
дошли.

... Но лошади, изнуренные
бескормицей, падали и дошли
под тяжестью артиллерии...¹

11) ... И толпы их заезжали
кругом мне в тыл.

(Рапорт К. Валленстиерна от 6 фев-
раля 1774 г., стр. 712).

... Толпы мятежников начали
заезжать в тыл обеим колоннам.

(Стр. 36 и 38).

12) Яицкой городок, началь-
ное гнездо бунта...²

(Рапорт П. М. Голицына от 17 ап-
реля 1774 г., стр. 645).

Яицкий городок, сие первое
гнездо бунта,...

(Стр. 36).

13) ... Сам я краем рва при-
двинулся к слободе с 3 пушками,
и действовал удачно,...

(Рапорт С. Л. Наумова, стр. 713).

Наумов, сначала действовав-
ший довольно удачно,...

(Стр. 38).

14) Но поручик ф.[он] Горстен,
командующий ротой драгун, уда-
рил в палаши и попирая, рубил
их через весь город... Город
был очищен,...

(Рапорт К. Муффеля от 31 декабря
1773 г., стр. 710).

Но драгуны ударили в палаши
и въехали в город, рубя и попи-
рая бегущих... Город был очи-
щен.

(Стр. 43).

15) ... Рогатки сломлены, бата-
реи взяты, артиллеристы перере-
заны, предместья заняты — и зло-
деи бросились бежать... 25 де-
ревень пришли в послушание,...

(Рапорт Ю. Б. Бибикова от 18 ян-
варя 1774 г., стр. 638).

Рогатки их были сломаны, ба-
тареи взяты, предместья заняты;
все бежало. Двадцать пять бун-
товавших деревень пришли в по-
виновение.

(Стр. 44).

¹ У Валленстиерна речь идет о вылазке 13 января 1774 г., Пушкин же пользуется его выражениями, говоря о вылазке, предпо-
лагавшейся в ночь на 1 декабря 1773 г.; эта вылазка была отменена,
по словам Рейнсдорпа, оттого, что «из-под артиллерии 30 лошадей
от бескормицы пало» (стр. 524).

² Непосредственно вслед за этим Пушкин отметил в скобках:
«сл.[ова] Гол.[ицына]».

16) Сию толпу, как ни опасно было оставлять у себя в заду, но... пошел прямо к Чесноковке на деревню Арова..

17) В 2 часа в Требикове,¹ в 5 верст. от Чесноковки, встречен я был 1000 чел. с двумя пушками. Майор Харин их разбил и рассеял. Егеря отняли пушки...

18)... Я велел... коннице моей, спешившейся в начале сражения, садиться на конь,..

(Рапорт И. И. Михельсона от 28 марта 1774 г., стр. 714).

19)... И отошед 15 верст, узнал через пойманных башкирцев, что Пугачев пошел не на Кизил, а прямо на Карагайскую крепость Уральскими горами;... Посему я пошел назад.

(Рапорт И. А. Кляше де-Колонг от 26 мая 1774 г., стр. 649).

20) Следы чем далее, тем более рассыпались, и наконец пропал[и].

(Рапорт И. И. Михельсона от 27 мая 1774 г., стр. 652).

21) Я оставил майора Дуве и пошел на подкрепл.[ение] Харина, проходившего ров под их огнем — и по пятичасовом сражении непр.[иятель] разбит.

(Рапорт И. И. Михельсона от 13 июля 1774 г., стр. 660).

Михельсон, оставя их у себя в тылу, пошел прямо на Чесноковку...

Тут он был встречен толпою бунтовщиков с двумя пушками. Майор Харин разбил их и рассеял; егеря отняли пушки...

... И велел своей коннице спешившейся в начале сражения, садиться на-конь...

(Стр. 50).

Но прошед уже пятнадцать верст, узнал от пойманного башкирца, что Пугачев, услыша о приближении войска, шел уже не к Кизильской, а прямо Уральскими горами, на Карагайскую. Декалонг пошел назад.

(Стр. 56).

След их, чем далее шел, тем более рассыпался, и наконец совсем пропал.

(Стр. 58).

Михельсон, оставя Дуве, пошел на подкрепление Харина, проходившего через овраг под неприятельскими ядрами. Наконец, после пяти часов упорного сражения, Пугачев был разбит,..

(Стр. 65).

¹ Описка Пушкина, перешедшая и в «Историю Пугачева» (стр. 50). В той же выписке, несколькими строками ниже, Пушкин дает верное название деревни — Третьяково; это последнее название нанесено им кроме того и на схематический чертёж, набросанный на этой выписке (стр. 714 и подклеенная к ней репродукция).

22) ... И быв преследован более 30 верст, ударился он в лес, а наши кони были не в состоянии далее идти.¹

(Рапорт И. И. Михальсона от 16 июля 1774 г., стр. 351).

23) Курмышской воеводский товар.[ищ] Алфимов бежал, узнав о приближении Пугачева, а 20 [го] поутру Пугачев вплавь переправясь через Суру, вошел в Курмыш. Дворяне бежали, а народ встретил его на берегу с образами и хлебом.

(Рапорт офицеров Курмышской инвалидной команды от 27 июля 1774 г., стр. 658).

24) При входе моем в город, я его² арестовал... благородных изменников взял с собою, а черных людей велел под виселицею высець плетьми.

(Рапорт В. Меллина от 2 августа 1774 г., стр. 669).

25) Между тем Кобяков возвратился с пугачевск.[им] указом, который, взяв от него, я разорвал и растоптал, а его велел арестовать.

... И наконец ударился в лес. Харин, преследовавший его целые тридцать верст, принужден был остановиться.

(Стр. 68).

20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом.

(Стр. 70).

На другой день Меллин вошел в Саранск, взял под караул прапорщика Шахматова, посаженного в воеводы от самозванца, также и других важных изменников духовного и дворянского звания, а черных людей велел высець плетьми под виселицею.

Стр. 71).

Между тем Кобяков возвратился с возмутительным письмом. Бошняк, выхватив его из рук изменника, разорвал и растоптал, а Кобякова велел взять под караул... .

¹ Воспроизводится по копии, опубликованной Пушкиным в составе летописи Рычкова. В конспекте, составленном Пушкиным, это место читается так: «...И преследуемый более 30 вер.[ст] ударился в лес» (стр. 659).

² С. М. Шахматова.

26) По первому выстрелу Пугачева, казаки и обыватели разбежались.

27) Вдруг 300 артилл[еристов], выхватя из-под пушек клинья и фитили, выскочили из укрепления и передались.

(Рапорт И. К. Бошняка от 16 октября 1774 г., стр. 675).

23) Калмыки разбежались при первом пушечном выстреле; казаки дрались храбро, доходя до самых пушек, но были отрезаны от команды — и побиты.

(Рапорт И. Е. Цыплетова от 17 августа 1774 г., стр. 672).

По первому выстрелу крепостные казаки и обыватели разбежались.

... Вдруг триста артиллеристов, выхватя из-под пушек клинья и фитили, выбежали из крепости и передались.

(Стр. 73).

Калмыки разбежались при первом пушечном выстреле. Казаки дрались храбро и доходили до самых пушек, но были отрезаны и передались.

(Стр. 74).

В. Сводки высшего командования правительственных войск

29) ... Все начальники объявили ему о ненадежности войска.

(Экстракт И. А. Рейнсдорпа, стр. 519).

30) ... Получил известие, что он уже со всем корпусом безо всякого сопротивления ведется в лагерь злодейский.

(то же, стр. 522).

31) ... Зло сие весьма далеко возросло и обширно распространилось.

(Письмо А. И. Бибикова от 5 января 1774 г., стр. 712).

32) Ген.[ерал]-м.[айор] Мансуров 6 [го] и 7 [го] занял оставленные креп.[ости] Озерную, Рассыпную и Илецкий Городок, нашед в сем 14 пушек.

(Рапорт Ф. Ф. Щербатова от 23 апреля 1774 г., стр. 648).

... И 12 октября Наумов вывел опять из города свое ненадежное войско.

(Стр. 25).

Получил известие, что весь отряд Чернышева взят и ведется в лагерь Пугачева.

(Стр. 31).

Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко.

(Стр. 40).

Мансуров 6 и 7 апреля занял оставленные крепости и Илецкой городок, нашед в последнем четырнадцать пушек.

(Стр. 51).

33) ... Злодеи, числом в 300 чел., под предвод[ительством] Овчинникова, забирая у обывателей свежих лошадей, проскакали через Сакмарскую линию и Новомосковскую дорогу в Башкирию. (Рапорт Ф. Ф. Щербатова от 11 мая 1774 г., стр. 651).

34) Бег сего злодея столь *быстр и опрометчив*, что нет способу с соблюдением порядка службы его преследовать.

35) Лучшее средство перехватывать ему путь, но по столь великому пространств[ву] рассеянные войска не могут делать быстрые обороты, а в лсшадях мор и нужда. (Рапорт Ф. Ф. Щербатова от 22 июля 1774 г., стр. 657).

36) Жду с нетерпен[ием] от кн. Галиц[ына] из Мензелинска войск — для отправления оных на подкрепление отрядов, и сам поспешу за ними. (Рапорт Ф. Ф. Щербатова от 27 июля 1774 г., стр. 666).

37) ... Пугачев за собою оставляет возмутителей. (Рапорт П. М. Голицына от 4 августа 1774 г., стр. 663).

Овчинников и Перфильев, преследуемые майором Шевичем, проскакали через Сакмарскую линию с тремя-стами ящких казачков, ...

... Он¹ скакал проселочными дорогами, забирая свежих лошадей, ...

(Стр. 55 и 71).

Мы оставили Михельсона неумоимо преследующим опрометчивое стремление Пугачева.

Его движения были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преследовать; к тому же конница была слишком изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, рассеянные на великом пространстве, не могли всюду поспевать и делать скорые обороты. (Стр. 64 и 67).

Князь Щербатов с нетерпением ожидал прибытия войск из Башкирии, дабы отправить подкрепление действующим отрядам, и сам хотел спешить за ними; ...

... И оставляя за собою возмутителей, ... (Стр. 71).

¹ В этом последнем случае Пушкин применяет выражение Щербатова не к апрельскому движению Овчинникова, о котором говорит Щербатов, а к июльскому движению самого Пугачева.

38) Пугачев переплыл Волгу и ушел на луговую сторону с 30 человеками, ...

(Рапорт П. Н. Кречетникова от 10 сентября 1744 г., стр. 719).

Пугачев, в семидесяти верстах от места сражения, переплыл Волгу, выше Черноярска, на четырех лодках, и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками.¹

(Стр. 75).

Г. Акты центральной власти

39) Генерал-майору Потемкину не оставалось в таковых обстоятельствах иного предпринять, как единственно спасти от злодейских рук казанский кремль. Что он и учинил, и вошел в оный, до тех пор оборонялся, пока приспел в помощь городу неутомимый полковник Михельсон с деташементом.

(Описание происхождения дел и сокрушения злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева, стр. 178).

Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились к крепости, как к последнему убежищу.² Потемкин вошел вместе с ними.

(Стр. 62—63).

Д. Мемуары

40) Сей искусный и попечительный генерал, с придачею ему в Оренбурге двух легких команд и еще нескольких регулярных и нерегулярных войск, по слитии вод, отправлен был сперва к Илецкому городку, где он, оста-

Фрейман весною прибыл в Оренбург, где дождался слития рек, и — взяв с собою две легкие полевые команды и несколько казаков, пошел к Яицкому городку. Мятеежники, в числе трех тысяч, выехали³ против него; оба вой-

¹ Отсутствующие у Кречетникова сведения заимствованы Пушкиным из рапорта С. Н. Сулина от 25 августа 1774 г. (стр. 716) и из «Histoire de la révolte de Pugatschef» (р. 356).

² Это предложение не имеет никакой связи с данным официальным источником (оно восходит к «Краткому известию» П. Любарского, стр. 363), но характер связи следующего предложения с «Описанием дел» становится ясен только в этом контексте.

³ Первоначально в рукописи Пушкина было: «вышли» (стр. 413)

новьясь на несколько времени, все распорядил так, как бы ему лучше и безопаснее к Яицкому городку подступить и оным овладеть, ежели б злодеи отважились ему воспротивиться; но они, не допустя его туда верст за семьдесят, сами и с пушками выехали ему на-встречу тысячах в трех людства, а тем и открыли уже они явно намерение свое к бунту.

41)... И своими пушками очистил себе путь..

(П. И. Рычков. *Летопись*, стр. 207—208).

42) По разным частным известиям, якобы он Пугачев еще в то самое время, когда по высочайшей конфирмации, за убийство генерал-майора Траубенберга и за предписанные злодеяния, зачинщикам чинено наказание, был на Яике и шатался между дворов в крайней бедности, а наконец жил он в рабочих на хуторах тамошнего казака Даниила Шолудякова,...

(То же, стр. 210).

43)... У тех, кто им был надобен, подхватя за узды лошадей, погнала их к самозванцу,...

(То же, стр. 212).

ска сошлись в семидесяти верстах от города.

(Стр. 11).

Фрейман картечью открыл себе дорогу.

(Стр. 11).

В смутное сие время, по казачьим дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому, и принимался за всякие ремесла.¹ Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков,...

(Стр. 13).

... И потащила с собою пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей.

(Стр. 16).

---

¹ Сведения о том, что Пугачев «принимался за всякие ремесла», заимствованы не из летописи Рычкова, а из рассказов, слышанных Пушкиным в Берде и Уральске. См. стр. 98 (прим. 1) и 496; ср. также «Известие» И. Полянского (стр. 583).

44) Оставшие ж подле Егорьевской церкви злодеи в то ночное время, как на соборной церкви били часы, на каждый час делали по выстрелу из пушки;...

(То же, стр. 241).

45) ... С сообщниками своими, которых он любит, нередко вместе обедает и напивается допьяна, которые обще с ним сидят в шапках, а иногда-де и в рубахах и поют бурлацкие песни без всякого ему почтения; но когда-де выходит он на базар, тогда снимают шапки и ходят за ним без шапок, ...¹

(То же, стр. 324).

46) Самолютейший зверь Емелька, являсь у вышепомянутых воров на Шелудяковых занятиях...

(И. Полянский. Известие, стр. 583).

47) Сии опасные вылазки чинимы были всегда с успехом, иногда 2 раза в короткий зимний день, солдаты были остервенены.

(И. Д. Симонов. Журнал, стр. 501).

48) Атакою предводительствовал сам Пугачев, который сперва лаской старался их возбуждать, а наконец колот копьём из своих рук. Штурм продолжался более

... Но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часов соборной церкви, делая по выстрелу на каждый час.

(Стр. 26).

Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом: но на-едине обходились с ним как с товарищем, и вместе пьянствовали, сидя при нем в шапках и в одних рубахах, и распевая бурлацкие песни.

(Стр. 27).

Пугачев явился на хуторах отставного казака Даниила Шелудякова, ...

(Стр. 14).

Сии опасные вылазки производились ежедневно, иногда два раза в день и всегда с успехом: солдаты были остервенены, ...

(Стр. 37).

Пугачев стоял во рву с копьём в руке, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающих, наконец сам коля бегущих. Приступ длился девять часов

¹ Рычков пересказывает в этом случае сообщение корнета Пустовалова, который «выехал из злодейских рук» 16 марта 1774 г. Конспектируя это место «Летописи», Пушкин отчеркнул его на полях карандашом (стр. 769).

9 часов при неумолчной пальбе и стрельбани.

(То же, стр. 502).

49) Хотя смятение и было велико,...

(«Оборона крепости Яика от партии мятежников», стр. 537).

50)... Камни, не быв разбросаны, свалились в груды,...

(То же, стр. 542).

51) Половина людей была всегда в ружье, а другой позволялось дремать сидя,...

(То же, стр. 546).

52) Сколь сему любезному гостю² весь город, можно сказать, был рад, описать не можно, не только человеки были в восторге, но издали казались переменными.

(И. О с и п о в. Прибавление, стр. 574).

53)... Малосмысленные сии твари, от конных яицких казаков свадиплетьми подгоняемые, перебегая весьма проворно из буерака в буерак, из лощины в лощину и переползвая, по предписанию Минеева, по-егерьски на брюхах через вышины, кои пушечным нашим выстрелам несколько открыты были, наконец таким образом в самые крайние к жилу два буерака выбрались свободно.

(Краткое известие П. Любарского, стр. 363).

сряду, при неумолкной пальбе и перестрелке.

(Стр. 45).

Смятение в городе было велико.

(Стр. 37).

Камни, не быв разметаны, свалились в груды.¹

(Стр. 46).

Ночью половина гарнизона всегда стояла в ружье; другой позволено было только сидя дремать.

(Стр. 52).

Жители приняли его с восторгом неописанным.

(Стр. 49).

Эта сволочь, большею частью безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебежала из буерака в буерак, из лощины в лощину, переползвала через высоты, подверженные пушечным выстрелам, и таким образом забралась в овраги, находящиеся на краю самого предместия.

(Стр. 62).

¹ Эта фраза внесена Пушкиным уже в процессе правки беловика (стр. 445).

² П. М. Голицыну, явившемуся в Оренбург после снятия осады

54) ... Имел удачное дело со злодеем,...

(То же, стр. 363) :

55) Мы ехали на переменных обывательских лошадях, и везли Пугачева скованного по рукам и ногам не в клетке, а в зимней кибитке.

(Н. Э. Повало-Швышковский. Биография, стр. 499).

56) На санях был амвон, на котором взвышени и сидел Пугачев вместе с духовником своим, ...

(То же, стр. 500).

57) ... Я увидел позорище для всех чрезвычайное, для меня же и новое: ...

(И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь, стр. 147).

58) ... Все пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов и лавок, на высотах с обеих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет и колясок. Вдруг все восколебалось, и с шумом заговорило: *везут, везут!*

(То же, стр. 147).

... Имел жаркое дело с Пугачевым...

(Стр. 64).

Его везли в зимней кибитке, на переменных обывательских лошадях;¹ ... Он был в оковах.

(Стр. 8).

... Ехали сани, с высоким амвоном. На нем, с открытою головою, сидел Пугачев, насупротив его духовник.

(Стр. 79).

Очевидец... описывает следующим образом кровавое позорище: ...

(Стр. 79).

Кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками. Вдруг все заколебалось и зашумело; закричали: *везут, везут!*

(Стр. 79).

¹ Эта фраза внесена Пушкиным уже в процессе правки беловика (стр. 433).

Е. Исторические исследования

59) Императрица положила взять самые сильные и деятельные меры к постановлению оплота, против столь быстро возрастающей грозы.

(А. А. Бибииков. Эпизоды о жизни и службе А. И. Бибиикова, стр. 240¹).

60) Она подошла к нему во время придворного бала с тем милостивым и ласковым видом, коим государи оказывают благоволение ближайшим их подданным, и по нескольких приветственных словах, объявила ему, что желает употребить его к утупению опасного для отечества пожара. Александр Ильич одарен был особенно остротою ума, всегда готов дать смелый, но приятный ответ изъясняя, что он посвятил себя на службу отечеству, прибавил, что есть простонародная русская песня «Сарафан ли мой»,...

(То же, стр. 240—241).

61) Александр Ильич безотговорочно согласился,...

(То же, стр. 242).

62) Приехав в Москву 13-го того же месяца, нашел он обширную сию столицу в страхе и унынии...

(То же, стр. 277).

Императрица видела необходимость взять сильные меры противу возрастающего зла.

(Стр. 32).

Она подошла к нему, на придворном бале, с прежней ласковой улыбкою, и милостиво с ним разговаривая, объявила ему новое его назначение. Бибииков отвечал, что он посвятил себя на службу отечеству, и тут же привел слова простонародной песни, применив их к своему положению: «Сарафан ли мой»,...

(Стр. 32).

Он безотговорочно принял на себя многотрудную должность,...

(Стр. 32).

Приехав в Москву, Бибииков нашел старую столицу в страхе и унынии.

(Стр. 32).

¹ Эта и следующие выдержки из книги А. А. Бибиикова приводятся по изданию 1817 г., которым пользовался Пушкин.

63) Казанское дворянство желало в благодарность к своему спасителю погребсти тело его в Казане и соорудить ему памятник.

(Там же; стр. 321).

Казань желала погребсти его в своем соборе и сооружить¹ памятник своему избавителю;...

(Стр. 54).

Все эти примеры говорят не только о том, как богато и разнообразно документирована «История Пугачева», как точен и как осторожен был Пушкин, когда сообщал исторические факты. Из этих примеров видно, что, помимо прочной материальной связи между «Историей Пугачева» и ее источниками, была между ними и связь формальная. Работая над источником, Пушкин переносил из него в свой текст не только факты, но в какой-то мере и лексику этого источника и его синтаксис.

Судя по обилию примеров, можно смело утверждать что это, бесспорно, не случайное явление, а сознательно усвоенный прием.

Пределы пользования элементами чужой речи, как видим, весьма изменчивы.

Иногда Пушкин выхватывает только одно слово: обыкновенно глагол или существительное, изредка прилагательное и еще реже — наречие. Чаще однако заимствует он целый ряд слов («в красном казацком платье», «на лучшем корму», «лошади падали и дохли», «действовавший удачно», «ударил в палаши», «рубя и попирая», «сильный буран», «забирая свежих лошадей», и т. д.), сохраняя большей частью те же их формы, то же сочетание и тот же порядок, что и в источнике. Встречаются случаи, когда Пушкина привлекает, повидимому, не столько лексический материал источника, сколько синтаксическое его строение («Тут он был взят толпою бунтовщиков», «Отряд Черны-

---

¹ Первоначально в рукописи Пушкина было: «соорудить» (стр. 429).

шева взят и ведется в лагерь Пугачева», и др.). Но гораздо более многочисленны случаи, когда воспроизводится то и другое, — иной раз в полной неприкосновенности, чаще же с некоторыми изменениями.

Задачи Пушкина станут яснее, если мы проследим, что именно изменялось, как изменялось и что сохранялось.

IV

ЧТО ИЗМЕНЯЛОСЬ В ТЕКСТЕ ЦИТАТ?

Нетрудно заметить, — и это особенно важно, — что Пушкин не только не склонен был заимствовать из источников архаические слова, архаические формы и архаические обороты речи, но, наоборот, вел с ними весьма последовательную борьбу.

В этом наглядно убеждают приведенные примеры: вместо «обще с ним» Пушкин пишет «наедине с ним», вместо «в рассуждении» — «ибо», вместо «чинимы были» — «производились», вместо «стреляние» — «перестрелка», вместо «жило» — «предместие», вместо «дрались» — «дрались», вместо «построившись кареем» — «выстроившись в карре», и т. д.¹

В том же направлении работал Пушкин и над своим собственным языком. В рукописи «Истории Пугачева» «питийское предание» заменяется «поэтическим преданием» (стр. 412), «феатр» — «театром» (стр. 420), «тыл Михельсонов» — «тылом Михельсона» (стр. 428), «новокрещане» — «новокрещенными» (стр. 449), и т. д.

---

¹ Единственным архаизмом, заимствованным из источников, является глагол «погребсти», которым Пушкин в других своих произведениях не пользуется, заменяя его глаголом «похоронить» (см., например, «Гробовщик», «Стационарный смотритель»).

Таким образом, Пушкин не стремился ни к реставрации языка XVIII века, ни к стилизации под этот язык.

Не может поколебать нашего вывода и то обстоятельство, что в «Истории Пугачева» местоимение «этот» заменено во всех без исключения случаях местоимением «сей».

Это последнее в пушкинское время не являлось архаизмом: оно уже и тогда, по свидетельству Пушкина, «избегалось в разговоре», но сохранялось и в служебной переписке, и в законодательных актах, и в научной литературе. Пушкин старался не пользоваться им в художественной, критической и публицистической прозе,¹ однако считал его необходимой принадлежностью исторического изложения: в статьях «О французской революции» и «О железной маске» так же, как и в предисловии к «Борису Годунову», местоимение «этот» не встречается ни разу; в статьях о Полевом мы находим его только один раз.²

---

¹ Но не отказывался от него вовсе: «Сему последнему примеру...» (Арап Петра Великого), «При сих словах...» (Выстрел), «Сии размышления...» (Гробовщик), «Сие ласковое обещание...» (Дубровский), «На сей раз...» (Пиковая дама), «Сей неожиданный удар» (Капитанская дочка), «В сем сражении» (Путешествие в Арзрум), «Сия мера...» (О народном воспитании), «Сего мрачного и сильного характера...» (О Байроне) и т. д. Припомним замечания Пушкина по этому поводу в связи с «шутками г. Сенковского на счет невинных местоимений сей, сия, сие, оный, она я, оно е» (в «Письме к издателю», напечатанном в «Современнике» за подписью А. Б.).

² Предисловия к «Повестям Белкина» и к «Истории села Горюхина» заключают в себе элементы пародии и потому не могут в этом случае идти в счет. В «Замечаниях по русской истории XVIII века» встречаются и «сей» и «этот», но в то раннее время прозаический язык Пушкина еще не сложился, да и вряд ли возможно отнести эту статью к числу исторических произведений Пушкина: она носит явно выраженный публицистический характер.

G. R. 1784

PUGATCHEF.

Published according to Act of Parliament Jany 1794, by T. Cadell in the Strand.

Пугачев, прикованный к стене Московского острога.

Гравюра Рюотта

lib.pushkinskijdom.ru
(Из «Путешестви» Кокса, 1784).

Так же последовательно велась борьба и с теми устарелыми европеизмами, которыми так перегружен язык занимающих нас источников. Вместо слов «корпус» или «деташемент» Пушкин писал «отряд», вместо «комендантская камора» — «комендантские палаты», вместо «ретраншемент» — «крепость», вместо «ретироваться» — «отступить» и т. д.¹

Из числа диалектизмов, которых в источниках «Истории Пугачева», а особенно у П. И. Рычкова, было немало, Пушкин сохранил лишь очень немногие («плавня», «умет», «буерак»,² «гулебщики», «малолеток»), причем склонен был пояснять их смысл в основном тексте или в примечаниях (стр. 15, 37, 98, 110). Остальные («азям», «сырты», «ертаул», «рели», «заимка» и пр.) отбрасывались.

Можно проследить также, с какой тщательностью Пушкин очищал язык очевидцев от того «приказного» налета, которым обволакивали его провинциальные чиновники, снимавшие допросы, переводившие иноязычные документы и сочинявшие письма, рапорты и отношения. — Если в цитате из показания Михаила Кожевникова, о которой уже говорено выше, Пушкин заменил глагол «следовать» глаголом «броситься», то сделал он это, с одной стороны, оттого, что этот вялый бюрократический глагол был совершенно непригоден, когда речь шла о наступательном движении революционной армии, а с другой стороны, — и это главное, — оттого, что он был как нельзя менее уместен в устах яицкого

---

¹ Вместо «арестовать» Пушкин неизменно пишет «взять под караул».

² Значение этого слова Пушкин понял, повидимому, не сразу: в рукописи «Истории Пугачева» встречаем: «перебегала с буерака на буерак» (стр. 431), «Пугачев стоял на буераке» (стр. 433); впоследствии это было переправлено. Но из числа введенных в «Историю» местных слов только это не снабжено пояснением.

казака, степного охотника и старовера. В этом же показании Пушкин исправляет «прежде время» на «преждевременно» и канцелярское «в прочих местах» на «повсюду». Мы помним работу, сделанную Пушкиным над цитатой из письма Нурали-хана. Оренбургский коллежский регистратор внес в перевод этого письма такие выражения, как «претекст», «переехать я не в состоянии», «заблудящие речи», «подполковник и старшина сказали, что их сила, не заимствуя нашей, достигнет» (стр. 196—197). Эту последнюю фразу Пушкин передал так: «И отвечали, что надеются управиться с мятежниками без его помощи» (стр. 17).

Стиль реляций Михельсона и Муффеля нравился Пушкину своей воинственной энергией. Но в них слышался все же немецкий акцент, который производил подчас, как мы видели, довольно комическое впечатление («рубил их через весь город», «оставлять у себя в заду»). Все это устранялось Пушкиным старательно.

Из числа мемуаристов более всех, видимо, пришелся по душе Пушкину тот анонимный «старик», которому принадлежит «весьма замечательная», по выражению Пушкина, статья «Оборона крепости Яика от партии мятежников». Усмотрев в этой статье «драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной» (стр. 112), Пушкин цитирует этого автора чаще и пространнее, чем кого бы то ни было, и притом в большинстве случаев почти дословно. Но погрешности против русского языка истребляет и здесь («половина людей была всегда в ружье», «думали видеть во сне» и т. п.).

Наконец, по приведенной {выше цитате из книги А. А. Бибикова (№ 60, сцена придворного бала) можно судить о том, как ожесточенно боролся Пушкин с сумбурным синтаксисом этого сановного историка.

V

ЧТО СОХРАНЯЛОСЬ В ТЕКСТЕ ЦИТАТ?

Итак, за вычетом отброшенных Пушкиным архаизмов, европеизмов, диалектизмов, канцеляризов и прямых ошибок против правил русской речи, что же осталось от тех цитат, которые мы условно назвали скрытыми? Каков же их язык после этой переработки?

В пределах интересующих нас цитат, — а их, повторяю, чрезвычайно много, — это язык первоисточника, но приведенный в такое состояние, которое обеспечивало предельную его доходчивость, то есть давало возможность любому современнику Пушкина понимать этот язык до конца, воспринимая его не как язык устарелый, а как язык своего времени.

Следует отметить еще одну существенную особенность этих цитат. Проглядывая соответствующие тексты Пушкина, мы видим, что он выбирал из источников не одни только удачные, меткие и сильные слова, такие, например, как «ударили в палаши», «гнездо бунта», «след, чем дальше шел, тем более рассыпался, и наконец совсем пропал», «выхватя из-под пушек клинья и фитили», «ударился в лес», «перехватить ему дорогу», и т. д. Если бы все цитаты были таковы, то наличие их не вызывало бы удивления. Зачем, в самом деле, пересказывать по-своему то, что «уже сказано как

нельзя лучше» другими? Но Пушкин с точно такой же бережностью сохраняет порой и выражения, казалось бы, вполне заурядные, а иногда — правда, в очень редких случаях — даже и вялые, несвойственные обычно его прозе: «приблизился к городу», «стал отступать», «действовал удачно», «с нетерпением ожидал прибытия войск», «смятение было велико», «в страхе и унынии» и т. д.

Можно не сомневаться, что если бы Пушкин писал историческую повесть, а не историческую монографию, если бы он работал над языком без сознательной оглядки на источники, то форма для всего этого была бы найдена другая, и отыскание этой формы далось бы ему — уже вполне зрелому в то время мастеру прозы — без особого труда. В Саранске народ встречал бы Пугачева с хлебом и солью, как в хорошо знакомой нам Белогорской крепости, а не с «хлебом», как сказано в «Истории Пугачева». Под Ильинской крепостью Пугачев приводил бы к присяге солдат не «в красном казацком платье», а «в красивом казацком кафтане, обшитом галунами», в каком появляется он в VII главе «Капитанской дочери».

Эти наблюдения можно продолжить и далее. Всматриваясь в цитату из рапорта Клапье де-Колонга (№ 19), мы обнаруживаем здесь, кажется, даже некоторую неряшливость: на протяжении трех строк глагол «шел» в разных его формах повторяется трижды («прошел», «шел», «пошел»).

Наконец, в некоторых цитатах можно отыскать как будто и чуждую Пушкину неточность выражений. Так, например, ему было хорошо известно, разумеется, значение церковного термина «амвон». Он знал, что, как бы ни были построены те сани, в которых везли Пугачева на казнь, их нельзя было назвать «саниями с высо-

ким амвоном». И тем не менее, в «Истории Пугачева» эти сани описаны именно так.

Пушкин не отмежевывается от всего этого ни кавычками, ни курсивом, ни примечаниями. Перед нами гладкий авторский набор, под которым подпись Пушкина.

Вспомним при этом, что «История Пугачева» писалась не второпях. Работа над этими четырьмя с половиною листами прозы затянулась без малого на полтора года — срок, для Пушкина далеко не короткий. Есть основание предполагать, что текст «Истории», с которым знакомился Гоголь в мае 1833 г., текст, может быть уже полный, законченный, был после этого написан заново, повидимому, весь целиком. Черновики мы не знаем, но беловики этого нового текста испещрены местами таким количеством помарок, поправок и перестановок, что делаются похожи на черновики. Текст отделан до конца. Пушкин, работая над «Историей Пугачева», пустил в оборот всю ту замечательную свою способность, которую Бальзак, говоря о писательском мастерстве, именует терпением и которую считает одной из двух необходимейших черт литературного гения.

Вторую, обязательно ей сопутствующую, он называет отвагой.

VI

ОСНОВНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СКРЫТЫХ ЦИТАТ

Вот этой второй черте, этой отваге, присущей Пушкину в очень высокой степени, обязаны своим происхождением те несколько загадочные на первый взгляд особенности «Истории Пугачева», на которых, именно в силу этого, я счел необходимым остановиться так подробно в предыдущем изложении.

Мы наблюдаем совершенно новый и весьма смелый стилистический эксперимент. Необходимость его была вызвана, очевидно, той сложной творческой обстановкой, в какой оказался Пушкин, взявшись писать историко-революционную монографию.

Пушкин не считал возможным ограничиваться сухим протоколированием действий Пугачева и его армии и того противодействия, которое оказывалось им правительством и его армией. Еще менее для себя пригодными считал Пушкин те «блестящие выражения»,¹ кото-

---

¹ Вот, например, как описывает В. Б. Броневский взятую Пугачевым Казань: «На пожарищах тлелись человеческие кости; обнаженные дети, прося пищи, искали отцов; младенцы умирали в объятиях умерших матерей; рассеченные трупы разбросаны были повсюду; и дымящаяся кровь вопияла к небесам об отмщении. Словом, Емелька, корыстолюбивый, как бессмысленный разбойник, свирепый, как тигр, грабил и лил человеческую кровь, без цели, без нужды,

рыми принято было в его время скрашивать историческое изложение.

Отыскивая новые стилистические пути, Пушкин исходил, повидимому, из убеждения, что данные исторические события могут быть правильно восприняты и оценены читателем только при том условии, если помимо протокола этих событий читатель узнает и то, как определялось этими событиями сознание их участников, крупных и мелких, их очевидцев, образованных и малограмотных, их современников, приверженных к той или другой из борющихся сторон, и, наконец, потомства этих современников, сумевшего уберечь в памяти семейные предания.

Это сознание современников запечатлевалось в словесном составе и в строе их речи, которая и являлась в глазах Пушкина надежнейшим и выразительнейшим памятником прошлого.

Изучая источник, Пушкин уделял одинаковое внимание и тем фактам, какие в нем сообщались, и тому языку, каким они сообщались.

Язык источника был для Пушкина в каждом отдельном случае самодовлеющим историческим фактом, кото-

---

и резал, мучил только для того, чтобы резать и видеть кровь, льющуюся к ногам его» (История Донского войска. СПб., 1834, ч. II, стр. 111). Это печаталось в то самое время, когда Пушкин писал «Историю Пугачева». — У Державина те же события изображались так («Эпистола к генералу Михельсону на защищение Казани»):

Ристание на всех, рыкание и иск,
Прекровожаждущий на благородных рыск.

Это лаконичнее, чем у Броневского, но принцип изложения, в сущности, тот же.

У Пушкина читаем: «Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и рдела во мраке» (стр. 63).

рый надо было передавать с такой же точностью, с какой передавался всякий вносимый в «Историю Пугачева» исторический факт.

Таким образом, вводя новый метод исторического изложения, Пушкин расширял тем самым и круг исторических фактов, охватываемых этим изложением.

Пушкина занимал не безличный язык эпохи и не безличный язык края, а индивидуальный язык каждого источника в отдельности, каждое изменение этого языка в пределах данного источника, каждая новая вибрация, подслушанная в голосе современника, каждая интонация этого голоса. Оттого-то Пушкину и не нужны были ни архаизмы, ни диалектизмы: они были характерны для своей эпохи или для своего района, но не они были характерны для человека, вовлеченного в пугачевское движение или пострадавшего от этого движения, возлагавшего на это движение те или иные надежды или, наоборот, испуганного этим движением. Голоса современников «кровавой поры» привлекали Пушкина не сами по себе, а только в той мере, в какой слышалась в них эмоция, вызванная тем или иным отдельным событием этой поры.

По той же самой причине Пушкин выбирал из речей этих современников не одни только яркие, но иногда и бледные слова. В зависимости от масштаба и свойства события и в зависимости от темперамента очевидца этого события эмоция могла быть и сильна, и слаба, и деятельна, и бездеятельна. Показателем ее силы и ее активности был для Пушкина язык очевидца. И Пушкин регистрировал эти показания, каковы бы они ни были, определяя по ним масштаб события, с поправкой на темперамент очевидца.

Этим путем, то есть через язык источников, шел сам Пушкин, изучая исторические события, и тем же самым

путем, через тот же язык, доводил он исследованные им события до сознания читателя.

Для того, чтобы добиться успеха в этой последней стадии работы, надо было приблизить язык источника к языку читателя. Мы уже знаем, что именно к этому-то и стремился Пушкин, перерабатывая язык цитат: все, что затрудняло их понимание, отбрасывалось, но интонация их, или — что, в сущности, одно и то же — их эмоциональное содержание, сохранялось в неприкосновенности.

VII

ОПЫТ ИСТОЛКОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЦИТАТ

Если после этого объяснения мы снова вернемся к приведенным выше цитатам, то увидим, что объяснение это приложимо к каждой из них. Вот несколько примеров.

Оренбургский губернатор Рейнсдорп фигурирует и в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева». Но в повести о дворянине, обвиненном в измене своему классу, Рейнсдорп — всего только третьестепенный персонаж, да притом еще полукомический. Чтобы подчеркнуть всю беспомощность этого чужеземца перед лицом народного движения, Пушкин прибегает к простому средству: он заставляет Рейнсдорпа говорить ломаным русским языком.

В «Истории Пугачева» у Рейнсдорпа иное положение: здесь это важный свидетель, а то и обвиняемый. Уделяя его показаниям много места, Пушкин только мимоходом упоминает о «темном и запутанном слоге» Рейнсдорпа. Он обращает главное внимание не на темноту его слога, а на то, как отразились на его языке те революционные события, в которых Рейнсдорп по своему крупному служебному положению мог и должен был сыграть решающую роль.

Возьмем наудачу один образец.

К осажденному Оренбургу подходит отряд симбирского коменданта Чернышева. Если ему удастся соединиться с оренбургским гарнизоном, то на стороне правительственных войск окажется значительный численный перевес. От этого зависит не только судьба Оренбурга, но, может быть, и исход всей крестьянской войны. Момент весьма серьезен.

Пугачев нападает на Чернышева под самым Оренбургом. После пятнадцатиминутного артиллерийского обстрела весь симбирский отряд с Чернышевым во главе кладет оружие и сдается. Рейнсдорп знает о приближении Чернышева, слышит выстрелы, но не посылает ему на помощь ни одного солдата.

Победа, доставшаяся Пугачеву так легко, объяснялась не только революционным брожением в царских войсках, но и упадочным настроением их начальников — Чернышева и Рейнсдорпа. Пушкин ищет живых свидетельств этого настроения и находит их в «Экстракте» Рейнсдорпа, составлявшемся день за днем, под свежим впечатлением событий. Пушкин переносит соответствующий отрывок из этого «Экстракта» почти дословно в свою «Историю»:

«В самое сие время в Оренбурге услышали пушечную пальбу, которая через четверть часа и замолкла... Несколько времени спустя, Рейнсдорп получил известие, что весь отряд Чернышева взят и ведется в лагерь Пугачева».

Это вялое, почти сонное «получил известие», эти страдательные залого («взят и ведется») несравненно выразительнее и многозначительнее, чем немецкий акцент, красноречивее всяких долгих описаний и оценок. Синтаксическое строение этой губернаторской записи является в глазах Пушкина ценнейшим историческим памятником, которого нельзя не показать читателю. Генерал,

начальник огромного края, руководитель обороны, чей прямой служебный долг требовал в эту роковую минуту немедленных наступательных действий, сводит свою историческую роль к тому, что прислушивается к пальбе и «получает известие» о сражении, происходящем у него под боком.

В такой же прострации и Чернышев: его не придется «братъ» в рукопашном бою и потом «вести», преодолевая его сопротивление, зорко наблюдая, чтобы он не сбежал. Этот бывший камер-лакей из польских шляхтичей, назначенный симбирским комендантом только за то, что его двоюродный брат, тоже камер-лакей, когда-то, лет тридцать назад, приглянулся Екатерине, этот пожилой полковник с белыми, холеными руками, никогда не нюхавший пороха,¹ не принимает боя. Он не сопротивляется. Он не сбежит. Он «взят и ведется».

Так вошло это в сознание столь же пассивного и подавленного революционными событиями Рейнсдорпа. Так, со слов Рейнсдорпа, изображает это и Пушкин. Так оно и было.

Другой пример.

Когда в мае 1774 г. Пугачев, считавшийся окончательно разбитым, предпринял неожиданное наступление на северо-запад, его единственным противником оказался на первых порах генерал Клапье де-Колонг.

Потомок провансальского сеньера, гугенота, осевшего в Прибалтийском крае, полу-француз, полу-немец, военный инженер с немалым боевым опытом, де-Колонг успел к тому времени одряхлеть, опуститься и доживал свой долгий век на покое в Омске. На свою довольно высокую тыловую должность он смотрел, как на почетную синекуру, и с отменным удовольствием кушал

---

¹ «Русский архив», 1865, стр. 333-340.

превосходную тобольскую семгу, которую посылал ему по-приятельски сибирский губернатор Чичерин.

Де-Колонг был до крайности раздосадован, что из-за какого-то разбойника его подняли с насиженного гнезда и заставляют на старости лет таскаться по уральским предгорьям, куда-то спешить, кого-то догонять, сражаться. И наступательное движение Пугачева и его собственное представлялись ему, видимо, чем-то прежде всего очень утомительным. В его многословных рапортах, написанных ворчливо, далеко не литературно, по-стариковски, бросалось в глаза обилие всевозможных форм глагола «итти»: «иду», «идет», «пошел», «нашел», «вышел», «пришли», «вышел», «отошел». Впечатление создавалось такое, будто Пугачев только и знал, что все куда-то шел, шел, да шел, и де-Колонг, следуя за ним по пятам, тоже все только шел, шел и опять шел, «осиливая» десятки верст, изнемогая от старческой одышки и уходя все дальше от тихого Омска, от семги и от Чичерина.

Так отложился этот период крестьянской войны в сознании ветхого генерал-поручика, которому правительство поручило «с Сибирской стороны стеснять мятежные толпы». Так откликнулся на эту войну его коснеющий язык. Это ли не памятник? И Пушкин, поступаясь опрятностью, какую привык соблюдать в своей прозе, смело засоряет три строки своего текста этими многократными, подлинно историческими «шел», «пошел» и «прошел».¹

Еще пример.

2 ноября 1773 г. Оренбург был подвергнут сильной и длительной бомбардировке. В шестом часу вечера

---

¹ Подробности о де-Колонге см. в упомянутой выше книге А. И. Дмитриева-Мамонова.

она прекратилась, но затем, в течение всей долгой зимней ночи, как только соборная колокольня принималась отбивать часы, тотчас же одно из пугачевских орудий отвечало на колокольные удары одиночным выстрелом.

Рядовой военный историк не уделил бы этим ночным выстрелам никакого внимания. Он признал бы их всего лишь проявлением ни к чему не ведущего казачьего озорства.

Пушкин отнесся к этому иначе.

Петр Иванович Рычков, статский советник, усердный член-корреспондент Академии Наук, состоятельный помещик и видный участник оренбургских чиновничьих дрязг, был немало растревожен событиями минувшего дня. Во время бомбардировки пугачевские ядра «трафили» то в губернаторские покои, то в окно к «первенствующему и капитальному оренбургскому купцу» Коченеву, которому оторвало при этом руку, то в Соляное правление, где заседал сам Рычков, то, наконец, в его собственный двор.

Отдохнуть от тяжелых ощущений не удалось и ночью. «Злодеи», успевшие незадолго перед тем разорить имение Рычкова и его пригородный хутор, не давали уснуть своими редкими, размеренными выстрелами, которые так зловеще перекликались с боем городских часов. Рычков не сознается в своей бессоннице, но из всего тона соответствующей страницы его «Летописи» Пушкину было ясно, что натерпевшийся страха статский советник глаз не сомкнул в эту ночь.

Так переживал ее не один Рычков: священник Осипов утверждает в своих мемуарах, что все осажденные провели эту ночь без сна (стр. 560). Утро застало их в состоянии усугубившейся подавленности.

Таким образом, бессмысленная на первый взгляд ночная пальба была на самом деле не пустым озор-

ством, а умно рассчитанным средством психического воздействия на врага.

Пушкин оценил это прекрасно, однако, всегда экономный на слова, он не пускается по этому поводу в длинные рассуждения. Он посвящает этому ночному эпизоду всего две строки, но обогащает их точной передачей тревожной рычковой интонации:

«Вечером огонь утих, но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часов соборной церкви, делая по выстрелу на каждый час».

Подобное же объяснение — и притом только такое — можно подвести и под удививший нас «амвон».

Пугачев ехал на казнь без шапки. В руке у него была зажженная свеча. Воск стекал на пальцы. Его сопровождал священник, вероятно, в камилавке, епитрахили и с крестом. Он все время что-то говорил Пугачеву «пошепту».¹

Стоявший где-то тут же в толпе молодой гренадерский офицер Повало-Швейковский и прочие зрители восприняли все это, очевидно, как некую невиданную религиозную церемонию.

Возможно, что Швейковский, недавний пленник Пугачева и вчерашней его конвоир, был не очень сведущ в церковной терминологии. Если возвышение на саях он назвал амвоном, то это была простительная в его устах обмолвка. Но в глазах Пушкина она была показательна: она свидетельствовала о том впечатлении церковности, какое унесли с собой те, что побывали 10 января 1775 г. на Болотной площади. Чтобы передать то же впечатление и читателю, Пушкин подхватил эту обмолвку и внес ее в свой текст.²

---

¹ Это наречие, исключенное, впрочем, Пушкиным из печатного текста (стр. 79 и 434), — не было в то время архаизмом. Оно встречается и в «Дубровском» и в «Рославле».

² Весьма вероятно, что именно ради этого Пушкин урезал цитату из воспоминаний И. И. Дмитриева, пересказав ее начало своими сло-

Но в «Истории Пугачева» есть нечто, пожалуй, еще более удивительное, чем «амвон»: это тот «восторг неописанный», с каким приняли Голицына в Оренбурге. Где еще у Пушкина найдем мы этот ничего не выражающий эпитет, да еще в приложении к такому издавна нелюбимому существительному, как «восторг»? Кто заподозрит Пушкина в неспособности преодолеть семинарскую риторику оренбургского священника?

Все дело в том, что Пушкин и не собирался ее преодолевать. Наоборот: верный своей исторической манере, он хотел преподнести читателю эту чуждую ему официозную лексику во всем ее убожестве. Пусть читатель именно по ней догадается, какого свойства был «восторг», почему его «описать не можно» и кто его испытывал.

Эта догадка превратится в уверенность, если мы взглянем в пушкинский контекст. Кто же принимал столичного князя с «восторгом неописанным»? Не народ, не население Оренбурга, даже не обыватели, а «жители».

Слово «жители» Пушкин понимал не так, как понимаем его мы. В этом можно убедиться, не выходя за пределы «Истории Пугачева». На стр. 32—33, там, где говорится о московских настроениях в декабре 1773 г., «жители» вполне очевидно противопоставляются «холопьям» и «черни»: в то время как жители «трепетали», — холопья «распускали на площадях вести о вольности», а «многочисленная чернь с явным нетерпением ожидала Пугачева».¹ Стало быть, «холопья» и многочисленная «чернь» не относятся к числу

вами и дав ее полностью только в примечаниях: слово «амвон» неудобно было бы ввести в текст Дмитриева, заключенный в кавычки.

¹ Здесь же, в сочетании с «жителями» мы опять встречаем и «восторг» (по поводу назначения А. И. Бибикова).— Слова «холоп» и «чернь» приобретали оскорбительное значение только в поэтическом обиходе Пушкина, где он пользовался ими как метафорами и где они никогда не употреблялись в прямом своем смысле. Но в прозе

Jemelja Bugalschew

in Rußland unter dem angenommenen Namen Czar Peter
in den im Drenburgischen Gouvernemeni, fieng an am Ende
1773, ward gefangen am Ende des Jahr 1774, und in ein
Kerker gefüßig nach Moskow gebracht

© Nach dem Original von Petermann

Пугачев, заключенный в клетку, в которой его везли
из Яицкого городка.

Немецкая гравюра XVIII века по рисунку Петерсона.

«жителей». Жители — это не вся масса городского населения, а только зажиточная его верхушка.¹

Выразителем чувств этой верхушки и был автор пушкинского источника Осипов, священник оренбургской церкви, «что на Гостином дворе», человек по самому месту службы тесно связанный с городским купечеством.

Пушкин знал, что мартовский разгром Пугачева под Татищевой крепостью не мог вызвать восторженных чувств у той части оренбургского населения, представители которой ежедневно десятками перебегали в Берду. Но по цензурным причинам нельзя было говорить об этом: об исходе Татищевского боя следовало повествовать как о радостном событии. Таковым оно и было, но лишь для некоторых горожан. Вот для того, чтобы локализовать эту радость, чтобы показать читателю, в каком тесном социальном кругу она испытывалась, Пушкин и предоставляет слово Ивану Осипову, вполне полагаясь в этом случае на слабое действие его тусклой лексики.

Пушкина, — как и в быту того времени, — под чернью (или черным народом, черными людьми) разумелись люди непривилегированных сословий: крестьяне всех категорий, фабричные, посадские и пр. (ср. выше, пример № 24), а под холопьями — одна из групп этих черных людей: дворовые.

¹ Мне довелось лично убедиться в том, что в бывшем Нижегородском, ныне Горьковском крае, которому Пушкин в области языка обязан многим, до сих пор держится именно такое понимание слова «житель»: жителем именуется зажиточный человек. — Литера «Г», ст. 5 «Обряда выборов» в Екатерининскую комиссию 1767 г. самым точным образом объясняет, кого следует разуметь под «жителями города»: это все, имеющие или дом, или дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысел (А. А. К и з е в е т т е р. Исторические очерки. М., 1912, стр. 226).

VIII

ПОДБОР ЦИТАТ

Итак, назначение цитат, которыми насыщен текст «Истории Пугачева», заключалось в том, чтобы ознакомить читателя не только с теми или иными историческими событиями, но и с тем, как этими событиями определялось сознание их современников. Для этого Пушкин изучал и — после критической проверки — демонстрировал перед читателем не одно содержание источника, но и его язык в меру эмоциональной его выразительности.

Чем явственнее слышался в этом языке голос свежего впечатления, тем внимательнее относился к нему Пушкин и тем охотнее знакомил с ним читателя.

С этой точки зрения язык прямого участника исторического события был для Пушкина ценнее, чем язык стороннего очевидца, язык очевидца — ценнее, чем язык заглазного современника, дневник современника — ценнее, чем его мемуары, мемуары — ценнее, чем историческое исследование.

Это подтверждается практикой Пушкина: в «Истории Пугачева» шире всего использованы и чаще всего цитируются показания участников событий и очевидцев, менее широко использованы и реже цитируются мемуаристы, мало использованы и почти вовсе не цитируются историки.

Это подтверждается и планом «Истории Пугачева». Объем ее разделов определяется не столько хронологиче-

скими требованиями, не столько значительностью изображаемых событий, не столько даже обилием собранных материалов, сколько словесной выразительностью этих материалов.

Достаточно сослаться хотя бы на то, что одинаковое, примерно, число страниц посвящено и событиям под Казанью, разыгравшимся на протяжении всего четырех дней, и последующему походу Пугачева на юг, продолжавшемуся более месяца и несравненно более важному во всех отношениях, чем казанский эпизод. При этом из шести страниц, уделенных этому походу, две страницы ушли на рассказ о саратовских событиях, не более значительных, чем другие. Это объясняется только тем, что в одном случае в распоряжении у Пушкина были такие разнообразные и красноречивые материалы, как письмо Любарского, рассказ Бабина, показания Аристова, показание Малохова и Мелехова, «язвительное письмо» Державина, и т. д., а в другом случае — почти исключительно реляции начальников правительственных отрядов.

В руках у Пушкина было объемистое дело о побеге Пугачева из Казанской тюрьмы. В печати оно занимает полных 25 страниц, т. е. около 1000 строк (стр. 723—747). Но оно состояло почти сплошь из пресных канцелярских промеморий. В «Истории Пугачева» эти 1000 строк обратились в 7 строк (стр. 13—14), причем цитат здесь нет. А наряду с этим короткое, но чрезвычайно выразительное показание крестьянина Алексея Кирилова о взятии Сакмарского городка (стр. 622—623) процитировано почти полностью (стр. 20—21 и 25).

«Летопись» Рычкова написана на основе чрезвычайно ценных первоисточников: тут и «Экстракт» Рейнсдорпа, и «ежедневная записка» самого Рычкова, и походный журнал Голицына, и «сказки выбежавших» из Берды, и т. п. Соединив все это чисто механически и довольно неуклюже,

«трудолюбивый» Рычков счел необходимым придать этому материалу некоторую литературность.

Стиль первоисточников уступил место стилю редактора и мемуариста. А стиль этого редактора и мемуариста был столь тяжел даже и для своего времени,¹ что у Пушкина не возникло желания очистить его так, как он очищал язык других источников, и ввести в свой текст. «Любопытная рукопись» Рыčkова дала Пушкину много фактического материала, но языком ее он почти не воспользовался.

Он заимствует у Рыčkова — и то очень редко — отдельные слова («слитие рек», «шталася», «ухватя за узды их лошадей») и цитирует его летопись лишь в тех, тоже очень редких, случаях, когда сквозь язык Рыčkова проступает чей-нибудь другой язык, менее искусственный, более эмоциональный и выразительный (показание капрала Добрынина и др., стр. 320 и 47, приведенное выше показание корнета Пустовалова в примере № 45, и т. д.). Голос же самого Рыčkова мы слышим в «Истории Пугачева» собственно только два раза: там, где он говорит о «подлом духе» Пугачева и где рассказывает со всей непосредственностью испуганного человека об уже известных нам ночных выстрелах пугачевской пушки.

Таких примеров можно было бы привести еще много, но, кажется, довольно и этих.

---

¹ Нельзя забывать, что первыми учителями Рыčkова были петровские иноземцы, а затем он очень рано уехал на полуостровную окраину, где и прожил почти безвыездно до самой смерти. Образцом тяжеловесности рычковского стиля может служить, например, его выноска к записи 9 марта 1774 г. (стр. 321), образцом невразумительности — начало декабрьских записей 1773 г. (стр. 263).

IX

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СКРЫТЫХ ЦИТАТ

Обильные цитаты, о которых мы говорим, явные и «скрытые», имели в «Истории Пугачева» еще и другое назначение, не менее важное.

Как отмечалось уже не раз, их очень много. Каждая из них воспроизводит голос какого-либо современника, его впечатление от того или иного события, а тем самым и его суждение об этом событии, его точку зрения. При этом, чем значительнее факты, тем больше привлекается и таких свидетельств.

Стесненный цензурными условиями, Пушкин избегает открыто высказывать свое собственное суждение о подобных фактах, но восполняет это умолчание тем, что приводит не одно, а несколько чужих суждений, показывает исторические объекты с разных точек зрения, с разных сторон. Благодаря такому «стереоскопическому» способу изложения перед читателем возникает, так сказать, не плоскостное, а объемное изображение исторических событий. Пушкин как бы обводит за собой читателя вокруг того или иного явления, заставляя самостоятельно проделывать ту же критическую работу, какую проделал сам Пушкин.

Однако читатель не предоставлен в этом случае самому себе: Пушкин помогает ему в этой критической работе,

но опять-таки не прямым советом, а все теми же уроками языка, при помощи все тех же цитат. Заставляя не только усваивать содержание свидетельского показания, но и вслушиваться в его язык, в его интонацию, Пушкин тем самым облегчает читателю возможность вникнуть в это показание как можно глубже, как можно тоньше, чтобы тем вернее определить истинную его ценность.

Припомним, например, как знакомит нас Пушкин с предъ- историей Пугачева, то есть с теми событиями его жизни, которые предшествовали его вооруженному выступлению под Яицким городком.

Пушкин возвращается к этим событиям неоднократно, но ни разу не рассказывает их от себя.

В начале II главы (стр. 13) намечается еще довольно туманный образ «неизвестного бродяги», который в «смутное время» казацких казней «штался» по дворам и «подговаривал казаков бежать в области турецкого султана». Кавычек и курсивов здесь нет, но это рассказано не голосом Пушкина, а голосом мальковского зрителя Расторгуева (стр. 99) с примесью рычковских словечек (см. выше, пример № 42). Это — прошлое Пугачева в том еще неясном аспекте, в каком рисовалось оно вначале робкому воображению мелких провинциальных чиновников, встревоженных «дерзостью» пугачевских речей о каком-то поджидающем его паше, о турецком султани, о пятимиллионных иностранных субсидиях.

Двумя страницами дальше (стр. 15) опять не от самого Пушкина, а из уст яицкого казака Кожевникова мы узнаем новые «странные слухи». Это — прошлое Пугачева в аспекте легенды, созданной им самим и теми «яицкими заговорщиками», которым, как мы знаем из первой главы, «недоставало предводителя».

Показание Кожевникова передано далеко не дословно, однако сохранены и даже усилены интонации человека,

с первых же слов поверившего в «нелепую», но нужную ему повесть. Подчеркивается впечатление таинственности: «объявил за тайну», «великая особа», «неведомый человек», «незнакомец», «тайно находился в русском войске», «неизвестный купец». Все это произносится как бы шопотом. Читатель вводится в атмосферу «тайных совещаний», происходивших «по степным уметам и отдаленным хуторам».

В конце IV главы (стр. 41), где речь идет уже о вполне определенном, широком, многонациональном восстании, Пушкин снова, совершенно неожиданно и как будто не к месту, заговаривает о прошлом Пугачева.

«Великая особа» обращается здесь в кулачного бойца с вышибленным зубом, в безграмотного раскольника, страдающего какой-то сомнительной болезнью, в человека «беспутной жизни», подозреваемого в конокрадстве.

Но все дело в том, что и эти сообщения идут не от Пушкина; он это оговаривает; он предпосылает этому рассказу такую фразу: «Между тем отобраны следующие подробные сведения о злодее, колебавшем государство», а кончает рассказ такими словами: «Все сии известия были обнаружены».

Итак, это — прошлое Пугачева в аспекте правительственных публикаций. Пушкин отмежевывается от них не только двумя прямыми оговорками, но и тем, что заключает этим рассказом перечень тех неудачных «средств», которыми растерявшаяся Екатерина пыталась «образумить ослепленную чернь». Помещая «все сии известия» именно здесь, в конце IV главы, Пушкин дает понять, что они представляют собою не более, как одно из этих слабодействующих «средств», сопровождаемое к тому же запретом «толковать о Пугачеве».

И, наконец, четвертый аспект. Он дан уже не в основном тексте, а в примечаниях. Это — рассказ жены Пугачева о прошлом ее мужа (стр. 107—108).

Пушкин мог, разумеется, свести все эти четыре версии в одну, критически проверенную. Он этого не сделал.

Это не ушло от внимания болгаринской литературной полиции. Рецензия В. Б. Броневского сбивается в этой своей части на донос. Укоряя автора в том, что он «не сличил показания жены Пугачева с его собственным показанием», указывая, «что свидетельство жены не могло быть верно» (стр. 383), рецензент «Сына отечества» стремился, в сущности, уличить Пушкина в нежелании расписаться под официозной версией о «воровском» прошлом Пугачева.

Донос имел под собой, — как видим, — твердую почву и заставил Пушкина ответить на него весьма простран- ным объяснением. Пришлось свести это объяснение к тому, что данные Пушкина «извлечены из официальных, неоспоримых документов», а данные Броневского, якобы фольклорные, которыми тот пытался подкрепить разбойничью версию, заимствованы на самом деле из романа «Ложный Петр III».

X ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пользуясь так широко свидетельствами и суждениями современников, достигая тем самым разностороннего освещения объектов исторической действительности, — Пушкин обогатил историческую прозу новым художественным приемом.

Читатель неприметно для себя вступает в мятущуюся революционную толпу. Он слышит вокруг себя целый хор ее взволнованных голосов. Пушкин, умело управляя этим хором, дает нам способ проникнуть, наперекор цензуре, в самые тайники революционного сознания широких народных масс. При посредстве цитат, то эмоционально сильных, то эмоционально слабых, Пушкин то отпускает, то нажимает педаль, то накаляет свое, идущее от души слово чьей-то жгучей интонацией, то, наоборот, замораживает вынужденное цензурой слово при помощи чьей-то вялой интонации и тем самым ослабляет его действие.

Мы говорили, что применение Пушкиным этого нового литературного приема было с его стороны проявлением отваги. Мы говорили также о кажущейся разнородности стиля «Истории Пугачева».

Называя человека отважным, мы констатируем, что он отдает себе отчет в угрожающей ему опасности.

В чем же заключалась опасность, угрожавшая Пушкину?

Обрывки чужой речи, врезанные в его речь, могли заглушить ее, навязать ей свои законы, нарушить ее ритм. Задуманное Пушкиным хоровое построение могло обратиться в разноголосицу.

Эту опасность Пушкин преодолел без особого труда. Здесь, как и в других областях его творчества, его не покинуло то чувство меры, которое составляет, — как мы знаем, — основную особенность его мастерства.

Каково бы ни было количество цитат в «Истории Пугачева», численный перевес остается не за ними. В тексте Пушкина они расположены лишь мелкими островами, которые нигде не разрастаются в материки.

Это давалось, однако, не само собой. До нас дошел чрезвычайно любопытный в этом отношении фрагмент черновика, где речь идет об осаде Яицкой крепости (стр. 406—409). Он изобилует цитатами из журнала Симонова и из статьи «Оборона крепости Яика от партии мятежников». Сличая этот черновик с соответствующими отрывками окончательного текста, легко установить, в каком направлении велась работа. Мы видим прежде всего, что сокращается объем цитат и притом довольно значительно.¹ Два эпизода (вылазка 9 февраля и смерть унтер-офицера Сапугольцова) выкидываются вовсе. А оставшееся дробится на две части, которые попадают не в одно место, как предполагалось сперва, а в две разные главы (стр. 36—37 и 45—46).

Это наглядно свидетельствует о том, что опасность, о какой мы говорили, сознавалась Пушкиным, и о том, что он ограждал себя от этой опасности.

Он ограждал себя от нее еще и переработкой цитат. Помимо той очистительной, так сказать, переработки,

¹ Примерно на одну треть: 109 строк черновика соответствуют 72 строкам печатного текста.

с которой мы уже знакомы (устранение архаизмов, диалектизмов и т. д.), была еще и другая, — направленная к тому, чтобы, сохраняя общий тон подлинника и даже усиливая его, удаляя все, нарушающее единство этого тона, подчинять чужую речь нормам своего стиля.

Вглядимся, например, как правил Пушкин таких авторов, как И. И. Дмитриев (прим. № 58) и А. А. Бибиков (прим. № 60).

Дмитриев пишет: «Все пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины...». Пушкин заменяет это двумя словами: «Низкая площадь».

У Дмитриева: «Усеян был людьми обоего пола и различного состояния». У Пушкина: «Усеян был людьми».

Дмитриев добавляет: «Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки...». Пушкин выбрасывает эту деталь, почувствовав в ней оттенок неуместной шутливости (ведь речь идет о казни).

Бибиков говорит: «Во время придворного бала». Пушкин: «На придворном бале».

Бибиков: «С тем милостивым и ласковым видом, коим государи оказывают благоволение ближайшим их подданным...». Пушкин: «С прежней ласковой улыбкой...».

Бибиков: «Объявила ему, что желает употребить его к утущению опасного для отечества пожара». Пушкин: «Объявила ему новое его назначение».

Бибиков: «Александр Ильич одарен был особенною остротою ума, всегда готов дать смелый, но приятный ответ». Дальше приводится самый ответ.

Пушкин сохраняет ответ, но выбрасывает бибиковское предисловие к нему, считая, что судить об остроте, смелости и приятности этого ответа должен читатель, а не автор.

Комментировать эти примеры нет надобности. Нормальный стиль деловой прозы Пушкина хорошо нам известен.

Мы видим, что из приведенных двух цитат выкинуто все чуждое этому стилю. Но сделано это так, что в рассказе Дмитриева сохранен его спокойный эпический тон, а рассказ Бибикова не утратил оттенка придворной слащавости.

Разнородность стиля, которую мы отмечали выше и которая обусловлена преимущественно обилием цитат, — эта разнородность обнаруживается только при внимательном изучении пушкинского текста. При беглом чтении, на которое он и рассчитан, она незаметна. Чужие слова, мастерски вправленные в речь Пушкина, звучат по-пушкински и, приобретая значительность и полновесность, какой не имели в подлиннике, нимало не нарушают общего впечатления цельности.

А в этом-то интонационном богатстве, создающем сложное чередование многих гармонических рядов, и заключается основная особенность пушкинского исторического слога, который так поразил новизною форм и так восхитил своим совершенством Белинского и Гоголя.

У нас было достаточно случаев убедиться в том, что применение Пушкиным новых приемов исторического изложения было не пустой формалистической забавой: оно обусловлено политической обстановкой, в которой писалась «История Пугачева»; оно оправдано научно-политическими задачами, которые ставил себе Пушкин.

Гениальный художник пришел на помощь историку, политику и патриоту. В своем подлинно несравненном историческом труде Пушкин предстал перед нами во всех этих четырех качествах, друг от друга не делимых.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*КРИТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПУШКИНА
НАД СОЧИНЕНИЯМИ О ПУГАЧЕВЕ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ*

ВВЕДЕНИЕ

В черновом варианте предисловия к «Истории Пугачева» Пушкин пишет: «Также выбрал из иностранцев все, что казалось мне достоверным». После слова «иностранцев» оставлен в круглых скобках пробел, куда Пушкин предполагал, вероятно, вписать имена изученных им иностранных авторов. Этот пробел я позволяю себе заполнить двенадцатью именами, большинство которых не поступало еще в наш литературоведческий оборот.

Я отношу к этой группе сочинений не одни только «писания иностранцев», а также и произведения русских авторов, напечатанные в России или за границей на иностранных языках. При рассмотрении этих сочинений весьма важно однако в каждом отдельном случае ясно отдавать себе отчет, имеем ли мы дело с произведением отечественной литературы, или же с иностранной продукцией.

Чрезвычайно характерной особенностью всех иностранных сочинений о Пугачеве является то, что я решаюсь назвать их внутренней преемственной связью. Установить ее не всегда просто, потому что она в большинстве случаев замаскирована, а между тем анализ этих источников может быть плодотворен только в том случае, если мы точно выследим эту преемственность.

Отсюда вытекают два обязательных методологических требования: 1) предметом изучения должен быть, очевидно,

весь комплекс нерусских сочинений, прочитанных Пушкиным, а не какое-нибудь одно из них; иначе взаимная их связь окажется не учтена, а не уяснив ее себе, нельзя оценить по достоинству ни одного из этих сочинений,¹ и 2) рассматривать их следует в порядке выхода их в свет, ибо только тогда можно отличить в них новые данные, от того, что заимствовано у предшественников.

---

¹ В этом убеждении я утвердился еще более, когда прочитал в конце 1946 г. статью А. И. Чхеидзе «К вопросу об источниках „Истории Пугачева“ Пушкина» (Труды Тбилисского Государственного учительского института имени А. С. Пушкина. Т. II. Тбилиси, 1941). Тема этой статьи совпадает с темой одной из глав настоящей моей работы, которая написана еще в 1940 г. и тогда же читана мной в научных собраниях двух институтов Академии Наук СССР: Института мировой литературы имени А. М. Горького в Москве и Института литературы в Ленинграде. О существовании этой моей работы А. И. Чхеидзе, очевидно, не знала, когда готовила свою статью, вышедшую в свет год спустя после упомянутых моих чтений. Равным образом и я не мог знать, что А. И. Чхеидзе работает в одной со мной области. Труд А. И. Чхеидзе добросовестен и полезен, но ее наблюдения могли бы быть еще шире и глубже, а формулировки — точнее, если бы она не ограничила своей темы слишком тесными рамками: из двенадцати обследованных мной сочинений она подвергла изучению только одно.

Фантастический портрет Пугачева.

(Из французского издания романа «Ложный Петр III». 1775).

РОМАН «ЛОЖНЫЙ ПЕТР III»

Пугачев был казнен 21 января 1775 г. нового стиля. За границей об этой казни узнали из газет: в Берлине — 14 февраля, в Голландии — 3 марта, во Франции — 8 марта.¹ До конца года оставалось неполных десять месяцев. Этого короткого срока оказалось вполне достаточно для того, чтобы кто-то написал, отпечатал в Лондоне и выпустил в продажу двухтомную книгу о Пугачеве, озаглавленную так: «Le faux Pierre III, ou la vie et les aventures du rebelle Jemelian Pugatschef».²

На титульном листе и в предисловии указывалось, что это перевод с русского, что книга написана в России и предназначена для русских. Указаны даже инициалы русского автора — F. S. G. W. D. B.³ Основной текст снабжен целым рядом примечаний, где переводчик пламенно полемизирует с русским автором.

¹ «Berlinische Nachrichten von Staats- und Gelehrten Sachen» от 14 февраля 1775 г.; «Gazette d'Utrecht» от 3 марта 1775 г.; «Courrier du Bas-Rhin» от 8 марта 1775 г.

² Перевод: «Ложный Петр III, или жизнь и похождения бунтовщика Емельяна Пугачева».

³ «D'après l'Original Russe de Mr. F. S. G. W. D. B. Avec le Portrait de l'Imposteur et des notes Historiques et Politiques. A Londres, Chez C. H. Seyffert. En Angel Court Westminster. MDCCLXXV».

Все это — сплошная мистификация. Это ясно из самого содержания книги. Достаточно указать, что, по мнению автора, Азов находится в Крыму (стр. 82), Богдан Хмельницкий подвизался при Иване Грозном (стр. 66—67), первая жена Пугачева — «дочь законного государя, который должен был бы владычествовать над племенем мордюатов»,¹ — была некая Марвеа Волонопска (стр. 94, 97), дядя же Пугачева носил такую истинно русскую фамилию — «Зильвазовновскондо» (стр. 22).

Вполне очевидно, что ни один русский человек не позволил бы себе написать такую чепуху.

Мы имеем дело с французской продукцией. Имя автора, к счастью для него, до сих пор не установлено. Пушкин ошибся, считая этот роман немецким: французский оригинал вышел в 1775 г., а немецкий его перевод — в 1776 г. в том же Лондоне, причем на титульном листе немецкого издания было указано, что книга переведена с французского.²

Пушкин называет этот роман в одном случае — пустым, в другом — ничтожным, в третьем — глупым.³ Он прав во всех трех случаях.

Достаточно упомянуть, что, по роману, Пугачев еще до Семилетней войны обложил данью большую часть Российской империи, что он был философски образованным человеком, что он владел семью языками, в том числе итальянским и латынью, что он объездил всю Европу, что служил не только в русской, но и в прусской и австрийской армиях, что в Вене он блистал в высшем свете, что первым браком он был женат на владетельной мордовской

---

¹ «La fille d'un prince légitime, qui auroit du commander à la nation de Morduates».

² На немецком языке книга была озаглавлена так: «Leben und Abendtheuer des berühmigten Rebellen Jemeljan Pugatschew, welcher sich in dem südlichen Russland für Peter III ausgab».

³ Пушкин, стр. 334, 398, 400.

княжне, а вторым браком на австрийской аристократке, что он отбил любовницу у Августа III, что третья его жена, Софья, командовала одним из его отрядов, и т. д.

История революционной деятельности Пугачева в 1773—1774 гг., которой уделено в романе гораздо меньше места, чем его предъистории, несколько более близка к истине, но и она полна грубейших ошибок и нелепостей.

Об этом плохом романе не стоило бы говорить так много, если бы не одно обстоятельство, на первый взгляд странное: при всей своей антихудожественности, при всей безграмотности он пользовался большим успехом. Его сразу же перевели на немецкий язык, и, можно смело сказать, что в Европе того времени не было ни одного сколько-нибудь образованного человека, который бы его не читал. В 1809 г. его перевели на русский язык; в России он приобрел тоже большую популярность и стал библиографической редкостью.¹ Наконец, в том же 1809 г., в Париже, этот роман сделался предметом плагиата: некая Аделаида Ордэ, ученица консерватории,² выпустила под своим именем сокращенный его пересказ под заглавием «Histoire de Pugatschew».

Еще более удивительно другое: этот роман оказал очень заметное влияние на всю допущинскую литературу о Пугачеве. Даже серьезные исследователи считались с некоторыми содержащимися в этом романе известиями

---

¹ Чему способствовало запрещение продавать эту книгу, состоявшееся в 1811 г. Эти сведения, извлеченные из еще не опубликованного цензурного дела, сообщила мне В. Д. Измаильская. По-русски эта книга была озаглавлена так: «Ложный Петр III, или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева. Москва. В Вольной типографии Федора Любия. 1809». Ни на титульном листе, ни в тексте не указано, что это перевод с французского.

² Adélaïde Hordé, élève du Conservatoire. Под тем же именем вышла в 1830 г. в Париже четырехактная драма: «La cause célèbre. ou la Femme enterrée vivante».

как с научно установленными фактами. И следы этого влияния мы встречаем еще в 30-х годах XIX столетия.

Этим-то незаслуженным успехом явно недоброкачественной книги и объясняется, очевидно, то раздражение, с которым отзывается о ней Пушкин. При других условиях он просто обошел бы ее молчанием.

В чем же тайна этого успеха?

Конечно не только в том, что это была первая книга о Пугачеве.

После Ларги, Кагула и Рябой Могилы, после Чесмы и Бендер, после покорения Крыма и первого раздела Польши глаза всей Европы были прикованы к России. Иностранные газеты питали это любопытство, как могли, и, питая, подстрекали его еще более. Понятно, какой поживой явился для них Пугачев. Просматривая берлинские, гамбургские, голландские и, особенно, французские газеты за 1774 г. и за первую половину 1775 г., мы почти в каждом номере находим известия о Пугачеве. Газеты знали, чем угодить своему читателю, и препарировали эти известия, сообразуясь не столько с истиной, сколько с его вкусами. А французский роман, о котором мы говорим, представлял собой не что иное, как выжимку из этих газетных сенсационных сообщений.

Убедиться в этом нетрудно: можно даже установить, какой именно газетой чаще всего пользовался автор романа.

Зная, кто такой был Пугачев, мы невольно поражаемся, как осмелился автор угощать своих читателей рассказами о каких-то великосветских и придворных похождениях Пугачева. А поражаться нечего: в газете «*Courier du Bas-Rhin*», в номере от 23 марта 1774 г., в корреспонденции из Гамбурга, мы находим сообщение о том, что Пугачев еще в детстве был привезен Кириллом Разумовским в Петербург и назначен пажом императрицы, что обра-

зование он получил в Берлине, а по возвращении оттуда состоял чем-то вроде камер-юнкера при цесаревиче Павле.

Автор романа утверждает, что какую-то очень важную роль при Пугачеве играл раскольниковый архиерей Алексей Петрович по фамилии Фома, внук раскольника Фомы, казненного Петром в 1715 г. (стр. 216). Обращаемся к той же самой газете и в номере от 16 июля 1774 г. находим и раскольничьего архиерея с несуразной фамилией, и его деда, и Петра, и 1715 год.

Автор романа заявляет, будто отец Пугачева прозывался Измайловым (стр. 20). Нам хорошо известно, что в следственном производстве по делу Пугачева фамилия Измайлов не встречается. Зато встречается она все в том же «*Courier du Bas-Rhin*», где в номере от 12 января 1774 г. сообщается, что мятежника, против которого посланы генералы Кар и Бибилов, зовут Измайловым.¹

Вполне естественно, что неизвестный автор, построив свой роман на таком, уже испытанном, так сказать, материале, сразу нашел очень широкую и хорошо подготовленную аудиторию, которая, встречая в романе имена и факты, знакомые ей по газетам, дарила автора не только вниманием, но и доверием.

Следует, однако, оговориться, что газетные известия были не всегда так фантастичны, как те, что приведены выше. Наряду с нелепыми вымыслами встречались сообщения, где небылицы мешались с былями, а в некоторых случаях, правда очень редких, приводились факты и вполне достоверные, да притом иной раз еще и такие, о которых умалчивалось не только в екатерининских манифестах, но и в судебных актах.

---

¹ Когда в книге «Записки о жизни и службе А. И. Бибилова» Пушкин встретил эту фамилию, он написал на полях: «Вздор, взято из глупого романа Ложный Петр III».

Таково хотя бы сообщение из Москвы, помещенное 28 марта 1775 г. в газете «Berlinische Nachrichten von Staats- und Gelehrten Sachen». Здесь рассказано, что обе жены Пугачева сосланы пожизненно в Кексгольм, где им разрешено жить «со всеми удобствами», получая по пятнадцать копеек в день на пропитание. Если под «всеми удобствами» понимать строжайшую изоляцию в глухой маленькой крепости, то так оно и было, как писала немецкая газета.¹ Но у нас узнали об этом только в конце следующего столетия из воспоминаний тех, кому случайно привелось столкнуться с дочерьми этих узниц, протомившимися в крепости более пятидесяти лет.

Таким образом, источник, которым пользовался автор «Ложного Петра», был не сплошь порочен. Этому источнику нельзя отказать в некоторой, правда очень ограниченной, ценности. А в известных своих частях он и до сих пор незаменим.

Пушкин, со своей стороны, предал этот роман безоговорочному осуждению, ничего отсюда не заимствовал, а когда в других сочинениях, иностранных и русских, встречал известия, извлеченные из этой книги, отказывался видеть в них правду.

Полезно вспомнить некоторые из этих случаев.

В романе «Ложный Петр III» рассказывается, будто на знаменах Пугачева красовалась выведенная золотыми буквами надпись: «Redivivus et ultor» — «Воскресший и мститель». Эта латинская формула пришлась как

---

¹ Точная осведомленность московского корреспондента берлинской газеты поистине удивительна: он не ошибся даже в сумме дневной денежной выдачи (ЦГАДА, ГА, разр. VII—2, д. № 2903—1896 г.; см. в этом деле ведомость об арестантах, содержащихся в Кексгольмской крепости, составленную коллежским советником Макаровым), которая могла быть известна только чинам тайной экспедиции сената да коменданту Кексгольмской крепости.

нельзя более по вкусу иностранцам. Говоря о Пугачеве, они не упускали случая упомянуть и об этой надписи, которую помещали то на его знамена, то на его монеты.

Пушкин это оспаривал, ссылаясь на то, что «безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатые латинские надписи».¹

Мы знаем, однако, что в руках у Пугачева оказалось каким-то образом знамя Дельвигова гольштинского полка.² На этом знамени были несомненно какие-то нерусские надписи, может быть и латинские, может быть и замысловатые. Пушкин ничего об этом не знал и не мог знать. Известно также, что в пугачевских войсках было несколько польских конфедератов, а среди них бесспорно были люди вполне грамотные и притом хорошо знавшие латынь.

Впрочем, все это может служить возражением лишь против аргументации Пушкина, а не против его вывода: на гольштинском знамени не могло быть надписи: «Redivivus et ultor», а если в пугачевском лагере и были поляки, то роль их там была совершенно ничтожна: доверием они не пользовались, и вожди народного восстания не поручили бы им сочинять лозунги для своих знамен. Таким образом, эту полюбившуюся иностранным авторам надпись следует бесспорно отнести к области фантастики, как это и сделал Пушкин.

Натолкнувшись у Броневского, в его «Истории Донского войска» на анекдот о генерале Тотлебене, заметившем, будто бы, сходство между Пугачевым и Петром III, Пушкин совершенно верно определил, что этот анекдот заимствован из романа «Ложный Петр III», и признал его «взорной выдумкой». «Петр III, — писал по этому поводу

¹ Пушкин, стр. 112.

² Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. СПб., 1834, т. III, стр. 355—356.

Пушкин, — был дороден, белокур, имел голубые глаза; самозванец был смугл, сухощав, малоросл; словом, ни в одной черте не сходствовал с государем».¹

Откуда взялся в этом анекдоте Тотлебен, нам не ясно, но что Пугачеву еще до его самозванства говаривали об его сходстве с Петром III, — это подтвердил на следствии сам Пугачев.² Пушкину это было неизвестно.

В одном из агитационных писем Падурова, знакомом и Пушкину, мы встречаем такие слова: «Об нем (т. е. о Пугачеве) объявляют, что он росту среднего, лицом смугл, верхнего зуба нет, правым глазом прищуривает, а затем вы сами изволите знать; ибо он ныне в городе, и ежели бы я его видел прежде, то б я мог его признать».³ Совершенно очевидно, что здесь перечисляются те приметы Пугачева, которые, по мнению его сторонников, придавали ему сходство с Петром III.

Однако Пушкин и в этом случае не ошибся. Если зачинатели восстания считали необходимым, чтобы Пугачев назвался Петром III, то вполне естественно, что они и позднейшие их сподвижники говорили о сходстве его с бывшим царем. Однако никак нельзя допустить, чтобы об этом, мнимом, конечно, сходстве говорил Тотлебен, который очень хорошо знал Петра.⁴ Таким образом, этот анекдот надо тоже причислить к вымыслам.

Пушкин, без сомнения, был совершенно прав, что не воспользовался романом «Ложный Петр III» как источником. Для того, чтобы отыскать в этой наскоро собранной

¹ Пушкин, стр. 390.

² Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1858, кн.: II, стр. 39—40, 51. Впоследствии Пугачев отрекся от этого своего утверждения (Дубровин, *op. cit.*, т. I, стр. 158).

³ Пушкин, стр. 690.

⁴ О близкой связи Петра III с прусским шпионом Тотлебеном см.: Helbig, *Biographie Peter des Dritten*. В. I. Tübingen, 1808, S. 129.

коллекции действительно «вздорных выдумок» хоть какую-нибудь крупицу истины, нужно было овладеть предварительно таким количеством материала, которым Пушкин не располагал и не мог располагать: не забудем, что в период его работы над «Историей Пугачева» ему не дали возможности ознакомиться со следственным производством.

Французский оригинал романа был, видимо, неизвестен Пушкину. В его библиотеке сохранилось два экземпляра русского перевода романа. Каково было качество этого перевода, можно судить хотя бы по тому, что французское слово *troupes* (войска) переводчик считал соответствующим русскому слову «труппа». В распоряжении Пушкина был, очевидно, еще и третий экземпляр этого перевода. По страницам, вырванным из этого экземпляра Пушкиным, типография набрала приложенный к «Истории Пугачева» список лиц, казненных Пугачевым.¹

---

¹ Пушкин., стр. 459 (сноска). Этот список, присоединенный к роману «Ложный Петр III» в качестве приложения, являлся перепечаткой русской официальной публикации 1775 г.

II

ПУБЛИКАЦИЯ БЮШИНГА

В 1784 г. в Галле в ежегоднике Антона-Фридриха Бюшинга «Magazin für die neue Historie und Geographie» («Сборник новой истории и географии»), в XVIII его томе, появилась довольно обширная анонимная статья, озаглавленная так: «Zuverlässige Nachrichten von dem Aufrührer Jemeljan Pugatschew, und der von demselben angestifteten Empörung».¹

В кратком предисловии к этой статье Бюшинг писал, что она прислана ему неким знаменитым ученым, что автор статьи ему, Бюшингу, не известен, однако же ясно, что писал ее человек, сражавшийся против Пугачева под начальством Михельсона, и что последовательность, точность и обстоятельность ее изложения убедят читателя в очевидной ее правдивости.

Так и повелось с тех пор думать, что это мемуары одного из сподвижников Михельсона. Так, вслед за Бюшин-

---

¹ «Достоверные известия о мятежнике Емельяне Пугачеве и о поднятом им восстании». Она вышла затем отдельным изданием под таким заголовком на обложке: «Leben, Thaten und Ende des berühmigten Rebellen Jemeljan Pugaszews. Frankfurt und Leipzig. 1807». На титульном листе повторено заглавие, данное Бюшингом, но предисловие Бюшинга отсутствует.

гом, высказался В. А. Бильбасов.¹ Согласилась с ним и О. Е. Корнилович, которая добавила только от себя, что михельсоновский офицер, писавший эти мемуары, был, видимо, из немцев.² То же повторяет и А. И. Чхеидзе.³

В пользу такого мнения говорит то обстоятельство, что основную часть статьи (44 страницы из 105) составляет описание действий Михельсона и что действия эти описаны в самом деле так подробно и точно, как мог сделать это только очевидец. «Он сам ходил на лыжах, — говорит Бильбасов про автора статьи, — и видел ледяные валы крепости».

Внимательное рассмотрение статьи приводит, однако к иному заключению.

Все, что говорится в статье о Михельсоне и об его действиях, вполне согласуется с тем, что говорит сам Михельсон в своих рапортах. С другой стороны, в этой части статьи нет ничего такого, чего бы не было в этих рапортах. Таким образом, все это написано, видимо, не столько на основании личных наблюдений, сколько на основании рапортов Михельсона.

Но автор, уделяя главное внимание Михельсону, говорит не только о нем одном. Статья представляет собою рассказ обо всей крестьянской войне 1773—1774 гг.: тут и первые шаги Пугачева на Яике до вооруженного его выступления, и движение его по яицким крепостям, и осада Оренбурга, и экспедиция Кара, и Татищевское дело (в котором автор, если он действительно «ходил на лыжах» в отряде Михельсона, никак не мог участвовать, и без-

---

¹ В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 2. Берлин [1896], стр. 310.

² О. Е. Корнилович. Общественное мнение Западной Европы о Пугачевском бунте. «Анналы», 1923, № 3, стр. 156. Библиографическая часть этой статьи грешит многими пробелами.

³ А. И. Чхеидзе, *op. cit.*, стр. 304.

условно не видел «ледяных валов крепости»), и поимка Пугачева на Узеньях, и его казнь.

Источники этой не-михельсоновской части статьи определить не так-то легко. Особенно трудно выяснить, на основании каких данных изображена Оренбургская осада. В этом рассказе, в общем довольно верном, встречаются и неверные подробности. Откуда они взялись, не известно: — в основе тут и не экстракт Рейнсдорпа, и не летопись Рычкова, и не Осипов, и не Полянский, и не Пекарский. Что касается, однако, других описанных автором не-михельсоновских эпизодов, то здесь можно все-таки нащупать некоторые источники.

Мы помним, например, приведенный в примечаниях к «Истории Пугачева» рассказ автора данной статьи о том, как передовые казаки Голицына вошли в соприкосновение с засевшими в Татищевой крепости пугачевцами.¹ Нет никаких сомнений, что это взято из показаний Пугачева.²

Другой пример. Рассказывая, как Пугачев вернулся после Татищевского поражения в Берду, автор немецкой статьи сообщает, что Пугачев собрал остатки своего войска «und schilderte ihnen sein Unglück» — «объяснил им свое несчастье» (стр. 24). Обращаемся к соответствующей части показания Пугачева и находим точно те же слова: «Прибжевав в Берду, — говорит Пугачев, — призвал я тотчас Максима Шигаева, Андрея Витошнова, Ивана Творогова, Максима Горшкова и многих ближних своих старшин, объявил им свое несчастье...».³ Такое дословное совпадение двух текстов не может быть случайным.

Мы знаем, что до Пушкина никто не срывал печатей с тех архивных связок, куда вложены были рапорты Ми-

¹ Пушкин, стр. 111 (прим. 10).

² «Чтения», 1858, кн. II, стр. 30. В записке М. Н. Пекарского этот эпизод передан в искаженном виде (Пушкин, стр. 611).

³ Ibid., стр. 31.

хельсона и показания Пугачева. Однако мы знаем также, что когда в 1833 году Пушкину дали ту связку, где должны были храниться эти рапорты, то большинства их там не оказалось. А когда, два года спустя, уже выпустив в свет «Историю Пугачева», Пушкин дорвался наконец до следственного дела о Пугачеве, то основного, московского показания Пугачева он там тоже не нашел.¹ Впоследствии то и другое отыскалось. Когда и где, мы пока не знаем.

Это может быть и случайность, но любопытно все же, что в запечатанных архивных связках не оказалось именно того, что несомненно побывало в свое время в руках у автора интересующей нас немецкой статьи.

Был ли этот автор очевидцем описанных им событий, был ли он сподвижником Михельсона?

Рассказав, как Михельсон приводил к присяге и включал в свой отряд сдававшихся ему пугачевцев, автор статьи добавляет: «И говорят, что эти люди оказали ему важные услуги» (стр. 31).² Это совсем не похоже на слова очевидца. Зачем очевидцу ссылаться на чьи-то толки?

В другом случае, говоря о подпоручике Минееве, которого Михельсон захватил под Казанью, немецкий автор сообщает, что Михельсон «в воздаяние за его измену приказал, как слышно, его повесить» (стр. 32).³ Известно, однако, что сам Михельсон с Минеевым не расправлялся, а передал его в распоряжение Казанской секретной комис-

---

¹ Я. Грот. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов. «Сборник ОРЯС И. А. Н.», т. XLII, № 4, стр. 163, 165. См. также: П. Софинов. А. С. Пушкин — исследователь пугачевского движения. «Исторический журнал», 1937, № 2, стр. 50.

² «Und man sagt, dass ihm diese Leute gute Dienste geleistet haben».

³ «Ihn (т. е. Минеева) zum Lohn seiner Verrätherei vermuthlich wird haben aufknüpfen lassen».

сии, которая его не повесила, а до смерти забила шпицрутенами.¹ Если бы автор статьи был сподвижником Михельсона, он не мог бы этого не знать. Да и уместно ли в устах очевидца слово „vermuthlich“?²

Таким образом можно считать установленным, что автор статьи пользовался рапортами Михельсона, показаниями Пугачева, может быть и другими архивными материалами, но в военных действиях Михельсона против Пугачева непосредственного участия, видимо, не принимал. Перед нами, следовательно, не мемуары, а научное исследование, написанное на основании архивных первоисточников человеком, жившим в то время в России и хорошо знавшим русские условия.

Говоря о правительственных войсках, действовавших против Пугачева, автор называет их иногда «русские»³ (стр. 24). Русский человек так бы не выразился. В других случаях, однако, он именует Россию отечеством (стр. 47). Мы едва ли ошибемся, если скажем, что писал эту статью русскоподданный, но по национальности не русский, а вероятнее всего — немец.

Мы не ошибемся также, утверждая, что это был не дилетант. Статья пропитана крепостнической идеологией. Режет ухо фальшивая приподнятость раболепного, «верноподданнического» тона в тех местах, где автор считает себя обязанным давать морально-политическую оценку изображаемых лиц или событий. Но при всем том приходится признать, что и общее построение статьи и деловитая сжатость слога выдают опытного литератора и незаурядного профессионала-историка, умело владеющего архивным документом. Недаром столь высоко оценили статью и Бюшинг, и Бильбасов, и такой проворливейший судья, как

¹ Пушкин, стр. 701—704, 722—723.

² Перевод: «как слышно», или «повидимому», или «как будто».

³ «Die Russen».

Пушкин: даже в дурном французском переводе он нашел ее «замечательной».¹

Личность анонимного автора вызывает поэтому вполне законное любопытство.

Нетрудно угадать, какой «знаменитый ученый» прислал статью Бюшингу. Это, без всякого сомнения, известный академик, историк и географ Гергард Миллер, бывший конференц-секретарь петербургской Академии Наук, исследователь Сибири, перебравшийся в половине 1760-х годов из Петербурга в Москву, где занял должность начальника Архива коллегии иностранных дел и посвятил остаток дней преимущественно архивной археографической работе. С Бюшингом, жившим и служившим некоторое время в Петербурге, у Миллера была давняя деловая и личная связь. Он был если не единственным, то во всяком случае главным поставщиком русского историко-географического материала, который публиковался в ежегоднике его «лучшего друга»: так называл он Бюшинга.²

Возникает мысль, не послал ли Миллер Бюшингу своей собственной статьи, не был ли он сам ее автором?

Прямых доказательств, подтверждающих правильность такой заманчивой догадки, пока не найдено. Но в ее пользу говорит многое. Есть, однако же, и обратные доводы. С них и начнем.

Если статьи написал Миллер, человек, безвыездно проживший в России более полу столетия, «усыновленный» ею, по выражению С. М. Соловьева,⁴ превосходно ее изучивший и внимательно, — как увидим, — следивший за ходом пугачевского движения, то как мог он позаимствовать

---

¹ Пушкин, стр. 101.

² A. F. Büsching. Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdigen Personen. III. Halle, 1785, S. 18.

³ «Современник», 1854 г., т. XLVII, стр. 116.

из романа «Ложный Петр III» ни на чем не основанную и явно нелепую басню, будто при Пугачеве состоял какой-то француз, пытавшийся руководить его действиями (стр. 47)?

Довод, — что и говорить, — сильный, но не решающий.

«Ложный Петр III» был построен, — как мы уже знаем, — главным образом на иностранном газетном материале, а газеты питались ходившими в обществе слухами. Слухи такого рода бывают очень упорны и способны внушать веру даже самым скептическим умам. От их навязчивого воздействия не был застрахован и Миллер. Если сейчас мы совершенно твердо знаем, что крестьянская война 1773—1774 гг. была явлением чисто народным, стихийным, что при Пугачеве не было никаких чужеземных советчиков, что ни о каких вообще иностранных влияниях тут не могло быть и речи, — то эта наша уверенность покоится на исчерпывающем знакомстве со следственным производством по делу Пугачева. Миллер, при всей его большой осведомленности, не мог изучить это производство так подробно, как изучено оно теперь. Ведь даже сама Екатерина, посвященная во все темнейшие тайны следствия, не переставала доискиваться, не замешаны ли в деле иностранцы.¹

Вполне возможно, наконец, и даже весьма вероятно, что это упоминание о французе, подозрительно беглое и никак не увязанное с остальным текстом ни по существу, ни стилистически, внесено в статью не автором, а издателем — Бюшингом. Он чистосердечно сознается

---

¹ Н. Дубровин, *op. cit.* т. III, стр. 352—355. Ср. также «всеподданнейший рапорт» Оренбургской секретной комиссии от 21 мая 1774 г. (ЦГАДА, Секретные дела тайной экспедиции, в. 369, д. 19, лл. 4—5). Когда Пугачева спросили, не получал ли он помощи от иностранцев, он ответил не без гордости: — «На что мне? Я и так столько людей имел, сколько для меня потребно».

V o r r e d e .

Die erste und kleinere Abtheilung dieses Bandes meines Magazins betrifft Rußland, und hat drey Abschnitte. Der erste enthält zuverlässige Nachrichten von dem Auführer Pugatschew, und von der Empörung, welche er angestiftet hat. Den Verfasser derselben kenne ich nicht, es ist aber deutlich genug, daß er unter dem Herrn Obersten Michelson wider den Rebellen und desselben Anhang gefochten habe, welchem tapfern und klugen Officier Rußland die Dämpfung dieses gefährlichen Auführs eigentlich zu danken hat. Die Nachrichten sind so ordentlich, so genau und so umständlich, daß ihre Wahrheit für die Leser sehr einleuchtend ist. Ich habe in denselben nur die Schreibart der Namen verändert, einige zu wortreiche Stellen weggelassen, und zu den Ermordeten, S. 69 auch den Professor Lowig gesetzt, alles übrige aber so gelassen, wie ich empfangen habe. Weil der neunte Theil dieses Magazins eine Nachricht von dem ähnlichen Auführ des Donischen Kosacken Stenka Rasin enthält, so war mir die Beschreibung des Auführs, welchen Pugatschew, auch ein Donischer Kosack, angestiftet hat, angenehm, als sie mir von einem berühmten Gelehrten geschicket und überlassen wurde. Sie ist um desto wichtiger, da sie außer der Wahrheit auch die Eigenschaft hat, daß sie die einzige ist; denn das Buch, *Leben und Abenteuer des berühmtesten Rebellen*

* 2

в предисловии, что прошелся по рукописи редакторским пером.

Эта редакторская правка является, впрочем, с другой стороны, тоже довольно существенным доводом против авторства Миллера. Бюшинг так почитал своего старшего собрата по ученым занятиям, что трудно вообразить его в роли исправителя погрешностей Миллера. Да еще каких погрешностей! Бюшинг объясняет, что он выправил в статье транскрипцию русских собственных имен и выкинул «некоторые слишком многословные места» («einige zu wortreiche Stellen», стр.*2). А между тем по части иностранной транскрипции русских собственных имен Миллер, можно смело сказать, был самым лучшим в тогдашней Европе специалистом, несравненно более авторитетным, чем Бюшинг: он давал уроки правописания Вольтеру.¹ Упрекнуть Миллера в многословии тоже нельзя.

Да и зачем, наконец, понадобилось бы Бюшингу скрывать от своих читателей имя Миллера?

Все эти соображения не лишены почвы, но признать их незыблемыми нельзя.

В отношении транскрипции иностранных слов у всякого ученого свои привычки и причуды, подчас весьма упрямые: не постеснялся же Вольтер самонадеянно отвергнуть разумные наставления российского историографа. Кроме того, с давних пор повелось, что каждый иностранец, заглянув в нашу страну хотя бы мимоходом, спешит возомнить себя глубоким ее знатоком; у нас будет еще случай проиллюстрировать это красноречивым примером, когда очередь дойдет до разбора книги англичанина Тука. Так обстояло дело, повидимому, и с Бюшингом.² Если принять

¹ П. Пекарский. История Академии Наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, стр. 381.

² Во «Всеобщей географии» Бюшинга есть раздел, посвященный России (см. ниже, гл. XII). Тем не менее, его транскрипции в итале-

во внимание, что статья печаталась после смерти Миллера, то не так уж удивительно, что Бюшинг дал волю своим транскрипционным прихотям.

А вычеркивание «слишком многословных», будто бы, отрывков может быть очень просто объяснено свойственной всем буржуазным издателям экономией бумаги.

Что же касается, наконец, того, что Бюшинг сохранил в тайне имя автора статьи, то это не только не странно, а наоборот, вполне естественно. Вспомним, что имя «знаменитого ученого», приславшего статью, Бюшингом тоже не оглашено.

Кому случалось просматривать страшные реестры «тайной экспедиции» екатерининского сената, тот знает, что вплоть до половины 80-х годов XVIII столетия, то есть на протяжении целых десяти лет после подавления крестьянской войны, за «дерзкие слова о Пугачеве» людей еще истязали в полицейских застенках.¹ Эта традиция пережила Миллера. Привычка к декретированному Екатериной «молчанию» была так сильна, что даже после ее смерти, даже в замкнутом кругу ответственных должностных лиц, даже в самой секретной служебной их переписке имя Пугачева старались обходить, заменяя его такой, например, формулой: «Емелька-казак и государственный злодей».²

ресующей нас статье далеко не безупречны: Кыштын вместо Кыштым, Гагарин вместо Гагрин, Чербакуль вместо Чебаркуль, Зимовская вместо Зимовейская, Петровловская вместо Петропавловская, и т. д.

¹ См., например, листы 86 и 121 хранящейся в Центральном Государственном архиве древних актов описи дел тайной экспедиции сената за 1762—1801 гг. (ГА, разр. VII, 2).

² Секретное донесение коменданта Кексгольмской крепости на имя генерал-прокурора от 26 декабря 1796 г. (ЦГАДА, ГА, разр. VII, 2, д. № 2903-1796).

Все это было прекрасно известно Миллеру и Бюшнгу. Превратности долгой научно-литературной жизни приучили Миллера к осторожности, граничившей с трусостью. Отсылая статью о Пугачеве в иностранный ежегодник, он потребовал, вероятно, чтобы с ее опубликованием повременили до его смерти. Бюшнг так и поступил: статья напечатана в 1784 году, а Миллер умер в октябре 1783 года. Возможно, что, боясь навлечь политические неприятности на своих наследников,¹ Миллер просил и после его смерти не связывать эту опасную статью с его именем. «Лучший друг» исполнил и эту просьбу.

Итак, мы не обнаружили ничего такого, что исключало бы возможность признать Миллера автором статьи. Правдоподобие же нашей догадки подтверждается, напротив, очень многим, не только высоким научным качеством статьи, написанной, — как уже говорилось, — профессионально.

Революционные периоды русской истории составляли предмет особенно пристального внимания Миллера. Он старательно изучал эпоху Годунова и Лжедмитриев и писал о ней, что было даже поставлено ему в вину.² Архив Миллера хранит следы его интереса к восстанию Степана Разина.³ Как только началось пугачевское движение, Миллер (ему шел тогда уже шестьдесят девятый год)

---

¹ Судьба жены и сыновей сильно заботила Миллера: за день до смерти он пишет длинное послание Екатерине, прося обеспечить их будущность (ЦГАДА, «Миллеровские портфели», № 289, портфель I, д. 53). Ср. также его переписку с кн. А. А. Вяземским о службе сына (там же, № 546, портфель VII, д. 28).

² Пекарский, *op. cit.*, стр. 380.

ЦГАДА, «Миллеровские портфели», оп. 199/1, № 152, д. 12, «Историческая записка» П. И. Рычкова; Архив Академии Наук СССР, ф. 21, оп. 3, № 207, письмо Миллера к П. И. Рычкову от 24 декабря 1773 г. См. также бюшнговский «Magazin...», Theil IX. Halle, 1775, S. 79.

сразу же весь настораживается. В нем пробуждается при этом, — тут нет сомнений, — не только перепуганный обыватель, но и ученый, историк, страстный архивист, который с первого взгляда правильно оценил все значение происходящих событий. Он не просто любопытствует, он не только сам собирает исторический материал, — он мобилизует на собрание и даже на создание такого материала всех, кого может, пуская в ход все свои обширнейшие связи, научные и сановные, столичные и провинциальные.

Не прошло и трех месяцев со дня первой правительственной публикации о появлении «вора, возмутителя и самозванца», как Миллер уж находит какой-то, вероятно не легко достижимый, способ послать письмо в осажденный этим возмутителем Оренбург, своему старому корреспонденту П. И. Рычкову, убеждая его заняться обстоятельным описанием «сих беспокойств». Он поддерживает письменные сношения и с недругом этого самого Рычкова — с оренбургским губернатором Рейнсдорпом. Любезно именуюя его честным свидетелем, которого не может упустить любитель истины, Миллер ловко подстрекает недалекого, падкого на лесть генерала к присылке «сведений» о пугачевщине. Из намеков Миллера можно заключить, что такими «сведениями» снабжал его и победитель Пугачева под Татищевой крепостью, князь П. М. Голицын: Миллер называет его своим «великим доброхотом». Пугачевские материалы, официальные и «приватные», стекаются к Миллеру отовсюду: из Оренбурга, из Казани, из Пензы, из Екатеринбургa, из Симбирска, из Катериненштадта, из Сарепты, из лагеря при какой-то степной речушке, и т. д. и т. д., — не говоря уже о Москве и Петербурге.¹

---

¹ Архив Академии Наук СССР, ф. 21, оп. 3, № 207, письма Миллера к Рычкову и Рейнсдорпу; ЦГАДА, «Миллеровские портфели», оп. 199/1, № 152.

В итоге упорных стараний «знаменитого трудолюбца» (так — очень метко — определяет Миллера С. М. Соловьев)¹ его огромная «архива», которую мы и сейчас, подобно его современникам, должны оценивать как «сущее сокровище для государства»,² обогащается еще одним портфелем. В нашем Центральном Государственном архиве древних актов он значится теперь под № 152. Миллер сам составил краткую опись этого портфеля и собственноручно озаглавил ее так: «В портфели Catharina II V Pugatschew».³

Еще и теперь, после того как наука уже более ста лет работает над архивными материалами по пугачевщине (летоисчисление следует вести в этом случае от Пушкина), внимательный историк крестьянской войны 1773—1774 гг. отыщет в пугачевском портфеле Миллера свежий, нетронутый материал, который так и просится в печать. Помимо превосходной коллекции правительственных актов, кроме отборных образцов служебной переписки разных военных и гражданских чинов, здесь хорошо представлены и мемуарные записи, и исторические сводки исследовательского типа, и письма частных лиц, и кое-какие памятники народного, революционного творчества. Чувствуется цепкая рука предприимчивого собирателя и разборчивый вкус искусного знатока архивных ценностей.

Если учесть таким образом, во-первых, уже отмеченную склонность Миллера к историко-революционным сюжетам, во-вторых, сумму усилий, какую он потратил на собирание пугачевских документов, весьма заметно, как видим, возбуждивших его научную любознательность, и в-третьих, количество и качество накопленного им материала, — то легко себе представить, что у старого исто-

¹ «Современник», 1854 г., т. XLVII, стр. 150.

² Пекарский, *op. cit.*, стр. 400.

³ Перевод: «Екатерина II V Пугачев».

рика появилась охота обработать этот материал — составить на его основе краткий обзор только что миновавших событий. Выразимся смелее: едва ли возможно, что у Миллера не возникло подобного желания.

При всем том, однако, в его архиве нет ни показаний Пугачева, ни рапортов Михельсона, которыми бесспорно пользовался автор занимающей нас статьи, нет и самой статьи, — которая, кто бы ни был ее автор, несомненно прошла через руки Миллера, — нет, наконец, и никаких следов пересылки ее Бюшингу.

Но ведь надо помнить прежде всего, что архив Миллера уцелел, к несчастью, не полностью. Из двенадцати тетрадей, входивших в состав пугачевского портфеля, до нас дошло только семь, причем и в одной из этих семи¹ нехватает какой-то «пьесы». Черновики писем Миллера к Бюшингу сохранились тоже не все: последний черновик датируется 1778 г., а между тем известно, что их переписка продолжалась еще пять лет — до самой смерти Миллера.²

Думается, что не все эти лакуны случайны. Есть основание предположить, что Миллер, считаясь с условиями своего времени, изъял и уничтожил кое-что из своего архивного собрания. Это не беспочвенный домысел.

Из переписки Миллера видно, например, что собиранием пугачевских материалов занят был в ту же пору, помимо него, еще и другой российский историк — князь

---

¹ По описи Миллера она значится под № 11. Пропали, повидимому, те самые тетради, которые осенью 1835 г. были пересланы из Московского Главного архива министерства иностранных дел в Государственный Архив и оттуда переданы для ознакомления Пушкину (см. П. Софинов, *op. cit.*, стр. 50).

² Бюшинг приводит выдержки из писем Миллера к нему, датированных августом и сентябрем 1783 г. (*Büsching. Beiträge...*, Ss. 123—124).

М. М. Щербатов, уполномоченный на то, повидимому, самой Екатериной. Миллер писал про Щербатова, что он «обеспечен всеми подлинными сообщениями, которые поступали к ее величеству во время восстания и его последствий». Какое-то «посредническое» участие в этой деятельности Щербатова принимал, кажется, и Миллер.¹ Они много лет подряд работали рука об руку и были в приятельских отношениях. Если Миллер был автором разбираемой статьи,² то вполне вероятно, что именно при помощи Щербатова он получил доступ и к следственному производству о Пугачеве и к секретным делам военной коллегии, где хранились рапорты Михельсона. Настаивать на этой последней догадке не приходится, зато другое соображение не может вызвать спора: если эти два историка, сердечно друг к другу расположенные, были заняты в одно и то же время одним и тем же делом, да еще таким исключительно важным и политически и научно, то эта общность темы научных занятий не могла не оставить хоть какого-нибудь следа в их довольно регулярной научно-деловой переписке. А между тем ни в собрании писем Щербатова к Миллеру, ни в черновиках ответных писем Миллера таких следов не оказывается.³

Совершенно ясно, что эти следы замел осторожный Миллер.

Конечный вывод таков: весьма вероятно, что автором статьи, опубликованной Бюшингом, был Миллер, но считать это доказанным нельзя. Может быть, такие доказательства когда-нибудь еще и найдутся: их следует искать в архиве Бюшинга, если только этот архив еще цел.

¹ Архив Академии Наук СССР, ф. 21, оп. 3, № 307, письмо Миллера к Рейнсдорпу от 18 марта 1775 г.

² Авторство Щербатова исключается: не его стиль, не его тон.

³ ЦГАДА, «Миллеровские портфели», оп. 199/2, № 546, л. 17 Архив Академии Наук СССР, ф. 21, оп. 3, № 308/33.

Важнее и тверже другой вывод: хотя статья была напечатана в Германии на немецком языке, однако писалась она в России русским подданным на основе одних только русских материалов. Таким образом, при оценке этой статьи как исторического источника мы обязаны признавать ее источником не иностранным, а русским. Тут спора быть не может: ведь не сочтем же мы, например, иностранным сочинением знаменитую книгу Герцена «С того берега», выпущенную первоначально в Гамбурге на немецком языке.¹

Помимо чисто научных задач, которые стояли перед автором разбираемой немецкой статьи, он преследовал, как будто, еще и некую побочную цель. Чтобы уяснить ее себе, полезно вспомнить один существовавший в екатерининское время обычай, о котором в научной литературе, кажется, совсем еще не говорилось.

За границей в те годы газетное и журнальное слово приобретало с каждым днем все большее значение. Екатерина, как известно, чрезвычайно внимательно следила за всем, что печаталось там о России, и отзывалась на это необыкновенно горячо. Так горячо, что не только ее письма, не только ее художественные и публицистические произведения, но и многие изданные ею официальные акты не могут быть оценены по истинному их достоинству без исчерпывающего знакомства с европейской печатью того времени. Общественное мнение Западной Европы, для обработки которого она пользовалась услугами и Вольтера, и Гримма, и г-жи Бьельке, и своего резидента в Гааге Голицына, и еще нивесть кого, — это общественное мнение волновало ее до крайности. Пожалуй, больше всего на свете.

---

¹ Herzen. Vom andern Ufer. Hamburg, 1850. Второе, русское издание вышло только пять лет спустя.

Ее сановники и генералы хорошо знали, конечно, эту ее особенность. И вот завелось у них обыкновение в тяжелые минуты своей служебной или придворной жизни прибегать к помощи этого европейского общественного мнения, точнее говоря, — фальсифицировать его в свою пользу.

Таких случаев сколько угодно.

Екатерина, например, терпеть не могла Петра Панина. Когда он в 1770 г. взял Бендеры, она его наградила, но тут же высказала недовольство понесенными им потерями, разрушением Бендер, и создала такую обстановку, что ему пришлось уйти в отставку. Четыре года спустя она очень неохотно вызвала его из деревни, чтобы напустить на Пугачева. А когда он расправился и с Пугачевым и с пугачевцами, она не наградила его ничем, кроме очень холодного, почти иронического рескрипта. В том же 1775 г., когда Петра Панина отставили таким образом вторично, в Германии, в очень популярном в то время «Магазине» Бюшинга публикуется документ, озаглавленный так: «Extrait du journal des opérations de la seconde armée Impériale de Russie, depuis qu'elle a été confiée aux ordres du général en chef, sénateur et chevalier de plusieurs ordres, comte de Panin; c'est à dire depuis la fin de la campagne de 1769 jusqu'à la fin de celle de l'année 1770».¹

Содержание этого документа не оставляет никаких сомнений в том, что если не автором, то редактором его был сам Панин.

Опальный полководец прекрасно понимал, что, подай он такую самохвальную записку Екатерине от своего имени,

---

¹ *Magazin, Theil IX, Halle, 1775, S. 89—118.* Перевод: «Извлечение из походного журнала Второй российской императорской армии с того времени, как она была вверена начальству генерал-аншефа, сенатора и кавалера многих орденов, графа Панина, то есть с конца кампании 1769 года по конец кампании 1770 года».

это не произвело бы никакого впечатления. И он прибегает к другому средству: создает видимость, будто его боевой деятельностью, недооцененной русским императорским правительством, заинтересовалось общественное мнение Западной Европы.

В подобном же положении оказывались и более высокие особы.

В начале 1775 г. отъезжает в чужие края падший фаворит Екатерины II Григорий Орлов. И сразу же после этого в гамбургской газете появляется похвальное слово ему, которое составлено в виде письма из Петербурга, адресованного будто бы каким-то безымянным английским купцом другу своему в Германии.¹

Михельсон был тоже недоволен своей судьбой. Екатерина относилась к нему пренебрежительно² и держала его в тени. Он горько жаловался на «интриги».³ Немецкая статья о пугачевском восстании, помещенная в «Магазине» Бюшинга, написана умно и ловко, но в тех своих частях, где речь идет о Михельсоне, она носит подчеркнуто панегирический характер. Едва ли стоит сомневаться в том, что она была если не заказана, то инспирирована Михельсоном.

Это был не единственный случай в его практике. С подобным же, только более кратким панегириком мы встретимся далее, в книге Танненберга.

---

¹ Schreiben eines Englischen Kaufmanns an einen seiner Freunde in Deutschland, d. d. Petersburg, den 6 Februar 1775. «Staats- und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen Unparteyischen Correspondenten», № 36 от 4 марта 1775 г.

² См., например, Памятные записки А. В. Храповицкого. М., 1862, стр. 16, 53 и др.

³ Письмо бар. К. Ф. Толя к А. С. Пушкину от 24 января 1837 г. (И. А. Шляпкии. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб. 1903, стр. 302).

Это не отнимает у разбираемой нами статьи ее бесспорных исторических достоинств. В основном она, по вполне верному замечанию Бюшинга, и правдива, и точна, и обстоятельна.

Замечательна судьба этой статьи.

Еще в XVIII веке из нее черпали материал не только немецкие, но и английские историки, а французы перевели и напечатали ее полностью

В России первым, кто ее заметил, был, насколько известно, Пушкин. Как увидим, он воспользовался ею очень широко.

Затем о ней забыли надолго. Такие исследователи пугачевского движения, как Д. Анучин и Н. Дубровин, проглядели ее. Не разыскал ее и Д. Л. Мордовцев, более других историков занимавшийся иностранной литературой о Пугачеве.

Заговорили о ней опять только шестьдесят лет спустя после смерти Пушкина. Ее прочитал В. А. Бильбасов и отозвался о ней как о «чрезвычайно важном и до настоящего времени единственном в своем роде источнике».¹ Но тот же Бильбасов, — как это отмечалось уже в литературе, — натолкнувшись на французский ее перевод, не узнал в переводе подлинника и не заметил, что этим переводом пользовался Пушкин.²

Гораздо удивительнее, что не заметил этого и академический комментатор «Истории Пугачева» профессор Н. Н. Фирсов. Библиографический труд Бильбасова был, вероятно, ему неизвестен, а статьи «Zuverlässige Nachrichten...» он бесспорно не читал, хоть и цитирует ее назва-

¹ Бильбасов, *op. cit.*, стр. 309. Несколькими страницами далее Бильбасов повторяет эту оценку, называя разбираемую статью «источником первой важности» (стр. 313).

² *Ibid.*, стр. 56.

ние в перечне иностранных работ о Пугачеве.¹ Совершенно спокойно отнесся Фирсов к тому, что не сумел раскрыть четырехкратную ссылку Пушкина на перевод этой статьи: на почве, так сказать, этой своей неисправности он построил даже целую гипотезу. Эта гипотеза заключалась в том, будто Пушкин некоторых архивных документов не конспектировал, а «излагал их прямо на память».² Такому предположению не было бы места, если бы Фирсов познакомился с интересующей нас статьей. Он убедился бы тогда, что те отрывки «Истории Пугачева», которые породили эту гипотезу, написаны Пушкиным не по архивным документам (Пушкин тут никакими архивными документами не располагал и не мог располагать), а на основании этой самой переводной статьи, — статьи, которую многие после Пушкина отмечали и хвалили, но которой до наших дней никто, кроме Пушкина, не воспользовался.

Не осмысленная Фирсовым ссылка Пушкина на перевод этой статьи была раскрыта сравнительно недавно. Эта заслуга принадлежит О. Е. Корнилович. Но исследование работы Пушкина не входило в ее задачи, и она ограничилась только следующими словами: «Немецкий источник остался мало известным, тогда как французский плагиат был, повидимому, напечатан и отдельным изданием; такое упоминание у Пушкина в „Истории Пугачевского

---

¹ Сочинения Пушкина. Издание Академии Наук, т. XI. История Пугачевского бунта. Петроград, 1914, стр. 19 второй пагинации. Ср. также стр. 220 и 253. Сведения об иностранных сочинениях, посвященных Пугачеву, Фирсов заимствовал без проверки из литографированного курса лекций В. С. Иконникова (Время Екатерины II. Вып. IV, Киев, 1832, стр. 271—272). В этом курсе, который и в то время являлся уже устаревшим, Иконников называет «Histoire de la révolte de Pougatschef» «современным французским рассказом дипломатического агента, находившегося, как кажется, в Петербурге».

² Ibid., стр. 56; Н. Фирсов. Пушкин как историк (Пушкин, под редакцией С. А. Венгерова, II. 1915, стр. 252).

бунта“ под именем краткой исторической записки неизвестного автора; Пушкин признает ее замечательной и высказывает предположение, что она составлена дипломатическим агентом, находившимся в то время в Петербурге». ¹ О том, что Пушкин воспользовался этой статьей, и о том, как он ею воспользовался, Корнилович не говорит ни слова. Но исследование Корнилович затерялось в недолго просуществовавшем журнале «Анналы» и многими оказалось незамечено, а иными позабыто. По крайней мере не далее, как в 1937 году, в «Вестнике Академии Наук СССР» напечатана была статья, где разбираемое нами произведение упоминается опять, правда очень вскользь, под названием «краткой исторической французской записки». ²

Основной темой тщательно продуманной статьи А. И. Чхеидзе является работа Пушкина над данным произведением. Автором статьи вполне правильно установлено, что Пушкин имел дело с французским переводом немецкого подлинника. Но этого подлинника, то есть анонимной статьи, напечатанной в «Магазине» Бюшинга, А. И. Чхеидзе, к сожалению, не доискалась, а удовольствовалась вышеупомянутой (стр. 24, примеч.) франкфуртско-лейпцигской перепечаткой этой статьи, которая появилась только в 1807 г. — восемь лет спустя после опубликования французского перевода. Другое упущение А. И. Чхеидзе заключается в том, что она не сверила, слово за словом, французского перевода с немецким оригиналом, что, — как увидим далее, — совершенно необходимо.

Пора разобраться до конца в вопросе о взаимной связи занимающих нас трех текстов — русского (пушкинского), французского и немецкого.

¹ О. Е. Корнилович, *op. cit.*, стр. 156.

² «Вестник Академии Наук СССР», 1937, № 2—3, стр. 141.

В VII году Французской республики, т. е. 15 лет спустя после выхода в свет немецкой статьи о Пугачеве, некий Лаво (Jean-Charles-Thibault Laveaux, 1749—1827), филолог, переводчик, лексикограф, в прошлом журналист якобинского толка и инспектор тюрем в Сенской префектуре, а в еще более отдаленном прошлом биограф Фридриха II Прусского, выпустил в Париже двухтомное анонимное сочинение, озаглавленное так: «Histoire de Pierre III Empereur de Russie. Imprimée sur un manuscrit trouvé dans les papiers de Montmorin, ancien Ministre des Affaires Etrangères, et composé par un agent secret de Louis XV à la cour de Pétersbourg, avec des éclaircissemens et des additions importantes, suivie de l'histoire secrète des amours et des principaux amans de Catherine II».¹

Собственно, история Петра III (не очень умная, но не лишенная все же известной ценности, так как писал ее

¹ Перевод: «История русского императора Петра III. Напечатанная по рукописи, найденной в бумагах бывшего министра иностранных дел Монморена и сочиненной неким тайным агентом Людовика XV при Петербургском дворе, с важными разъяснениями и дополнениями, сопровождаемая тайной историей любовных походов и главных любовников Екатерины II». Имя Лаво как составителя этой книги впервые назвал Гельбиг (op. cit., s. XIV), который так же, как и Кастера (J. Castéra. Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie. Paris, an VIII, t. I, p. vii), обвиняет при этом Лаво в плагиате. Ссылка Лаво на секретного агента Людовика XV и на архив Монморена является, по мнению Гельбига, мистификацией, в те времена довольно обычной. Это не помешало Бильбасову принять эту ссылку за чистую монету и счесть секретным агентом самого Лаво (op. cit., стр. 55), причем Бильбасов, не опираясь ни на какие источники, определяет даже и годы, когда Лаво исполнял, будто бы, эти обязанности: 1761—1779. С этим, вполне произвольным повидимому, утверждением Бильбасова согласиться трудно. В списках секретных дипломатических агентов Людовика XV имя Лаво не встречается (ср. M. E. Boutaric. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère. Paris, 1866). К тому же в 1761 г. Лаво было всего 12 лет от роду (Nouvelle Biographie Générale, t. 29, Paris, 1862).

человек, живший некоторое время в России) вся уместена в первом томе. Второй том отведен под всякого рода приложения. В составе этих приложений мы находим под № XIII статью, которая носит такое название «*Troubles à l'occasion du détronement de Pierre III. Histoire de la révolte de Pugatschef*».¹

Это и есть то самое, чем пользовался Пушкин, то, что он именовал «краткой исторической запиской», что Корнилович квалифицировала как плагиат и что в действительности является кое-где дополненным, кое-где сокращенным плохим французским переводом известного нам исследования о Пугачеве, напечатанного Бюшингом.

Имя переводчика неизвестно. Ни сам он, ни издатель нигде не указывают оригинала, с которого сделан перевод. Мало того, они вообще умалчивают, что это перевод, а не оригинальное произведение. Таким образом, Пушкин, не зная немецкого подлинника (а у нас будет еще случай убедиться, что он его не знал), имел полное основание думать, что перед ним «историческая записка» французского происхождения.

Такому впечатлению должны были способствовать те сокращения, добавления и переделки, которые внесены были переводчиком в текст. Немецкий подлинник написан, как мы помним, русским подданным и, будучи инспирирован Михельсоном, был рассчитан, главным образом, на одну читательницу — на Екатерину. Этим определялось то освещение, которое автор придавал изображаемым событиям: Екатерина — мудрая и кроткая правительница, Пугачев — злодей, его армия — толпа всякого сброда (*Gesinde*), Михельсон — патриот, герой, спаситель отечества и т. д. Французский перевод печатался в послереволюционной

¹ Перевод: «Волнения по случаю свержения с престола Петра III. История Пугачевского восстания».

Франции, когда Екатерины уже не было в живых и когда правительство Павла примкнуло к контрреволюционной коалиции. Этим определялись те изменения, в которых нуждался, по мнению французского переводчика, немецкий текст.

Вот образцы поправок такого характера.

Автор пишет: «Императрица, для которой благо и любовь ее подданных являются первым основным законом правления, огорчилась, когда узнала, что под ее кротким скипетром обретаются еще недовольные, которые способны были променять счастливое существование под благостной и мирной властью на несчастье свое и своих ближних. Она решила поэтому принять самые действительные меры, какие позволяли ей тогдашние обстоятельства, чтобы положить конец страданиям этих провинций» (стр. 18).¹

У французского переводчика эта тирада заменена такими словами: «Императрица под показным презрением скрывала трéвогу, какую внушали ей все эти дела; предводителя мятежников она называла в шутку маркизом Пугачевым, но в глубине души она крайне опасалась последствий этого мятежа и целыми днями и ночами раздумывала над способами его подавления. Наконец она приняла все меры, какие позволяли ей обстоятельства» (стр. 293—294).²

---

¹ «Die Kaiserin, bei welcher das Wohl und die Liebe ihrer Unterthanen das erste Grundgesetz der Regierung ist, war gerührt da sie erfuhr, dass es unter ihrem sanften Zepter noch Unzufriedene gebe, welche ihr und ihrer Neben-Menschen Elend dem Glück einer milden und ruhigen Herrschaft verziehen konnten. Sie beschloss daher sogleich die wirksamsten Massregeln zu ergreifen, welche die damaligen Umstände nur verstatteten um dem Leiden dieser Provinzen ein Ende zu machen».

² «L'impératrice cachoit sous un mépris affecté les inquiétudes que lui causoient toutes ces affaires; elle appelloit en plaisantant le chef des révoltés, le marquis de Pugatschef, mais dans le fond, elle redou-

Biron, restèrent vis-à-vis l'un de l'autre, le verre en main, sans dire mot, les yeux fixés sur l'endroit d'où l'empereur avoit disparu; puis se flattant bientôt qu'il les avoit oubliés, ils se fixèrent, se mesurèrent des yeux, et mettant leurs verres pleins sur la table, ils se tournerent le dos.

N° XIII

Troubles à l'occasion du détronement de Pierre III. Histoire de la révolte de Pugatchef.

Malgré toutes les mesures que l'on avoit prises depuis long-tems, pour avilir Pierre III, malgré les calomnies que l'on avoit avancées impudemment dans les manifestes publiés après son détronement et sa mort, un mécontentement sourd régnoit dans plusieurs contrées de l'Empire; et ce prince qui, dans un règne si court, avoit annoncé la continuation des grands projets de Pierre-le-Grand, sans se rendre odieux par la sévérité excessive de ce dernier, étoit regretté en secret. Le mécontentement augmenta encore, quand on vit Catherine exécuter les mêmes choses qu'elle

Нельзя отрицать, что француз передает настроение Екатерины куда точнее, чем автор статьи.¹

Сообщая о том, что население Москвы с нетерпением ожидало Пугачева, автор спешит оговориться, что речь идет только о черни («von dem Pöbel»), которая, однако, в Москве была весьма многочисленна (стр. 47). Француз формулирует эту оговорку иначе. В его изложении, все московские жители передались бы Пугачеву «за исключением дворян и людей, состоявших у императрицы на жалованье, которые, как и везде, не являются ни наиболее смелыми, ни наиболее многочисленными, ни наиболее сильными» (стр. 355).²

Говоря о знаменитой «ошибке» палача, который сперва обезглавил Пугачева, а потом уж четвертовал его, автор статьи выражается так: «Однако сперва — и, говорят, по ошибке, — его обезглавили» (стр. 50).³ Француз толкует дело по-своему: «Однако палач, более человечный, чем судьи, сделал вид, будто ошибся, и сперва отрубил ему голову» (стр. 360).⁴

Впрочем таких, сравнительно крупных изменений не очень много. Французский переводчик чаще ограничивался

---

toit extrêmement les suites de cette révolte, et songeoit jour et nuit aux moyens de l'appaiser. Enfin elle prit toutes les mesures que les circonstances pouvoient permettre».

¹ Ср. донесение английского резидента в Петербурге Гуннинга от 25 февраля 1774 г., где он пишет так: «Заметно, что с некоторых пор настроение императрицы очень ухудшилось и что в ней нет уже той приветливости и той доступности, какие отличали ее ранее». (La cour de la Russie il y a cent ans 1725—1783. Berlin. 1858, p. 279).

² «A l'exception des nobles et des salariés de l'impératrice, qui, comme partout ailleurs, ne sont ni les plus hardis, ni les plus nombreux, ni les plus forts».

³ «Allein er ward, und man sagt, durch ein Versehen, erst enthauptet».

⁴ «Mais le bourreau, plus humain que les juges, feignit de se tromper, et commença par lui couper la tête».

тем, что либо выкидывал хвалебные отзывы о Михельсоне, Екатерине, Панине, Бибикове, либо смягчал рассказы о приписанных Пугачеву жестокостях, либо, чаще всего, унащивал немецкий текст политическими и психологическими рассуждениями, которые нередко обращались в то, что Пушкин вполне справедливо назвал «болтовней». Образец такой болтовни, отсутствующей в немецком подлиннике, Пушкин приводит в примечаниях к «Истории Пугачева».¹

Мы уже упоминали, что автор немецкой статьи поддался слухам о том, будто при Пугачеве состоял советчиком какой-то француз. В немецком тексте это не столько утверждение, сколько беглый намек, который звучит так: «Пугачев для казака был очень умен и умнее, может быть, чем тот продувной француз, которому хотелось стать его Виргилием» (стр. 47).² Нет сомнения, что автор имеет здесь в виду того мнимого пугачевского наперсника, француза Буапре, которому сочинитель романа «Ложный Петр III» приписывает очень крупную роль, вполне, конечно, фантастическую.

Послереволюционный француз-переводчик счел нужным отмежеваться в этом случае от своего дореволюционного соотечественника-романиста и перелицевал эту немецкую фразу следующим образом: «Пугачев для казака был очень умен и даровит, умнее и даровитее, конечно, чем все те старые политики-рутинеры, которые сияются остановить движение, приданное мировой политике потоком идей» (стр. 356).³

¹ Пушкин, стр. 101.

² «Pugatschef hatte für einen Kosaken viel Verstand, und vielleicht mehr, als jener leichtfertige Franzose, der sein Virgil werden wollte».

³ «Pugatschef avoit pour un cosaque beaucoup d'esprit et de génie, il en avoit plus sans doute, que tous ces vieux politiques routiniers, qui prétendent arrêter aujourd'hui l'impulsion que le torrent des opinions donne impérieusement à la politique du monde».

Но в других случаях и француз поддался литературным реминисценциям: «Redivivus et ultor», отсутствующий в немецком тексте, оказался введенным во французский его перевод так же, как и упоминание о службе Пугачева в прусской королевской армии (стр. 257, 299).

Следует, однако, отдать справедливость переводчику, что, приспособляя немецкий текст к условиям места и времени, он довольно бережно отнесся к содержащемуся в статье фактическому материалу. В порядке «смягчения», выпал только один существенный факт — разгром Троицко-Саткинского завода.

Факты пострадали по другой причине: переводчик владел немецким языком далеко не в совершенстве, а русского языка и совсем не знал, как не знал и русской истории. Многого в немецком тексте он не понял и допустил при переводе ряд ошибок, иногда очень грубых.

Вот примеры:

«Он отступил поэтому, — говорит про Пугачева автор, — в городок Берду, находящийся в семи верстах, т. е. на расстоянии одной немецкой мили от Оренбурга, и удовольствовался тем, что обложил крепость небольшими отрядами» (стр. 15).¹ Все это изложено и верно и ясно: нет никаких сомнений, что речь идет о начале осады Оренбурга. Переводчику это совсем не ясно. Он излагает это так:

«Подступив к городку Берде, он обложил его разными отрядами своего войска» (стр. 284).² Вместо Оренбурга, осажденной оказывается Берда.

---

¹ «Er zog sich daher nach dem Städtchen Berda, sieben Werste oder eine deutsche Meile von Orenburg, und begnügte sich die Festung durch kleine Haufen einzuschliessen».

² «S'étant avancé sur la petite ville de Berda, il la fit bloquer par divers détachemens de sa troupe».

Автор говорит: «Он благополучно переправился через реку, так как неприятель был еще далеко». (стр. 36).¹ Во французском переводе читаем: «Ему посчастливилось переправиться через реку, несмотря на соседство неприятеля» (стр. 335).² Смысл немецкого текста искажен совершенно.

В немецкой статье сказано: «Дворян убивали их подданные, а начальников — их подчиненные» (стр. 41).³ Француз переводит это так: «Крестьяне зарезали всех дворян, народ и чиновников» (стр. 346).⁴ Получается полнейшая бессмыслица.

Русские полки, двинутые против Пугачева из Польши (стр. 18—19), оказываются во французском переводе польскими полками (стр. 294). Немецкое слово «Prahmen» — паромы (стр. 16) переводчик принял за название деревни или города (стр. 285), и проч., и проч.

О собственных именах говорить не приходится: французский переводчик искажил их чудовищно. На его беду прописная готическая буква «К» была у Бюшинга очень похожа на букву «R». В результате Рычков оказался Кичковым, Рассынная крепость Касипной крепостью, а Кичуй переименован в Рицкой. Вместо Гагриня читаем Сагарин, вместо Сарапула — Жавапуль, а название Верхне-Озерной крепости переводчик принял за фамилию ее коменданта: — «le brigadier Verchnaja-Osernaja» — бригадир Вершнажа-Озернажа (стр. 291).

¹ «Er setzte glücklich über den Fluss, weil der Feind noch weit entfernt war».

² «Il eut le bonheur de passer la rivière malgré le voisinage de l'ennemi».

³ «Der Adel ward von seinen Unterthanen, und die Vorgesetzten wurden von ihren Untergebenen umgebracht».

⁴ «Les paysans égorgèrent tous les nobles, le peuple et les magistrats».

На особенностях немецкого оригинала данной статьи и французского ее переложения пришлось остановиться так подробно оттого, что перед нами материал, оказавший Пушкину весьма существенную помощь. Несмотря на все изъяны французского перевода, Пушкин, как увидим, сумел извлечь из него все сколько-нибудь ценное.

Когда Пушкин, полемизируя в 1836 г. с Броневским, говорил о том, как трудно давалось ему «изложение военных действий», — он имел в виду главным образом, вероятно, свою работу над VI главой «Истории Пугачева».

Эта глава повествует о начале летней кампании 1774 г. и охватывает трехмесячный, примерно, период: с 1 апреля до начала июля. Трудность темы заключалась в том, что к началу этого периода силы обоих противников, под влиянием разных причин, распылились так, что стали почти неосвязаемы. Народная армия после Татищевского, Сакмарского и Быковского поражений перестала на время существовать: весь апрель и первые числа мая ушли на очень сложный процесс ее восстановления. Полной картины этого интереснейшего процесса не дано еще никем из историков до сегодняшнего дня. В свою очередь правительственные войска, лишившись со смертью Бибикова единого руководства, разбились на бесчисленные мелкие «деташементы», которые разбрелись в разные стороны и в условиях весенней распутицы и «генерального бунта» очень скоро утратили всякую связь и со своим командованием и между собой. Словом сказать, то, что происходило на этом обширном театре гражданской войны в первой половине данного периода, почти не поддается изображению на географической карте.

Затем картина меняется. Процесс восстановления народной армии подходит к концу. Вновь собранные революционные отряды, прорываясь сквозь «башкирские

Уралы», подтягиваются к Пугачеву, который под влиянием нового своего советчика Белобородова предпринимает движение на северо-запад, к горно-заводским центрам. Разъединенные царские detaшменты скованы страхом. За всех действует один Михельсон. Начинается его знаменитая погоня за Пугачевым — неутомимая, но безуспешная.

Основными источниками наших теперешних сведений обо всем этом являются прежде всего показания самого Пугачева, затем рапорты Михельсона. Их приходится, конечно, проверять при помощи других источников, таких, как остатки архива Пугачевской военной коллегии, как показания Белобородова, Салавата, Перфильева и др., как рапорты Щербатова, Голицына и т. д. Но эти последние документы имеют только подсобное значение. По ним одним, без показаний Пугачева, без рапортов Михельсона, нет возможности составить себе правильное представление о всех происходивших в то время событиях.

Каким же из этих документов располагал Пушкин?

Их можно в полном смысле слова пересчитать по пальцам. Мы помним, что показания Пугачева, как и допросы его сподвижников, как и архив Пугачевской коллегии, были Пушкину недоступны. Мы помним также, что рапортов Михельсона за это время он тоже не получил, за исключением только четырех, наименее значительных. Кроме них в его руках были только: один рапорт застрявшего под Оренбургом Голицына, один рапорт недвижимого Фреймана, два рапорта почти не причастного к делу казанского губернатора Брандта и шесть рапортов так называемого главнокомандующего Щербатова: три за апрель, два — за май и ни одного за июнь; шестой представлял собой запоздалое «оправдание» уже уволенного от службы князя, который сам очень плохо знал, что

делалось у него на местах.¹ Итого — 14 документов второстепенного и третьестепенного значения.

Пушкин, обезоруженный «охранительной» политикой николаевских архивов, приступая к VI главе своей «Истории», был вынужден обратиться к известному нам французскому переводу немецкой статьи о Пугачеве. О трудах Пугачевской военной коллегии здесь, конечно, не говорилось, но зато весь невероятно извилистый майско-июньский маршрут Михельсона был, как на ладони, восстановленный шаг за шагом по его собственным, не всегда скромным, но всегда обстоятельным донесениям.

Количественные результаты знакомства Пушкина с этой статьей поддаются в данном случае, т. е. в пределах VI главы, вполне точному арифметическому подсчету: из 258 строк 136 обязаны своим происхождением исключительно этой статье.² Это — без малого 53%. Это — стержень всей главы.

Однако это случай — единственный в своем роде. При работе над другими главами Пушкин черпал материал из этой статьи в несравненно меньшем количестве. Если здесь этот материал преобладает, то там он теряется в множестве данных, заимствованных из других мест. Но нет ни одной главы, где бы не содержалось хоть чего-нибудь, восходящего к этому источнику, напечатанному на немецком языке, дошедшему до Пушкина во французском переводе, в основе же своей, как

---

¹ Пушкиным сделаны выписки из следующих рапортов: Михельсона — от 22, 23, 27 мая и 3 июня (*Ibid.*, стр. 652), Голицына — от 17 (?) апреля (стр. 654), Фреймана — от 4 июня (стр. 653), Брандта — от 13 и 27 июня (стр. 656, 663), Щербатова — от 13, 18, 23 апреля, 11, 20 мая и от августа (стр. 646, 648, 650, 654, 717).

² Стр. 55, строки 15—17, 24—35; стр. 56, строки 1—20; стр. 57, строки 19—40; стр. 58 вся, стр. 59, строки 1—37; стр. 60, строки 7—10.

нами уже выяснено, — русскому и притом бесспорно доброкачественному.

Вот краткий перечень тех отрывков, где сказалось знакомство Пушкина с данной статьей:

Глава I — Концовка (стр. 12, строки 13—14).

Глава II — Первый приступ Пугачева к Яицкому городку (стр. 16, строки 7—9, 11—12, 21, 30—31; стр. 17, строка 10). — Плен Харловой (стр. 19, строки 25—27; стр. 100, строки 30—44; стр. 101, строки 1—6). — Взятие Пречистенской крепости (стр. 21, строки 24—26).

Глава III — Поход генерала Кара (стр. 28, строка 28; стр. 29, строка 5, 11—14; стр. 30, строка 14; стр. 31, строки 32—34). — Московские настроения (стр. 33, строки 4—6).

Глава IV — Действия Чики под Уфой (стр. 34, строки 14—17). — Положение осажденного Оренбурга (стр. 37, строка 39). — Трудности зимней кампании (стр. 40, строка 1). — Настроение Екатерины (стр. 40, строки 31—32). — Наружность Пугачева (стр. 41, строки 17—18).

Глава V — Начало Татищевского сражения (стр. 47, строки 32—38; стр. 111, строки 26—38). — Оренбург, освобожденный от осады (стр. 49, строки 1—3). — Михельсон под Уфой (стр. 50, строки 3—34, 36—38). — Итоги деятельности Бибикина и его смерть (стр. 54, строки 8—12).

Глава VI — См. выше, стр. 119, прим. 2.

Глава VII — Михельсон под Казанью (стр. 64, строки 8—40; стр. 65 вся; стр. 66, строки 1—5). — Встреча Пугачева с женой (стр. 66, строки 31—35).

Глава VIII — Первые действия Пугачева на правом берегу Волги (стр. 68, строки 11, 30—34). — Начальники царских отрядов не знают, где искать Пугачева (стр. 70, строка 40). — Волжские колонисты и волжские казаки присоединяются к Пугачеву (стр. 74, строки 6—8, 10—12). — Действия Пугачева под Дмитриевском, на Пролейке, под Царицыным и у Насоновского яра (стр. 74, строки 32—40; стр. 75, строки 1—11, 17—37). — Донесение Панина о Насоновской победе (стр. 75, строки 37—38, стр. 76, строки 1—2). — Настроение казаков перед выдачей Пугачева (стр. 76, строки 27—30). — Их объяснение с Пугачевым (стр. 77, строки 3—5).

Форма использования занимающей нас статьи во всех этих, очень многочисленных случаях чрезвычайно разнообразна.

Есть эпизоды, относительно которых Пушкин не располагал никакими другими сведениями, кроме того, что прочитал в данной статье. Таково, например, взятие пугачевцами Пречистенской крепости.

Автор статьи сообщает о судьбе оставшихся в этой крепости офицеров следующее: «Эти забыли свой долг из любви к жизни, присягнули мятежнику и были назначены командирами в его войсках» (стр. 13).¹ Французский переводчик освещает это происшествие иначе: Пугачев «впервые отступился от той суровости, какую проявлял до тех пор; и оттого ли, что у него было какое-либо твердое основание поверить в их искренность, оттого ли, что они не происходили из тех знатных родов, чью спесь он хотел утопить в крови их отпрысков, он даровал им жизнь и назначил даже командирами в своей армии» (стр. 277).² Пушкин передает это в восьми словах: «И в первый раз оказал позорную милость офицерам» (стр. 21).

По поводу этих восьми слов один из самых придирчивых хулителей Пушкина, профессор Н. Н. Фирсов, написал следующее: «Крепость Пречистенская несомненно была занята мятежниками, хотя об этом молчат

---

¹ «Diese vergassen aus Liebe zum Leben ihre Pflicht, huldigten dem Auführer, und wurden von ihm alle drey zu Befehlshaber bey seinen Truppen ernannt».

² «Se relâcha pour la première fois de la rigueur qu'il avoit exercée jusqu'alors; et soit qu'il eut quelque forte raison de croire à leur sincérité, soit qu'il ne fussent point issus de ces grandes familles dont il vouloit noyer l'orgueil dans le sang de leurs membres, il leur laissa la vie, et leur donna même des commandemens dans son armée».

и Пугачев в своих показаниях, и новейший исследователь его авантюры. Об этом есть глухое упоминание в летописи Рычкова, но в Пречистенской крепости, повидимому, не было оказано „позорной милости“ офицерам по той простой причине, что в момент прибытия сюда пугачевского отряда офицеров в ней не было. Рычков сообщает, что имеющейся в Пречистенской крепости команде заранее было определено идти в Оренбург».¹

Под «новейшим исследователем» проф. Н. Н. Фирсов разумеет академика Н. Ф. Дубровина, чья монография явилась для Фирсова почти единственным источником сведений о том, что он называет «авантюрой» Пугачева.

Однако о занятии пугачевцами Пречистенской крепости Дубровин совсем не «молчит», а говорит всеми словами (т. II, стр. 81). Фирсов этого не заметил. Летопись Рычкова содержит не одно, а два отнюдь не «глухих» упоминания о том же событии (Пушкин, стр. 227 и 322). Фирсов и их не прочитал, как следует. О том, что пречистенскому гарнизону было приказано идти в Оренбург, Пушкин прекрасно знал и притом не только из летописи Рычкова, но также и из официального первоисточника — из «экстракта» Рейнсдорпа (Пушкин, стр. 516). Но Фирсов, как мы уже говорили, не удосужился заняться исследованными Пушкиным первоисточниками.

Что же касается сообщения Пушкина о судьбе захваченных в крепости офицеров, то оно, вопреки утверждению Фирсова, вполне соответствует действительности: когда 3 октября 1773 г. отряд пугачевцев под командой Творогова занял Пречистенскую крепость, там оказалось два офицера и сержант; их не казнили, а взяли в плен; офицеры

---

¹ Сочинения Пушкина. Издание Академии Наук, т. XI, П., 1914, стр. 111—112 второй пагинации.

(Астренев и Попов) стали затем в народной армии атаманам, а сержант (Плешивцев) был оставлен в крепости «у приходу и расходу казенного провианту».

Мы видим таким образом, с одной стороны, что развязность дореволюционных «критиков» Пушкина-историка далеко превосходила их осведомленность, а с другой стороны, что осведомленность автора напечатанной Бюшингом статьи была весьма основательна. Для того, чтобы добыть такие абсолютно точные данные об участии пречистенских офицеров, нужно было внимательно изучить документы Оренбургской секретной комиссии, слить опытным глазом показания разных лиц¹ и на их основе построить вывод.

Это лишний раз убеждает в том, что автором статьи не мог быть армейский офицер из отряда Михельсона. Как попали бы ему в руки такие секретнейшие архивные документы? А если бы и попали, то откуда взялась бы у него такая сноровка в обращении с подобными документами?

Из этой же переводной статьи заимствован Пушкиным и другой эпизод: встреча Пугачева с первой женой в Казани.

Рассказ автора немецкой статьи подтверждается в этой своей части показаниями Творогова, Баннова и самого Пугачева,² но Пушкин этих показаний не знал. Слова

---

¹ Показание М. А. Шванвича (сборник: «Пугачевщина», изд. Централрхива, т. III, М.—Л., 1931, стр. 213) и нигде еще не опубликованные и никем не цитированные показания сержанта С. М. Плешивцева от 27 марта и 12 мая 1774 г. (ЦГАДА, Секретные дела тайной экспедиции, вязка 369, дело 4). Этих последних показаний Дубровин, повидимому, не читал; оставили их почему-то без внимания и редакторы сборника «Пугачевщина».

² Сборник «Пугачевщина», изд. Централрхива, т. II, М.—Л., 1929, стр. 149 и 168; «Чтения...», 1858, кн. II, стр. 34.

Пугачева, сказанные, будто бы, при этой встрече, автор нашей статьи передает так: «Оденьте эту женщину в хорошее платье. Я знал ее мужа, и он оказал мне разные услуги» (стр. 42).¹ Француз переводит по обыкновению не совсем точно: «Пусть позаботятся об этой женщине, я знал ее мужа, он оказал мне важные услуги» (стр. 345).² У Пушкина Пугачев выражается короче: «Я ее знаю; муж ее оказал мне великую услугу» (стр. 66).

Из той же статьи, и только оттуда, заимствованы Пушкиным данные о волжских колонистах³ и волжских казаках, перешедших к Пугачеву, о начале Татищевского сражения, о приближении Михельсона к Казани, о «радостном» донесении Панина и мн. др.

Сведения о том, что «Пугачев был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III», Пушкин почерпнул, вероятно, отсюда же, хотя о том же говорили и другие знакомые Пушкину иностранные авторы и, в частности, Кастера.⁴ Любопытно, однак,

¹ «Kleidet dieses Weib gut. Ich habe ihren Mann gekannt, und er hat mir verschiedene gute Dienste geleistet».

² «Qu'on prenne soin de cette femme, j'ai connu son mari, il m'a rendu des services importants».

³ Любопытные подробности по этому предмету Пушкин мог бы найти в записках Державина. Но, как известно, наследники Державина не сочли удобным знакомить Пушкина с этими записками (Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, стр. 118).

⁴ Пушкин, стр. 371 (в «Замечаниях о бунте»); Histoire de la révolte..., pp. 256—257; J. Castéra. Histoire de Catherine II Impératrice de Russie. Paris, an VIII, t. II, pp. 298—301. В немецком тексте «Histoire» этих сведений нет. Французский переводчик заимствовал их, вероятно, у Кастера (из предыдущих изданий его книги), а Кастера в свою очередь почерпнул эти данные, должно быть, из книги Кокса (William Coxе. Travel into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Interspersed with historical relations and political inquires. London, 1784, vol. II, book V, pp. 64—65) или из книги

что все они считают Пугачева шестым Лжепетром, в то время как Пушкин называет его пятым. Это расхождение объясняется, должно быть, тем, что иностранцы включают в этот счет и так называемого Степана Малого (он же Стефано Пикколо), действовавшего в Черногории, тогда как Пушкин учитывает, вероятно, только русских самозванцев, появившихся в России.

В других случаях Пушкин пользуется разбираемой нами статьей, чтобы добавить лишнюю подробность к тому, что в основном почерпнуто из иного источника.

Так, в руках у Пушкина было письмо Бибикова к Захару Чернышеву, где речь шла о трудностях зимней кампании: «Но собрать войска, — писал Бибиков, — запастись не только провиантом и фуражом, но и дровами, проходить в настоящее время степные и пустые места с корпусом, — суть наиглавнейшие трудности».¹ Переводчик разбираемой статьи, говоря о том же, пишет: «К тому же

Шантро (*Voyage philosophique, politique et littéraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789. Traduit du Hollandais, avec une augmentation considérable par le citoyen Chantreau. Paris, t. I, 1794, pp. 134—136*). Книга Кокса была, видимо, неизвестна Пушкину: в ней содержатся интересные подробности о попытках, которым хотели подвергнуть Пугачева (стр. 68); если бы Пушкин это знал, он не умолчал бы, надо думать, об этом в своей «Истории». Что же касается Шантро, который является, кстати сказать, не переводчиком (как он себя обозначил), а автором вышеупомянутой книги (ср. *Quérard. La France littéraire, t. II. Paris, 1828, p. 128; Бильбасов, op. cit., т. XII, ч. 1, стр. 513*), то он повторял лишь то, что было известно Пушкину из других источников, ввиду чего чтение его книги не могло оставить заметных следов. — Толковый рассказ о Лжепетрах содержится в книге: *Alphonse B. Le Faux Dauphin actuellement en France ou Histoire d'un imposteur, se disant le dernier fils de Louis XVI. Paris. An XI (1803), t. I, pp. 51—56* (эта книга указана мне Б. В. Томашевским), но читал ли ее Пушкин, неизвестно.

¹ Пушкин, стр. 199.

морозы в этом году были необычайные, и огромные равнины, по которым приходилось продвигаться этим войскам, были покрыты таким глубоким снегом, что каждый шаг требовал тяжелых усилий» (стр. 300).¹ И так, к морозам и недостатку провианта и фуража, — на что жалуется Бибиков, — здесь добавлено еще одно важное препятствие: глубокий снег, затруднявший передвижения.

Это сообщение кажется Пушкину сомнительным. Он обращается за справкой к «Топографии» Рычкова и находит там указание, что «снеги около Уральских гор, а особливо в Уфимской и Исетской провинциях, бывают глубокие, так что в некоторых местах случается иногда глубина аршина в 3 и больше». ² Пушкин очеркивает эти слова карандашом и уже со спокойной душой сводит те и другие показания в такой, как всегда, предельно сжатый текст: «Зима усугубила затруднения. Степи покрыты были глубоким снегом. Невозможно было двинуться вперед, не запасшись не только хлебом, но и дровами» (стр. 39—40). И дает к этим словам примечание: «Снег в Оренбургской губернии выпадает иногда на три аршина» (стр. 107, прим. 8).

Выше уже цитированы слова французского переводчика о тревожном настроении Екатерины, скрытом под личиной наигранного презрения к «маркизу» Пугачеву.³ Картина характерного для Екатерины притворства была набросана правдиво, и Пушкин это оценил. Но в условиях николаевской цензуры невозможно было показать эту картину русскому читателю в столь обнаженном

---

¹ «D'ailleurs le froid fut extraordinaire cette année, et les plaines immenses que ces troupes furent obligées de traverser, étoient couvertes d'une neige si épaisse, que chaque pas exigeoit un travail pénible».

² П. И. Рычков. Топография Оренбургская то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762, ч. 1, стр. 202.

³ См. выше, стр. 46.

виде. Пушкин нашел выход: он пишет: «В самом деле, положение дел было ужасно», и приводит затем целый ряд фактов, свидетельствующих о полном внутреннем развале екатерининской империи: «Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко». Дальше, непосредственно вслед за описанием «сего ужасного смятения», неожиданно приводится выдержка из письма Екатерины к Вольтеру с беззаботными, якобы, шуточками по адресу «маркиза Пугачева». Эта цитата в таком контексте звучит резким диссонансом. А затем все кончается словами: «Несмотря на свое презрение к разбойнику, императрица не упускала ни одного средства образумить ослепленную чернь» (стр. 39—40).

Цензурные приличия соблюдены, но читателю совершенно ясно, как невеселы были шуточки и как дешево стоило показное презрение.

Замечательно при этом еще и другое: что у француза не идет дальше довольно бесцветной риторики, то у Пушкина вырастает в образцовую страницу чеканной исторической прозы.

За неимением других источников Пушкину приходилось переводить в некоторых случаях целые отрывки разбираемого нами французского текста. Слово «перевод» тут, впрочем, неуместно. Пушкин не переводил и не пересказывал, а поистине преображал чужой текст. Самый заурядный и зачастую пошлый журнально-публицистический лепет обращался под пером Пушкина в подлинное произведение искусства: каждое слово оказывалось выбито так, как выбивают бронзовую медаль или золотую монету, а сочетания слов приобретали крепость камня. Пушкин возводил переводимый текст до уровня своего собственного исторического текста. А достоинства последнего с удивительной зоркостью подмечены еще Белинским, который был совершенно прав, когда говорил,

что «История Пугачева» написана «на меди и мраморе».¹

Художественное преобразование иноязычного текста достигалось при этом не путем обогащения его цветистыми эпитетами, сравнениями, метафорами и т. п., а наоборот, путем отбрасывания всего того, что Пушкин презрительно называл «красивыми выражениями», — путем отыскания предельно сжатых, предельно простых и предельно точных словесных формулировок.

Случаи такой сублимации переводного текста многочисленны и заслуживают внимательного изучения.

Француз пишет, например, так:

«Михельсон счел необходимым дать строгий урок. Он объяснил разбитому взводу, что славную смерть следовало предпочесть постыдной жизни; и чтобы наказать его за трусость, он приказал сорвать с мундиров всех солдат, входивших в его состав, пуговицы, отвороты и обшлага, объявив им, что он вернет их им только после того, как они смоят это пятно каким-нибудь важным подвигом. Эти его действия возымели успех, и в следующем бою этот взвод проявил чудеса храбрости и был восстановлен в правах» (стр. 325).²

У Пушкина это занимает втрое меньше места: «На другой день отдал он в приказе строгий выговор роте, потерявшей свои пушки, и отнял у нее пуговицы и обшлага,

¹ В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Л., 1927, стр. 610.

² «Michelson crut nécessaire, de faire un exemple de sévérité. Il représenta au peloton vaincu, qu'il auroit du préférer une mort glorieuse à une vie honteuse; et pour le punir de sa lâcheté, il fit arracher à tous les hommes, qui le composaient, les boutons, les revers et les paremens de leur uniforme, leur déclarant qu'il ne les leur rendroit que lorsqu'ils auroient effacé cette tache par quelque action courageuse. Cette opération fit effet, et à l'action suivante, ce peloton fit des prodiges de valeur, et fut réhabilité».

в Первом - при Ма-
левском мур по во-
звращению Машинца
25го он посылает
свои материалы по
всему в том числе
вспомогательные ма-
териалы.

Пугачев также
на буржуйскую мифологию
был запрограммирован.
Машинца не только
обманывали, а также
протекли материалы
Кольца. Пугачев также
попытки на Машинца
сделать, отсюда же
общую историю про-
тестов. Пугачев и
Курчавкин Керасов
вспомогательные материалы
Керасов отсюда.

Рукопись «Истории Пугачева». Вариант VIII главы: описание боя
у Насоновского яра.

lib.pushkinskiijdom.ru
(Из собрания Института литературы Академии Наук СССР).

до выслуги. Рота не замедлила заглазить свое бесчестие» (стр. 58).

В смысле редакторского мастерства Пушкина еще разительнее другой случай. Переходя от обзора допугачевских волнений на Яике к рассказу о вооруженном выступлении Пугачева, француз заканчивает вводную часть статьи словами: «Все умы были возбуждены; жили только мыслями о мщении; думали только о том, как бы вернуть былую независимость: недоставало лишь смелого предводителя, который стал бы во главе этого воинственного народа» (стр. 261).¹ Подобным же образом заканчивает первую главу и Пушкин: «Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался» (стр. 12).

Этот пример замечателен. Здесь все, как будто, одинаково или схоже: те же факты, та же мысль, тот же литературный прием. Но при всем том перед нами, с одной стороны, — образчик довольно пресной декламации, а с другой стороны, — высокое художество. И притом такое, в котором всякий с первого же взгляда без колебаний узнает Пушкина. Никто другой не сумел бы отточить такое восьмисловие.

Обстоятельства, при которых произошло первое вооруженное выступление Пугачева, и события следующих сентябрьских дней 1773 г. были известны Пушкину достаточно хорошо. Тут он не мог пожаловаться на скудность или противоречивость материала. В его руках были:

- 1) рапорт Рейнсдорпа от 25 сентября 1773 г.;
- 2) экстракт Оренбургской губернаторской канцелярии;

---

¹ «Tous les esprits étoient échauffés; on ne respiroit que vengeance; on ne songeoit qu'aux moyens de reprendre l'ancienne indépendance; il ne manquoit qu'un chef hardi pour diriger ce peuple belliqueux».

- 3) летопись Рычкова, которая опиралась в этой своей части на показания очевидца, майора Наумова;
- 4) воспоминания священника Осипова;
- 5) воспоминания священника Полянского;
- 6) показания казаков Лепилина и Ливкина;
- 7) историческая часть сентенции от 10 января 1775 г.

Все эти разнообразные источники — одни более пространно, другие более сжато — повторяли в сущности одно и то же, расходясь только в цифрах, определяющих численный состав вооруженных сил противников. Пушкину представлялся наименее удобный случай проверить правдивость разбираемой нами статьи под перекрестным огнем семи других источников. Она выдерживала даже и такое испытание: в этой ее части не было ни ошибок (если не считать тех же цифр), ни сколько-нибудь существенных пропусков.

Но, с другой стороны, в ней не было и ничего нового, ничего такого, чего не содержалось бы в остальных семи источниках. Именно эта часть статьи, при всех ее достоинствах, была менее всего нужна Пушкину.

Однако он не отбросил ее и здесь. Знакомый нам переводный французский текст оставался у Пушкина и здесь перед глазами.

Убедиться в этом нетрудно. Вот начальные слова соответствующих отрывков:

«Подполковник Симонов выслал против него пять тысяч казаков, подкрепленных сильным отрядом других войск» (стр. 264).¹ У Пушкина: «Симонов выслал противу Пугачева пятьсот казаков, подкрепленных пехотою, и с двумя пушками» (стр. 16).

---

¹ «Le lieutenant-colonel Simonof fit avancer contre lui cinq mille cosaques avec un fort détachement d'autres troupes».

Следующий абзац: «На другой день он снова спустился к городу» (стр. 265).¹ Пушкин: «На другой день Пугачев приблизился к городу» (стр. 16).

Еще один абзац: «Спустя несколько дней Пугачев оказался во главе полутора тысяч людей. С этим войском он двинулся на Илецкий городок» (стр. 257).² Пушкин: «С шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачев пошел прямо к Илецкому городку...» (стр. 16).

Дальше: «Тем временем повсеместно распространился слух, будто император, которого считали умершим, вдруг объявился...» (стр. 266).³ Пушкин: «Слух о самозванце быстро распространялся...» (стр. 17).

Таким образом в ряде последовательных отрывков совпадают начальные слова. Внутри этих отрывков таких совпадений почти не оказывается. Не встречается тут также и заимствования из французского текста каких-либо фактов. Тут все дело сводится только к тому, что Пушкин как бы расставляет те же, что и у француза, композиционные вехи, или, точнее пожалуй, межевые столбы, которыми словно пытается отмерить место, отводимое в «Истории» под тот или иной эпизод.

Словесные совпадения тут, может быть, и не преднамеренны, однако они, помимо воли Пушкина, вскрывают еще одну форму его общения с разбираемой нами статьей.

Это всего лишь предположение. Настаивать на нем нельзя. Но иначе как же все-таки объяснить, что это

---

¹ «Le lendemain il s'approcha de nouveau de la ville».

² «Dans l'espace de quelques jours, Pougatschef se vit à la tête de quinze cents hommes. Avec cette troupe, il marcha sur la petite ville d'Iletzka».

³ «Cependant le bruit se répandit de tous côtés, que l'empereur que l'on avoit cru mort, avoit paru tout à coup...».

общение состоялось там, где по существу дела (в отличие от VI главы) необходимости в нем не было, и что оно дало при этом такие странные, чисто внешние как будто результаты?

Перед всяким историком, как перед всяким картографом, когда он приступает к работе, возникает прежде всего вопрос: какой избрать масштаб? Для картографа это задача несложная: к его услугам теория пропорций. Историк лишен подобного пособия. Вопрос о том, до каких пределов сжимать изложение, какие подробности включать в текст, какие отбрасывать, — этот вопрос историку приходится разрешать опытным путем. Пушкин, выступавший в роли историка впервые, изведal, повидимому, всю трудность этого пути.

Сохранились, как известно, отрывки первоначальных набросков «Истории Пугачева». Они местами сильно отличаются от той окончательной белой редакции, которая была представлена Николаю I. Однако это отличие носит скорее количественный, чем качественный характер: начальный текст богаче подробностями. При дальнейшей работе Пушкин выкидывал эти подробности, видимо не потому, что считал их неверными, или сомнительными, или опасными в цензурном отношении, а исключительно, как будто, потому, что признавал их мало существенными, лишними.

В том тексте «Истории Пугачева», какой готов был к маю 1833 г., Гоголь находил «интересу пропасть».¹ Но Пушкина не удовлетворял этот текст. Почему не удовлетворял, мы не знаем, однако, судя по черновым наброскам, можем догадываться, что все дело было именно в поисках нужного масштаба, который к этому времени, к маю, был еще не найден.

---

¹ Письмо Гоголя к Погодину от 8 мая 1833 г.

«Я должен был поступать с тем большей осмотрительностью, — вспоминал впоследствии Пушкин, — что в изложении военных действий (предмете для меня совершенно новым) не имел я тут никакого руководства».¹

Пушкинская «История» занимает (без примечаний) четыре с половиною печатных листа. «Histoire de la révolte de Pugatschef» в полтора раза короче — в ней около трех листов с небольшим. Эта разница объясняется конечно не тем, что Пушкин был более многословен, чем автор статьи или француз-переводчик (мы имели уже случаи убедиться в обратном), и не тем, что он вдавался в большие против них подробности, а только тем, что исторический сюжет охвачен Пушкиным шире. В переводной статье нет, например, географических данных об Яике, нет истории яицкого казачества, нет рассказа о побеге калмыков, лишь вскользь упоминается о вооруженном восстании 1771—1772 гг., почти ни слова не говорится об осаде пугачевцами Яицкого ретраншемента, и т. д.

Таким образом, план Пушкина не похож на план автора немецкой статьи,² и отдельные слагаемые этого плана уравновешены у них по-разному, но степень сжатости изложения в общем почти одна и та же.

Вот в этом-то отношении занимающая нас статья и оказывала Пушкину по временам полезные, видимо, услуги: она помогала ему в отдельных случаях находить

¹ Пушкин, стр. 389.

² Никак нельзя согласиться с утверждением А. И. Чхеидзе, будто «Пушкин строит свою Историю по плану Histoire» (op. cit., стр. 282). Одно дело — план исторического сочинения, другое дело — хронологическая последовательность излагаемых в этом сочинении событий. А. И. Чхеидзе смешивает эти два понятия. Хронологическая последовательность событий и у Пушкина и у автора «Histoire» передана верно и потому одинаково, но план изложения у них различный.

правильный количественный критерий для отбора излагаемых фактов. Оттого и обращался он к этой статье даже тогда, когда при наличии других, более ценных источников, она была ему, казалось бы, и не нужна. Такой образ действий Пушкина нельзя не признать благоразумным, если вспомнить, что разбираемая статья была написана, как уже говорилось выше, — каким-то отечественным весьма опытным историком-профессионалом, — может быть, Миллером.

Остается отметить те немногие случаи, когда разбираемый источник не помог Пушкину, а наоборот, оказался вреден.

По вопросу о взятии Пугачевым Дмитриевска, о сражении на р. Пролейке, о событиях в Дубовке и под Царицыным Пушкину удалось добыть в архиве лишь очень скудные, отрывочные и сбивчивые сведения.¹ Датировать по ним эти события было невозможно.

Не давал этих дат и автор немецкой статьи, располагавший в данном случае тоже недостаточными, а частично и неверными сведениями. Так, командиром отряда,

---

¹ О взятии Пугачевым Дмитриевска Пушкин знал только из рапорта Воронежского губернатора Шетнева от 20 августа 1774 г. (Пушкин, стр. 672), о сражении на р. Пролейке — из рапорта Цыплетева Чернышеву от 17 августа, да еще из какого-то документа, бегло им законспектированного (стр. 672 и 784), о сражении под Царицыным — из рапорта Цыплетева Потапову от 26 августа и из летописи Рычкова (стр. 673 и 352), о сражении у Насоновского яра — из того же рапорта Цыплетева, из рапортов: Сулина от 25 августа и Кречетникова от 10 сентября, да из летописи Рычкова (стр. 673, 716, 718 и 352). Эти документы исходят в большинстве случаев от лиц, не принимавших прямого участия в данных событиях, а потому и значение их невелико. Что же касается таких основных источников, как, например, рапорт Цыплетева Екатерине от 25 августа, рапорт Михельсона Панину от 29 августа и рапорт Дундукова Цыплетеву от 15 августа (Труды Я. К. Г р о т а, т. IV, СПб., 1901, стр. 572, 576, 579), то Пушкину они были недоступны.

выступившего против Пугачева, он, вместо Дундукова, назвал Дица, а в качестве одного из участников боя на Пролейке упомянул Дербетева, которого в действительности к этому времени не было уже и в живых.¹ Но автор статьи пояснил все же, что встреча этого отряда с Пугачевым произошла близ Балыклейской станицы (стр. 44). Если бы это географическое название сохранилось во французском переводе, оно помогло бы Пушкину установить хотя бы место сражения. Однако слово «Balikleysche» оказалось не по силам переводчику, и он его попросту пропустил (стр. 350). Кроме того, он не понимал значения немецких глаголов: «rücken» и «sich wenden».² Слова автора: «Pugatschef rückte nach Dubowka»³ и «worauf er sich nach Dubowka wandte»⁴ он в обоих случаях перевел неправильно: «Pugatschef se rendit à Dubouka»⁵. И вышло так, будто Пугачев дважды вступал в эту «Дюбуку», — в первый раз до сражения на Пролейке и вторично после этого сражения.

Путаница получилась полнейшая. Она ввела в заблуждение и Пушкина, который привык доверять этой статье и не располагал в данном случае материалами, достаточными для ее проверки. Описание боя на Пролейке (стр. 74, строки 32—40) оказалось в силу этого одним из самых слабых мест в «Истории Пугачева». «В этом описании, — заявлял впоследствии военный историк Анучин, — все перепутано: место и время сражения, состав отряда и ход дела».⁶

¹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. V, СПб., 1869, стр. 105.

² Перевод: «наступать» и «направляться».

³ Перевод: «Пугачев предпринял наступление на Дубовку».

⁴ Перевод: «после чего он направился в Дубовку».

⁵ Перевод: «Пугачев прибыл в Дубовку».

⁶ Д. А н у ч и н. Граф Панин, усмиритель Пугачевщины. «Русский вестник», 1869, апрель, стр. 640.

Двумя строками далее Пушкин сообщает, что 21 августа Пугачев подступил к Царицыну, но был отбит. Это верно. «На другой день, — продолжает Пушкин, — Пугачев подступил к городу со стороны Волги, и был опять отбит Бошняком» (стр. 75). Это неверно: Пугачев штурмовал Царицын только один раз, а на другой день не подступал к нему. Не совсем понятно, кроме того, как можно подступить «со стороны Волги к городу, который расположен на самом ее берегу. Откуда же взялась такая странная ошибка?

Автор немецкой статьи в ней не повинен. Впадая в грубоватую шутовщину, он пишет так: «Der beschlossene zweyte Sturm ward den Aufrührern zu Wasser, weil der immer thätige und unermüdete Obrist Michelson bereits in der Nähe war, und ihnen Beschäftigungen von ganz anderer Art gab» (стр. 45). В буквальном переводе это означает следующее: «Намеченный мятежниками вторичный штурм не состоялся, так как полковник Михельсон, всегда деятельный и неутомимый, был уже поблизости и вынуждал их заняться совсем иного рода делом». Французский переводчик не мог оценить немецкой шуточки: ему было неизвестно, что немецкое выражение, довольно, правда, вульгарное: «ward zu Wasser»¹ — означает «не состоялся» (нечто вроде нашего «пошел прахом»). Он перевел это место так: «Le second assaut des rebelles eut lieu du coté de l'eau, parceque le colonel Michelson, toujours infatigable...» и т. п. — остальное верно (стр. 352).²

Вот этой-то ошибкой переводчика и объясняется упоминание Пушкина о втором штурме Царицына «со стороны Волги».

¹ Буквально: «канул в воду».

² Перевод: «Второй штурм мятежников произошел со стороны воды, так как полковник Михельсон, всегда неутомимый...».

Этот случай показывает достаточно наглядно, что Пушкин пользовался только французским текстом, а немецкого не видел.¹

Одной из причин последнего поражения Пугачева (у Насоновского яра) была неудачно выбранная позиция. Она расположена была по краю одной из тех огромных обрывистых, иногда непроходимых водороев, которыми так причудливо изрезан нагорный берег Волги. Михельсон в своей реляции называет ее «великим буераком»,² Пугачев — «большой и глубокой рывтиной, которая от самой Волги продолжалась в степь верст на десять».³ Михельсон рассказывает, что он ночью, пользуясь осенней темнотой, обогнул этот длинный овраг, отделявший его от Пугачева, и на рассвете оказался лицом к лицу с неприятелем. Пугачев объясняет дело иначе, но и по его словам овраг сыграл решающую роль.⁴

¹ Обсуждая вопрос о том, почему Пушкин не воспользовался сообщением автора немецкой статьи о бездеятельности генерала Багратиона, который, находясь со своим отрядом недалеко от Царицына, не помог осажденному там гарнизону, А. И. Чхеидзе предполагает, что Пушкин умолчал об этом «то ли потому, что это не соответствовало действительности, или потому, что не хотел компрометировать прославленного героя» (op. cit, стр. 237). Ни та, ни другая догадка не верна. Сообщение о пассивности Багратиона вполне соответствовало действительности, о чем Пушкин знал из ряда других источников (см. Пушкин, стр. 671—673 и особенно 782). Эпитет «прославленный герой» неприложим к такому довольно заурядному генералу, как князь Иван Вахуштович Багратион. Не смешала ли его А. И. Чхеидзе с действительно знаменитым его сыном, князем Петром Ивановичем? Но ведь тому в момент царицынской операции Пугачева было всего девять лет от роду.

² Рапорт Михельсона от 29 августа 1774 г. (Труды Я. К. Грота, т. IV, СПб., 1901, стр. 576).

³ Записки П. С. Рунича, «Русская старина», 1870, кн. 10, стр. 355.

⁴ Пугачев, — как утверждает Рунич, — высказывался так: «Но если бы Чумаков расположил лагерь за рывтиною, то утер бы я нос у этого немца», т. е. у Михельсона (ibid., стр. 354).

«Великий буерак» Михельсона обратился почему-то у его панегириста в «zwey starke Hohlwege»¹ (стр. 47), а у француза-переводчика в «deux chemins-creux très profonds» (стр. 354), но автор статьи поместил Пугачева за ними, а француз, — неизвестно по каким причинам, — между ними (немецкий предлог «hinter»² он перевел «entre»³). Пушкин не читал ни реляции Михельсона, ни объяснений Пугачева. Ему пришлось удовольствоваться французским текстом, который, однако, на этот раз вызвал в нем, видимо, некоторое недоверие. Малоупотребительное слово «chemins-creux» могло быть понято по-разному. Француз писал: «Pugatschef s'étoit campé entre deux chemins-creux très profonds» (стр. 354).⁴ У Пушкина читаем: «Пугачев стоял на высоте между двумя дорогами» (стр. 75).

От «великого буерака», решившего судьбу Пугачева, не осталось и следа. После троекратного перевода этого словосочетания с языка на язык «большая и глубокая рытвина» как бы изгладилась. Картина сражения оказалась искажена. Это вовлекло Пушкина в неблагодарную полемику с Броневским,⁵ и дало повод Анучину написать целое исследование, тоже полемическое.⁶

Рукопись «Истории Пугачева» хранит чрезвычайно интересные следы сомнений, какие были у Пушкина при обработке этой фразы. Был момент, когда он, преодолев,

¹ «Два глубоких оврага» или «две дороги, пролегающие в глубоких оврагах» (то же и по-французски).

² Перевод: «за».

³ Перевод: «между».

⁴ Перевод: «Пугачев расположился лагерем между двумя очень глубокими оврагами» или «между двумя дорогами, пролегающими в очень глубоких оврагах».

⁵ Пушкин, стр. 387—388.

⁶ Д. Анучин. Граф Панин, усмиритель Пугачевщины, стр. 652—656.

так сказать, и автора статьи и переводчика, почти угадал, что писал Михельсон в своей неизвестной Пушкину реляции: в рукописи, вместо слов «Пугачев стоял на высоте», читаем: «Пугачев стоял на буераке».¹

Этим и исчерпываются те случаи, когда французский текст статьи не помог, а помешал Пушкину.

Заканчивая на этом обзор работы Пушкина над данной статьей, мы должны признать, что, напав на первоклассный материал, так удачно восполнявший скудость доступных Пушкину архивных источников, Пушкин сумел образцово извлечь из этого материала все ценное.

Но необходимо тут же отметить, что Пушкин никогда не поддавался влиянию этого материала и не упускал случая отнестись к нему критически. Он с ним боролся. Фантастика, вроде прусской службы Пугачева или *Redivivus*'а отбрасывалась без всяких колебаний; цифрам, с которыми и автор статьи и переводчик обращались довольно бесцеремонно, Пушкин не верил; на его рассказе об оренбургской осаде ни в какой мере не отразились те неточные сведения о ней, какие встречались во французском тексте. Можно было бы привести еще целый ряд случаев, когда критическое чутье Пушкина (именно чутье, так как документального материала для критики у него зачастую не было) спасало его от повто-

---

¹ Пушкин, стр. 433. Выражение «chemins-croix» встречается в той же статье и при описании боя под Казанью (стр. 343). У Пушкина ему соответствует в этом же приблизительно месте слово «буерак» (стр. 62). О том, как понимал Пушкин значение этого слова, см. ниже, стр. 179; оно встречалось Пушкину в следующих русских источниках «Истории Пугачева»: в летописи Рычкова (стр. 229 и 297), в письме Платона Любарского (стр. 363), в воспоминаниях Полянского (стр. 596) и в рапорте Валленстиерна от 6 февраля 1774 г. (стр. 712—713).

рения ошибок автора или переводчика разбираемой статьи.

Книги «Histoire de Pierre III», где напечатана была «Histoire de la révolte de Pugatschef», у Пушкина в библиотеке не было. Чьим экземпляром он пользовался, не известно. Можно не сомневаться, что этот экземпляр носил на себе явные и, вероятно, очень интересные следы продолжительной и упорной работы над ним Пушкина.

III

СБОРНИК ШЕРЕРА

В 1792 г. в Лондоне вышел анонимный шеститомный сборник, озаглавленный так: «Anecdotes et Recueil de coutumes et de traits d'histoire naturelle particuliers aux différens peuples de la Russie, par un voyageur qui a séjourné treize ans dans cet Empire».¹

---

¹ Перевод: «Анекдоты и Сборник обычаев и естественно-исторических черт, свойственных различным народам России, составленные путешественником, прожившим тринадцать лет в сей империи». Первоначально сборник был озаглавлен иначе, а именно: «Anecdotes intéressantes et secrètes de la Cour de Russie, tirées de ses archives, avec quelques anecdotes particulières aux différens peuples de cet Empire, publiées par un voyageur qui a séjourné treize ans en Russie». Под этим названием сборник и вышел в свет, с пометкой: «A Londres, et à Paris, chez Buisson, Libraire, rue Hautefeuille, n° 20, 1792». Впоследствии в какой-то части тиража той же книги титульный лист был вырван и вместо него вклеен другой с тем измененным названием, которое приведено выше, в основном тексте, и с лаконичной пометкой: «A Londres 1792». В таком виде приобрел книгу Пушкин. В справочнике Барбье указано еще и третье название той же книги (A. A. Barbier. Dictionnaire des ouvrages anonymes, t. I, Par'is. 1872, p. 185). См. также: Бильбасов, *op. cit.*, т. XII, ч. 1, стр. 465 и 511). Таким образом замена одного титульного листа другим производилась не один раз. Это объяснялось, вероятно, тем, что издание расхищалось медленно.

В следующем году, при переводе части этих «анекдотов» на немецкий язык, открылось имя их собирателя. Под маской «путешественника, прожившего тринадцать лет в России», таился эльзасец Иоганн-Бенедикт Шерер (Schérer).

Это был очень темный литературный делец. Он в самом деле жил некоторое время в России, служа консулентом в Юстиц-коллегии и завязав вместе с тем какие-то совсем ясные отношения с членами Академии Наук. Отношения эти кончились тем, что, уезжая за границу, он обобрал русских академиков. Он увез с собой чужие научные рукописи, которые принялся потом выпускать в свет, выдавая за свои. Его не раз изобличали. Он отвечал на это непристойными выходками по адресу обличителей и продолжал делать свое прибыльное дело.¹

Выпущенный в Лондоне шеститомник представлял собою совершенно бессистемное собрание всякого рода известий о русских и о России, известий необыкновенно пестрых и по содержанию и в смысле ценности.

В третьем томе этого сборника десять страничек малого формата посвящены Пугачеву. У Пушкина в библиотеке был этот том. Он его разрезал, но ничего в нем не отметил. Ничего не извлек он отсюда и для своей «Истории».²

Эти десять страничек нельзя тем не менее обойти молчанием, потому что иностранные историки, трудами

---

¹ П. Пекарский. История Академии Наук в Петербурге, т. 1. СПб., 1870, стр. 588, 606, 610—612, 633, 634.

² Относительно казни Пугачева Шерер говорит так: «L'impératrice lui fit grâce du crime de lèse majesté, et voulut adoucir la rigueur de son supplice, en lui épargnant l'écartèlement. Seulement sa tête, ses mains et ses pieds furent coupés et exposés» (т. III, р. 196). («Императрица простила ему оскорбление величества и пожелала смягчить суровость казни, избавив его от четвертования. Отрубили ему только голову, кисти рук и стопы, которые и выставили напоказ»). Эти данные заимствованы Шерером, очевидно, из официальной немецкой брошюры «Zuverlässige Nachricht von der Verrätherey

которых пользовался Пушкин, отнеслись к рассказам Шерера не так пренебрежительно, как он.

Иностранцев в пугачевские времена чрезвычайно занимала деятельность Бибикова, памятного им по его пребыванию в Польше. Он очень скоро стал предметом газетных и дипломатических сплетен, в огромном большинстве случаев совершенно вздорных. Еще в начале марта 1774 г. заграничные газеты передали слух, что бибиковские войска разбежались и что его самого постигла какая-то «позорная участь», а в начале апреля, недели за две до его смерти, было сообщено, будто он убит в бою. Когда же он действительно умер, дипломаты пустили молву, что его отравили.¹

Шерер высказался на этот счет неопределенно. Он написал, что через несколько дней после Татищевского

---

und den Verwüstungen des Jemelka Pugatschew, nebst einer Beschreibung seiner Hinrichtung». Schwabach, 1775, S. 17. У Пушкина читаем: «Палач имел тайное повеление сократить мучения преступников» (стр. 80). Ни в русской до-пушкинской литературе, ни в архивных документах, известных Пушкину, ничего об этом не говорилось. Таким образом, это утверждение Пушкина покоилось либо на устном предании, либо, вернее, на свидетельстве иностранных писателей. В последнем случае источником его сведений явилось, надо думать, скорее исследование Кастера (op. cit., т. II, стр. 338—339), чем сомнительная компиляция Шерера. — Вопрос о «тайном повелении» имеет свою литературу: см. Записки Болотова. СПб., 1873, т. III, стр. 190—191; «Сборник Русского исторического общества», т. XXVII, стр. 32; А. Чулошников. Казнь Пугачева и его сообщников 10 января 1775 г. «Русское прошлое», 1923, № 3. В этой последней статье опубликованы очень интересные документы, но рассуждения автора мало убедительны. Иностранная литература им не учтена. В «Русской истории» Левека (M. Levesque. Histoire de Russie, t. VI. Yverdon, 1783), где Пугачеву посвящены всего две странички, сказано, что он был колесован (стр. 29).

¹ «Gazette d'Utrecht» от 1 марта 1774 г. (корресп. из Кёльна); «Courier du Bas-Rhin» от 6 апреля 1774 г. (корресп. из Варшавы).

сражения Бибииков «погиб плачевным образом» (т. III, стр. 192).¹ Мы увидим, как перетолкованы были впоследствии эти туманные слова.

В газетах мелькнуло когда-то глухое и неверное известие, будто казанский губернатор Брандт был разбит в бою с Пугачевым.² В памяти Шерера осело от этого нечто. Это нечто было воскрешено затем, восемнадцать лет спустя, при деятельном участии воображения; он сообщил своим читателям гораздо более эффектное известие: председатель Казанской секретной комиссии Павел Потемкин арестовал Брандта, связал его и отправил в таком виде в Петербург, где обиженный губернатор умер с горя (стр. 194).

Чтобы дать полное представление о том, как невежествен и лжив был Шерер, достаточно сказать, что Суворова, вчерашнего измаильского победителя, он называл Самаровым (стр. 196),³ что пугачевское движение он относил к 1772 г. (стр. 190) и что, по его вполне достоверным сведениям, Пугачев появлялся одно время при дворе и был «почтен дружбой» Григория Орлова, которого очень забавляло, как Пугачев на маскарадах отплясывает казачка. Шерер утверждал, что видел это собственными глазами (стр. 190—191). И ему, как мы убедимся, поверили.

---

¹ «Périt misérablement».

² «Gazette d'Utrecht» от 11 января 1774 г. (корресп. из Варшавы); «Courier du Bas-Rhin» от 15 янв. 1774 г. (корр. из Польши).

³ В упомянутой выше немецкой брошюре «Zuverlässige Nachricht...», выпущенной в Швабах, он назван Самаровым (стр. 9). Искажение фамилии Суворова вошло у французов в традицию. даже в новейших изданиях словаря Ларусса он именуется Суваровым.

такъ распространились, что преграждали
 все сношеніе Тобольской Губерніи съ
Оренбургомъ, и даже съ самою Казанью
 и со столицами. — Пугачевъ видя ежед-
 невно возрастающія свои силы скопляю-
 щимися къ нему со всѣхъ сторонъ много-
 численными шолпами разной сволочи, и
 немаловажнымъ числомъ бѣглыхъ и захва-
 ченныхъ вооруженныхъ солдатъ, полу-
 чивъ значное число оружія и артил-
 леріи какъ изъ разграбленныхъ имъ крѣ-
 постей, такъ и опшнятыхъ у разби-
 вшихъ имъ или предавшихся ему воен-
 ныхъ отрядовъ, умноживъ сіе число
 орудій вылитыми по приказанію его на
 занятыхъ имъ заводахъ, разнаго калибра
 пушками, велѣлъ бить монету съ имен-
 немъ Императора Петра III, присылалъ
 повсюду Манифесны, жаловалъ чина-
 ми и орденами, раздавалъ разныя ми-
 лости, и требовалъ непрекословнаго и
 усерднаго повиновенія, обѣщая щедрыя
 награды, на противъ же угрожалъ спро-
 жайшими наказаніями за малѣйшее со-
 прошивленіе и ослушаніе, и произво-

съ надписью Королю изъ Ультон
Горы въ Терранд. буду въ кр. не и
мѣнѣ брѣвѣнѣмъ въ крѣпѣ дѣвѣ и въ крѣпѣ
мѣстѣмъ въ крѣпѣмъ мѣстѣмъ

Пометы Пушкина в книге «Записки о жизни и службѣ
 А. И. Бибикова».

(Из собрания Института литературѣ Академіи Наукъ СССР).

IV

КНИГА ТАННЕНБЕРГА

Хронологический порядок требует теперь краткого упоминания о книге Танненберга, вышедшей в Лейпциге в 1797 г. Книга называлась «Leben Catharina II, Kaiserin und Selbstherrscherin aller Reussen etc. etc.».¹

Барон Георг фон-Танненберг (Georg Freiherr von Tan-nenberg) — фигура, лишенная всякого литературного, научного и политического значения. Ни в биографических словарях, ни в библиографических справочниках нет о нем упоминаний. Однако для своего времени это лицо довольно характерное.

Он служил офицером в русских войсках, видимо, в два приема, а в промежутке состоял камер-юнкером при одном из мельчайших немецких дворов. Эта последняя служба дарила его, вероятно, обильными досугами. Он воспользовался ими, чтобы заняться русской историей. Стремясь, повидимому, поскорее вернуться в Россию, где, по его признанию, он «был счастлив», он решил соорудить для этой цели нечто вроде литературного трамплина. Таким трамплином и должна была явиться разбираемая книга. Она имела задачей угодить Павлу I путем прямой лести

---

¹ Перевод: «Жизнь Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийской и проч. и проч.».

по его адресу и путем комплиментов по адресу его покойного отца, Петра III. То и другое было облечено в условную форму похвального слова только что умершей Екатерине.

Эта книга, по существу совершенно пустая, не могла пригодиться Пушкину в качестве источника. Она любопытна разве только как образец того, что принято называть «эзоповым языком». Неудобно было, например, говорить открыто, что Петра III сперва пытались опоить ядом, а потом придушили в драке. Но, чтобы как-нибудь все-таки это сказать, изобретательный придворный сочинитель сравнивает Петра III не более и не менее, как с Сократом, намекая, видимо, на цикуту, а затем добавляет, что бывший император расстался с жизнью после тяжелой борьбы (стр. 50). Была ли это нравственная борьба с самим собой, или же физическая борьба с убийцами, — предоставлялось решить читателю.

Танненберг задавался еще и другой, побочной целью: напомнить новому императору все о том же, недооцененном Екатериной Михельсоне. Для этого пришлось посвятить 7 страниц Пугачеву. Текст Танненберга пестрит здесь такими фразами:

Михельсон действовал против Пугачева по собственному плану, «который был доказательством великости его ума и любви к монархине» (стр. 96 русского перевода).

Или: «Среди густейшего мрака сражения свет сиял в его уме» (стр. 97), то есть в уме Михельсона.

Или: «Только провидение, пославшее Михельсона, могло укротить сию бурю» (стр. 98).

Тут уж можно не сомневаться, что за спиной автора этих строк стоял Михельсон, — вероятно, хороший знакомый предприимчивого барона, а может быть, и покровитель его.¹

¹ Фамилию «Михельсон» Танненберг пишет так: «Michelsonen». Это ставит под сомнение легенду о шведском происхождении Михельсона. Не были ли его предки выходцами из Финляндии?

Танненберг бесспорно читал «Анекдоты» Шерера: он повторяет вслед за Шерером, что казанского губернатора Брандта «заключили в оковы и содержали в Татарском замке» (стр. 96).

Пугачевские страницы книги Танненберга не заключали в себе никаких новых и ценных для Пушкина сведений, и он ничего отсюда не позаимствовал.

Пушкин читал эту книгу, вероятно, только по-русски. В его библиотеке был русский ее перевод — более чем «вольный»: он был выпущен в свет в 1804 г. в Петербурге.¹ Переводчик Тимковский перелицевал всю книгу сообразно вкусам александровского времени. Сравнение Петра III с Сократом было, конечно, выкинуто и заменено такими, не столько умными, сколько благонамеренными словами: «Он (Петр III) впал в болезнь, и по прошествии семи дней скончался, при всем старании, каковое Екатерина прилагала о сбережении его жизни» (стр. 30—31).

Импортированная в таком искаженном виде в русскую литературу, книга Танненберга не проникла в другие европейские литературы и не имела вообще никакого успеха.²

Другая участь ожидала ее сверстницу — книгу Кастера,

---

¹ Жизнь Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийской, описанная Бароном Танненбергом. Перевел с немецкого студент Иван Тимковский. СПб., 1804.

² Танненберг выпустил впоследствии (уже анонимно) еще две книги: «*Leben Paul des Ersten Kaisers und Selbstherrschers aller Reussen. Nebst einer authentischen Geschichte der Feldzüge der Russen in Italien, in der Helvetischen und Batavischen Republik gegen die Franzosen, und vieler bisher unbekannt gebliebener Anekdoten und Züge aus dem Leben dieses merkwürdigen Monarchen. Freimüthig geschrieben von einem russischen Officier. Frankfurt am Main. 1804*» и «*Bemerkungen über Russland, seine Bewohner und deren National-eigenheiten, gesammelt auf einer Reise. Fürth. 1805*».

V

КНИГА КАСТЕРА

Только в наши дни, и притом в недавние дни, установлено точно и окончательно, кто был Кастера. Эта заслуга принадлежит Б. В. Томашевскому. Он доказал, что автором столь известной в свое время «Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie»¹ является Жан-Анри Кастера (Jean-Henri Castéra), родившийся около 1755 г. и умерший в 1833 г. — поэт, усердный переводчик, а в революционные годы — французский коммерческий агент в Дании.² С таким утверждением мы встречались и ранее, например, у Керара в его «France littéraire» (t. II, p. 77) и в каталоге Парижской национальной библиотеки,³ но там это утверждение было ничем не обосновано, что давало повод другим библиографам, даже таким сведущим, как Барбье и как Бильбасов, высказывать иные, ошибочные предположения. Барбье в своем «Dictionnaire des ouvrages anonymes»⁴ назвал автором этой книги плодovitую романистку

¹ Перевод: «История Екатерины II, императрицы российской».

² Сведения о Кастера даны Б. В. Томашевским в «Справочнике по Пушкину», который готовится к печати.

³ Catalogue Général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale, t. XXXV. Paris, 1905, p. 904. Однако ни здесь, ни у Керара не указана дата смерти Кастера, установленная Б. В. Томашевским.

⁴ Т. IV, Paris, 1877, p. 966.

начала XIX в. Дезире де-Кастера, не написавшую ни одного исторического сочинения,¹ а Бильбасов приписал историю екатерининского царствования человеку, который умер ровно за десять лет до начала этого царствования.²

Нам в данном случае важно запомнить только то обстоятельство, что автор этой истории, вопреки мнению Бильбасова, не был тайным агентом Людовика XV в Петербурге и, повидимому, вообще не бывал в России.

Эта книга вышла первым изданием в 1797 г., под названием «*Vie de Catherine II*», а затем, после значительной переработки, была выпущена в 1800 г. уже под новым названием.

Она имела успех огромный, в полном смысле мировой. Не говоря о французских переизданиях и перелицовках, выпущенных в Париже и в Варшаве, — она была переведена на языки немецкий, английский, голландский, шведский, датский и даже турецкий. В одной Англии она выдержала на протяжении трех лет шесть изданий.

Этот успех объяснялся разными причинами и прежде всего, конечно, тем, что автор чрезвычайно удачно выбрал

---

¹ Quérard, *op. cit.*, t. II, pp. 76—77.

² Бильбасов, *op. cit.*, т. XII, ч. 2, стр. 60—61. Ссылаясь на цитированный выше труд Бутарика, Бильбасов утверждает, будто Кастера, автор «Истории Екатерины II», был «одним из тех дипломатических агентов Людовика XV, услугами которых французский король пользовался помимо своего министерства иностранных дел», будто этот Кастера долго жил в Польше и будто он бывал в Петербурге. Но у Бутарика говорится лишь о том, что, судя по записям в так называемой «красной книге», какому-то Кастера была выдана 9 ноября 1750 г. из секретного фонда некоторая сумма денег на чрезвычайные расходы в Варшаве (т. I, стр. 254). Совершенно бесспорно, что речь идет в данном случае о Луи-Адриене Дюперрон де-Кастера, который родился в 1705 г., был французским резидентом в Варшаве и умер 28 августа 1752 г. (*Nouvelle Biographie Générale*, t. 15. Paris, 1858, pp. 239—290).

момент для выпуска как первого, так и следующего, переработанного издания: интерес к России, немного остывший в последние годы жизни Екатерины, дал после ее смерти новую вспышку и обострился до крайности после всполошившего весь мир суворовского похода в Италию.

Второй причиной успеха было обилие подробностей об интимной жизни Екатерины. Такими разоблачениями занимались в то время многие иностранные писатели, но Кастера сумел выделиться из их среды своей деловитостью: он почти не перевирал имен, ловко оперировал цифрами денежных подарков фаворитам, и т. д.

Третьей и главной причиной выпавшего на долю Кастера успеха было то, что книга его была первой попыткой дать научную биографию Екатерины на основании французских архивных материалов, очень обильных и никем до Кастера не изученных.

Другой вопрос, какие это были материалы и как они ими пользовался.

В интересующей нас части его работы источниками были главным образом, видимо, донесения французских резидентов при русском дворе, в частности Дюрана. Попутно Кастера привлекает и литературу, в том числе и такую, как роман «Ложный Петр III» и как «Анекдоты» Шерера.

Донесения Дюрана о пугачевском движении, к сожалению, еще не опубликованы и нам пока не доступны. Мы знаем только отзывы о них. Современник Дюрана и коллега его по дипломатическому корпусу, австрийский резидент в Петербурге Лобковиц писал своему министру Кауницу: «Дюран как в Константинополь, так и своему двору дает о мятеже ложные сообщения».¹ Так же атте-

---

¹ Письмо от 28 января 1774 г. (Сборник Русского исторического общества, т. СХХV, стр. 313).

стует Дюрана и Бильбасов, подробно изучивший в Парижском архиве его донесения.¹ Если мы вспомним еще при этом, что представляли собой роман «Ложный Петр III» и «Анекдоты» Шерера, — то нам станет более или менее ясно, каким материалом пользовался Кастера.²

Как же обращался он с этим материалом?

По верному замечанию Бильбасова, Кастера цитировал источники исправно, но относился к ним с «безграничным доверием».³

Мы помним, например, вздорные газетные сплетни о Бибикове и туманные слова Шерера о том, что Бибиков «*périt misérablement*»⁴ вскоре после Татищевского сражения. Кастера, присоединив к этому сведения, почерпнутые, очевидно, из донесений Дюрана, дает такую беспомощную сводку всех этих данных: «Уйдя от преследования князя Голицына (после Татищевского боя), Пугачев неожиданно повернул в сторону и напал на Бибикова, при котором оставалась только малая часть его войска. Сражение было кровопролитное. Толковали, будто русский генерал лишился жизни в этом бою. Однако умер он на своей кровати, вскоре после этого. Семейство Бибикова до сих пор убеждено в том, что генерала отравили» (т. II, стр. 329). Так сказано во втором томе «Истории Екатерины», а в первом томе того же сочинения читаем, что Бибиков был убит при наступлении на Пугачева (т. I, стр. 315). Нам

¹ Бильбасов, *op. cit.*, т. XII, ч. 2, стр. 151.

² Следует, впрочем, отметить, что Кастера пользовался и такими, относительно доброкачественными источниками, как упомянутое выше «Путешествие» Кокса, как статистические добавления Тука к английскому переводу книги Кастера, как словесные сообщения Сегюра, Костюшки, Лагарпа и т. д. Надо полагать, что и в депешах Дюрана при всей их тенденциозности содержались не одни только небылицы.

³ Бильбасов, *op. cit.*, т. XII, ч. 2, стр. 62.

⁴ Перевод: «Погиб плачевным образом».

хорошо известно, что Бибииков не встречался с Пугачевым в бою и не мог встретиться, так как, находясь в глубоком тылу, не принимал непосредственного участия в боевых действиях.

Пушкин оставил без внимания всю эту бестолковую болтовню и признал достоверным только одно — наличие слухов об отравлении Бибиикова: «Молва приписала смерть его действию яда» (стр. 54).

Пресловутый «*Redivivus et ultor*» нашел себе место, разумеется, и у Кастера. Далее встречаем у него совершенно нелепые известия о том, будто Пугачев перед приступом к Яицкому городку напал на Иргизские раскольничьи селения и забрал там лошадей и оружие, что он время от времени надевал архиерейское облачение, что он благословлял народ, и т. д. (т. II, стр. 310, 316, 326). Все это взято целиком из упомянутого выше «Путешествия» Вильяма Кокса.¹ Таковы были те «исторические рассказы и политические справки» («*historical relations and political inquires*»), какими этот беззаботный английский турист решил украсить свои роскошно изданные путевые заметки.

Из другого, тоже знакомого нам источника заимствовал Кастера следующее сенсационное сообщение: Пугачев, — как уверяет Кастера, — долго состоял при фаворите Екатерины, Григории Орлове «и на общественных балах, какие давались при дворе, обратил на себя внимание тем, что очень ловко отплясывал казачка» (т. II, стр. 302—303).² Кастера ссылается при этом на рассказ очевидца. Мы знаем, кто этот очевидец. Это — Шерер. Но с нечистоплотным эльзасским литератором конкурирует здесь еще и резидент Людовика XV Дюран, который по долгу

¹ С о х е, *op. cit.*, v. II, b. V, pp. 62—64.

² «*Et s'étoit fait remarquer dans les bals publics que donnoit la cour, parce qu'il dansoit la danse des kosaques avec beaucoup d'adresse*».

дипломатической службы отыскивает в казачьей пляске затаенный политический смысл. Дело, оказывается, в том, что, по слухам, Пугачев был издавна предан Григорию Орлову. Орлов подготовил восстание. Орлов снабдил Пугачева оружием. И сделал это Орлов для того, чтобы Екатерине нужнее стала его помощь и чтобы тем самым принудить ее к замужеству (т. II, стр. 237).

Итак, вот к чему привели архивные изыскания Кастера. Такова концепция крестьянской войны, созданная совместными усилиями французского историка и французского дипломата: эта война, потрясавшая более года целую треть величайшего в мире государства, произошла, по их мнению, оттого, что Орлову захотелось жениться на Екатерине!

Понятно после этого, почему мировая известность книги Кастера не обольстила Пушкина. Как исторический источник она была отвергнута Пушкиным.

Он заимствовал отсюда лишь кое-какие, чисто анекдотические мелочи, часть которых попала даже не в «Историю Пугачева», а в «Замечания о бунте», поданные Николаю I.

Таков, например, довольно достоверный, кажется, рассказ о поединке Голицына с Шепелевым. Здесь у Пушкина нет расхождений с Кастера, однако то, в чем Кастера видит несомненные факты, Пушкин передает лишь в качестве слухов: «И заколол его, с к а з ы в а ю т, изменнически. Молва обвиняла Потемкина». — Слова Екатерины: «Как он хорош! Настоящая куколка», у Кастера отсутствуют. Они идут, очевидно, из другого источника, вероятно, словесного. Возможно, что Пушкин слышал это предание от Загряжской или, вернее, от старика Александра Голицына, известного мистика и друга Александра I.¹

¹ Пушкин, стр. 374; Castéra, op. cit., t. III, pp. 182—184. Ср.: Potemkin, der Taurier. Anekdoten zur Geschichte seines Lebens: und seiner Zeit. Aus einem Manuscript. «Minerva» 1798, № 1, ss. 40—

Из этой же, может быть, книги почерпнул Пушкин сведения о происхождении Орловых. Кастера пишет, что Григорий Орлов был «внук стрельца, который во время великих московских казней чуть было не сложил голову под топором Петра I, однако его хладнокровие заставило государя даровать ему помилование» (т. I. стр. 315).¹ В черновике «Замечаний о бунте» Пушкин повторяет это почти дословно, называя Орловых «потомками стрельца Адлера, пощажённого Петром Великим за его хладнокровие перед плахою» (стр. 479). Все это от начала до конца неверно: родоначальник Орловых уже в XVI в. писался Орловым. Дед их был не стрельцом, а стряпчим и умер в 1693 г., т. е. за пять лет до стрелецких казней, — отцу же их было ко времени этих казней всего 13 лет.²

В белой экземпляре «Замечаний о бунте», поданный Пушкиным Николаю I, отрывок об Орловых не вошел:

41; П. Ф. Карabanов. Фрейлины русского двора в XVIII и XIX столетиях. «Русская старина», 1871, кн. 10, стр. 390. Неудачная попытка опровергнуть это предание была предпринята неким Дмоховским, который действовал в этом случае по поручению наследников Шепелева. Вся аргументация Дмоховского сводилась к тому, что если бы Шепелев в самом деле совершил приписанное ему «изменническое» убийство, то Потемкин не выдал бы за него свою племянницу, а правительство не наградило бы Шепелева «первоклассным чином» («Русский архив», 1867, стр. 480). Любопытнее всего, что Я. К. Грот признал это своеобразное «опровержение» вполне убедительным (Труды Я. К. Грота, т. IV, стр. 458). На мысль о том, что Пушкин мог слышать об этом поединке от А. Н. Голицына, наводит «Старая записная книжка» П. А. Вяземского (Л., 1929, стр. 265): Вяземскому этот анекдот был рассказан А. Н. Голицыным (в 1841 году «по случаю дуэли Лермонтова»).

¹ «Petit fils d'un strelitz, qui, dans la grande exécution de Moscow, étoit au moment de voir tomber sa tête sous la hache de Pierre I, lorsque son sangfroid engagea ce prince à lui faire grâce».

² См. статью Б. Е. «Орлов» в Русском Биографическом словаре.

Пушкин убедился, вероятно, что Кастера и в этом случае далек от истины.¹

Кастера (вместе с Ферраном) явился для Пушкина источником сведений о том, будто пленный польский конфедерат Антоний Пулаский сражался одно время в рядах пугачевской армии. Если бы Пушкину дали возможность прочитать переписку Екатерины с Павлом Потемкиным, Пушкин убедился бы, что этот Пулаский при первых же слухах о приближении Пугачева к Казани действительно вызвался воевать, но только не за Пугачева, а против Пугачева. Находясь затем в отряде Михельсона, он «с отменным усердием показывал свою ревность». Иностранские газеты утверждали даже, правда без всяких оснований, будто окончательной победой над Пугачевым Михельсон обязан именно этому молодому польскому авантюристу.² Ложный слух о переходе Пулаского к Пуга-

---

¹ Однако ложное предание, сообщенное Кастера, было в ходу до конца XIX столетия (Д. А. Корсаков. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891, стр. 381; K. Waliszewski. Autour d'un trône. Paris, 1894, p. 77). Какие-то данные по этому предмету содержатся, повидимому, в анонимной брошюре «Remarques d'un voyageur allemand sur le manifeste du 17 Août 1764, Londres 1765», но мне не удалось отыскать это издание ни в одной из наших библиотек.

² Пушкин, стр. 68; Castéra, t. II, pp. 328—329. Ср. Письмо Екатерины к П. С. Потемкину от 23 июля 1774 г. «Русская старина», 1875, кн. 5, стр. 119; доклад П. С. Потемкина Екатерине от 7 августа 1774 г. Сборник Русского Исторического общества, т. XXVII, стр. 19—20; рапорт Михельсона Панину от 29 августа 1774 г. Труды Я. К. Грота, т. IV, стр. 578. Подтверждение тех же данных находим и в польских биографиях А. Пулаского (Kronika polskich rodów szlacheckich Podola, Wołynia i Ukrainy. Monografie i wzmianki przez Kazimierza Pułaskiego. T. I. W Brodach, 1911, ss. 168—175; S. Orgelebrand. Encyclopedia powszechna. Warszawa. 1902, t. XII, ss. 433—434). См. также «Courier du Bas-Rhin» от 14 сентября 1774 г. (корресп. из Гамбурга). — Возможно, что интерес к семье Пуласких возник

чеву шел, очевидно, все от того же Дюрана, который силился доказать, что Пугачев поддерживает связи с конфедератской Польшей.

Приведенные в «Истории Пугачева» подробности смерти академика Ловица (стр. 75) заимствованы тоже у Кастера (т. II, стр. 333). Вслед за Кастера их стали неизменно повторять все иностранные авторы, а к ним присоединился и сын Бибикова, он же биограф отца.¹ Кастера почерпнул эти данные из «Путешествия» Кокса (т. II, кн. V, стр. 67), а откуда взялись они у Кокса, сказать трудно.

Смерть академика Ловица вызвала на Западе большой шум, и притом не только газетный. Конференц-секретарь Академии Наук Эйлер был завален письмами на эту тему: Формей и Бюшинг из Берлина, Шлецер из Геттингена, Кельрейтер из Карлсруэ, Бернулли из Базеля, Геннерт из Утрехта запрашивали его о судьбе Ловица.²

Адъютант Иноходцев прислал в Академию подробный рапорт об обстоятельствах, при которых погиб Ловиц.³ В этом рапорте, еще не опубликованном, нет тех подробностей, о которых говорит Кокс. Академик М. И. Сухоминов, занимавшийся в свое время этим вопросом, счи-

---

у Пушкина в связи с чтением романа *Louvet de Couvray* «Les aventures galantes du chevalier de Faublas», где в качестве действующих лиц выступают Казимир Пулаский (старший брат Антония), его дочь Лодоиска и внучка Дорлиска, впоследствии жена Фобласа. По роману, полному забавнейших анахронизмов, Казимир Пулаский мечтает одно время соединиться с Пугачевым (т. I, стр. 140, по парижскому недатированному изданию конца XIX в.). О реальной судьбе дочери Казимира Пулаского, по мужу Колюбакиной, см. «Русский архив», 1874, кн. 2, стр. 957.

¹ Записки о жизни и службе А. И. Бибикова. СПб., 1817, стр. 285.

² Архив Академии Наук СССР, фонд 1, опись 3, № 62, письма №№ 29, 22, 27, 46, 75.

³ Там же, фонд 3, опись 27, № 10 и фонд 1, опись 2, 1775 г.

тает их сомнительными.¹ Единственное, косвенное и далеко не надежное их подтверждение находим в газете «*Berlinische Nachrichten von Staats- und Gelehrten Sachen*», № 18 за 1775 г.

Чтобы научный облик Кастера был ясен до конца, надо добавить, что ко времени выпуска расширенного издания его книги ему была отлично известна: «*Histoire de la révolte de Pugatschef*». Оценил ли он научные достоинства этой статьи, мы не знаем; несомненно, однако, одно: он ею не воспользовался. У него были личные счеты с Лаво, он укорял его в плагиате, и этого было достаточно, чтобы оставить без внимания материал первоклассной важности.

Эту погрешность исправил один из многочисленных переводчиков Кастера — англичанин Тук.

---

¹ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 3, СПб., 1876, стр. 195—196. Подробности об экспедиции Ловица см. В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. М.—Л., 1940, стр. 114.

VI КНИГА ТУКА

Книга «The life of Catharine II, Empress of Russia»,¹ выпущенная в 1800 г. в Дублине и носящая на титульном листе имя Вильяма Тука (William Tooke), представляет собою не оригинальное его сочинение, а перевод первого издания книги Кастера с добавлениями переводчика.² Английский биограф Тука утверждает, что эти добавления составляют более половины всей книги.³ Количественный их подсчет не так важен. Важно то, что

---

¹ Перевод: «Жизнь Екатерины II, императрицы российской».

² Сам Тук толкует дело иначе: свою книгу он нигде не называет переводом; в предисловии он указывает, что воспользовался материалами Кастера так же «свободно» («with the same freedom»), как и Кастера, по собственному его признанию, заимствовал многое из книги Тука (стр. iii). Он намекает в данном случае на следующие слова Кастера: «Наконец, одним из тех, кому я более всего обязан данными по статистике России, является английский переводчик первого издания моего труда» (т. I, стр. V). Первое издание книги Кастера вышло, как уже говорилось, в 1797 г. Первое издание перевода Тука вышло в 1798 г. Пушкин пользовался пятым изданием этого перевода («Пушкин и его современники», вып. 9—10, СПб., 1910, стр. 351). Оно вышло в 1800 г., очевидно, уже после выхода в свет расширенного издания книги Кастера, выпущенного в том же году.

³ Dictionary of National Biography, edited by Sidney Lee. Vol. LVII. London, 1899, p. 50.

в интересующей нас части книги эти добавления в огромном своем большинстве принадлежат не самому Туку, а заимствованы им из «Histoire de la révolte de Pugatschef», которую он добросовестно прочитал и по-французски и по-немецки. Важно также, что это именно всего только добавления — «additions».

«Histoire de la révolte de Pugatschef» давала Туку полную возможность выправить в этой части книгу Кастера. Тук этого не сделал. Все ошибки Кастера остались в полной неприкосновенности. Из хорошо известной нам французско-немецкой статьи Тук заимствовал только мало существенные, а иногда и сомнительные подробности.

Справедливость требует упомянуть, что некоторые добавления и мелкие поправки введены Туком и от себя. Но лучше бы он этого не делал.

Тук, англиканский пастор, прожил в России около 19 лет — с 1774 по 1792 г., когда, получив наследство от дяди, вернулся в Англию. Перед самым его отъездом Дашкова приказала включить его в число членов-корреспондентов Академии Наук.¹ Ранее он вступил в число членов Вольно-экономического общества.

Опираясь на свое долголетнее знакомство с Россией и на свои ученые звания, Тук к рассказу Кастера о Пугачеве добавил такие, например, подробности: что среди сторонников Пугачева было много оренбургских дворян (т. II, стр. 142), что наряжался Пугачев не в архиерейское, а в патриаршее облачение (т. II, стр. 141), и т. д.

У Кастера, в первом издании, было сказано, что некоторые называют Пугачева Емелькой, однако, судя по ма-

¹ «Прошу заготовить ему диплом, — писала Дашкова, — который я могу вручить ему сама, без голосования» (Протоколы заседаний Конференции Академии Наук с 1725 по 1803 год. Т. IV, СПб., 1911, стр. 306—307).

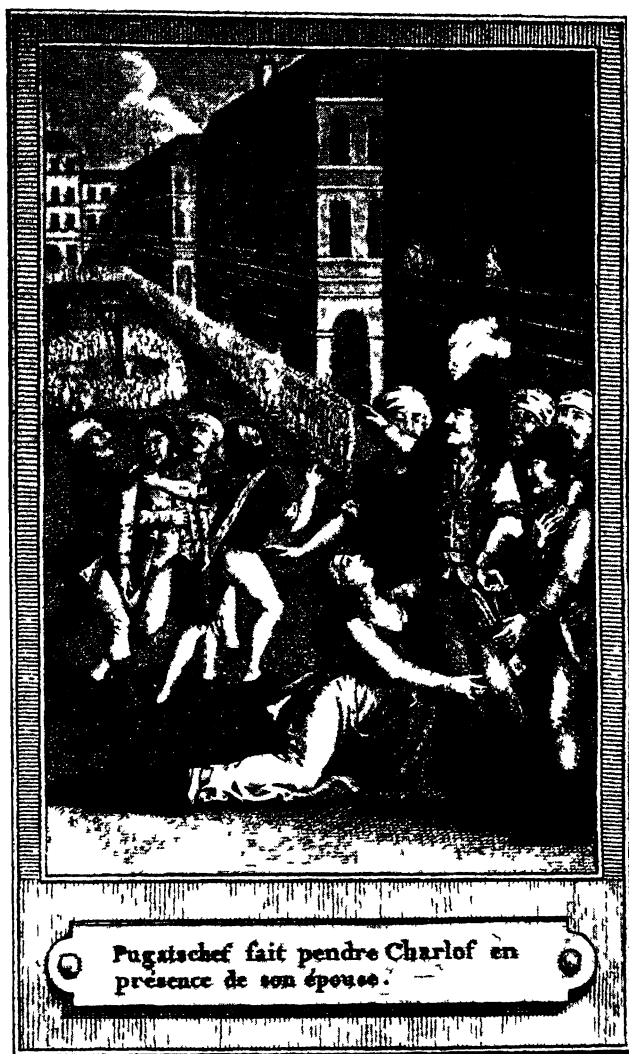
манифесту Екатерины, настоящее его имя не Емелька, а Икельман (т. II, стр. 84). Тут это подтвердил и, в качестве знатока русского языка, добавил, что Икельману (Ikhelman) надо отдать предпочтение не только перед Емелькой, но и перед Емельяном (т. II, стр. 140).

Любопытно сопоставить это со следующим заявлением Тука: «Благодаря долгому и приятному пребыванию в кругу этого народа,¹ автор, естественно, так освоился с собственными именами лиц и местностей, что научился передавать их английскими буквами со всей точностью, какую только допускает наш алфавит» (т. I, стр. IV).

Книгу Тука Пушкин, видимо, читал: она была у него в библиотеке, и в ней сохранились его закладки. Но воспользоваться здесь было нечем.

---

¹ Т. е. среди русских.

Пугачев и Харлова
Фантастическое изображение казни
коменданта Нижне-Озерной крепости, майора Харлова

(Из книги Лаво о Петре III)

VII

КНИГА БЕРГМАНА

В библиотеке Пушкина был только французский перевод книги Бергмана о калмыках.¹ Хотя в примечаниях к «Истории Пугачева» Пушкин цитирует название этой книги по-немецки, однако, судя по тому, как он его цитирует, можно полагать, что немецкого оригинала Пушкин не видел. В примечании 9 к гл. VIII «Истории Пугачева» значится так: «См. Benjamin Bergmann's nomadische Streifereien u. s. w.»² (стр. 146). Если мы обратимся к французскому переводу этой книги и заглянем в выноску на стр. V, где приводится немецкое ее название, то в словах, которые Пушкин заменил буквами «u. s. w.», мы обнаружим две опечатки: «unta» вместо «unter» и «inden» вместо «in den». Пушкин не решился, вероятно, выправить эти опечатки, не заглянув в немецкий подлинник, и выписал немецкое название книги сокращенно. В этой книге Пугачеву посвящено всего несколько строк.

---

¹ Voyage de Benjamin Bergmann chez les Kalmuks. Traduit de l'Allemand par M. Moris, Membre de la Société Asiatique. Chatillon sur Seine (Côte d'Or), 1825. Немецкий подлинник этой книги озаглавлен был так: Benjamin Bergmann's Nomadische Streifereien unter den Kalmuken in den Jahren 1302 und 1803. Riga. 1304. Bey C. J. G. Hartmann.

² Перевод: «Беньямина Бергмана кочевые блуждания и т. д.».

Бергман рассказывает, что в апреле 1801 г., будучи в Сарепте, или, точнее, в 7 верстах от Сарепты, он видел место, где когда-то был раскинут шатер Пугачева. Здесь, по словам Бергмана, Пугачев отдыхал три дня. «Про него и про двух прекрасных его спутниц (по-немецки „Begleitgerinen“, по-французски „compagnes“), — продолжает Бергман, — нам и теперь еще много рассказывал русский сторож при колоде, который был так хорошо обо всем осведомлен, что мы приняли его за одного из бывших приверженцев мятежников» (стр. 35 немецкого подлинника и стр. 3—4 французского перевода). Далее следует сообщение о том, что, по уверению этого сторожа, соратники Пугачева закопали под шатром денежный клад.

Переданный Бергманом рассказ очевидца показался Пушкину правдоподобным, но срок пребывания Пугачева в Сарепте Пушкин определил по-своему и притом совершенно верно, хоть архивных данных для этого не имел: «Пугачев отдыхал в Сарепте целые сутки, скрываясь в своем шатре с двумя наложницами» (стр. 75).¹

Бергман жил в России и состоял в русском подданстве. Его книгу о калмыках, написанную и напечатанную в России же, следует, конечно, причислить к русским, а не к иностранным источникам «Истории Пугачева».

---

¹ Тот же суточный срок указан и у Дубровина (ор. cit., т. III, стр. 249). Ср.: А. Леопольдов. О нашествии Пугачева на Саратовский край. «Прибавление к Саратовским губернским ведомостям», 1843, № 30, стр. 178, где автор утверждает, будто Пугачев провел в Сарепте двое суток. Пугачев ушел из-под Царицына 22 августа, а 24 августа вечером был уже у Насоновского яра. Если допустить, что он провел в Сарепте двое суток, то окажется, что в течение одного дня его войска совершили стопятиверстный переход. Это, разумеется, невозможно.

VIII

КНИГА ЛЕЗЮРА

Шарль-Луи Лезюр (Lesur), родившийся в 1770 г., в молодости поэт и драматург, затем дипломатический чиновник при Талейране, а впоследствии издатель исторического ежегодника, выпустил в 1814 г. в Париже «Историю казаков» — «Histoire des Cosaques, précédée d'une introduction ou coup d'oeil sur les peuples qui ont habité le pays des kosaques, avant l'invasion des tartares».¹

Те 35 страниц, которые уделены в этой книге Пугачеву, представляют собой ничем не замечательную компиляцию, или, вернее, пересказ соответствующих отрывков из книг Кастера, Кокса и Шантро, [чьего автор, впрочем, и не скрывает. Здесь опять и опять встречаем мы и мнимое нашествие Пугачева на Иргизские раскольничьи селения, и придуманный досужими иностранцами бой Бибикова с Пугачевым, и Redivivus'a, и архиерейское облачение, и Пулаского в чуждой ему роли пугачевца, и Ловица, повешенного «ближе к звездам», и проч. и проч. Пугачев выступает тут попрежнему в качестве заправского придворного плясуна, а Григорий Орлов — в качестве вдохновителя восстания (т. II, стр. 207—208, 212, 214, 218, 222, 227).

---

¹ Перевод: «История казаков, коей предпославо введение или беглый обзор народов, обитавших в стране казаков до татарского нашествия».

Эта книга была у Пушкина в библиотеке, но ничего нового о Пугачеве он из нее не извлек. Тем не менее, знакомство Пушкина с сочинением Лезюра прошло не совсем бесследно.

Лезюр завершает главу о Пугачеве такими словами: «Так окончился мятеж, который причинил за шестнадцать месяцев огромные убытки: сожжение нескольких городов, разрушение двухсот пятидесяти сел, от которых не осталось и следа, разграбление обширных провинций, избиение двух-трех тысяч человек, истребление многих дворянских родов, и который едва не лишил Екатерину II престола и жизни».¹

Отступая шаг за шагом в прошлое, мы найдем такую же приблизительно концовку у многих предшественников Лезюра: у Кастера (т. II, стр. 339); у Шантро (т. II, стр. 191); в «Histoire de la révolte de Pugatschef» (стр. 359) и, наконец, в ее немецком подлиннике (стр. 49). Но дальнейшее построение принадлежит уже Лезюру. Непосредственно вслед за этими словами он, как, впрочем, и Шантро (т. II, стр. 191), сообщает о переименовании Яика и Яидкого городка и кончает — совсем уж самостоятельно — так: «Однако это переименование, долженствовавшее вычеркнуть из летописи екатерининского царствования воспоминание о столь многих жестокостях, лишь увековечило, кажется, память о них» (т. II, стр. 233).²

---

¹ «Ainsi se termina une révolte qui, dans l'espace de seize mois avait causé des pertes immenses, l'incendie de plusieurs villes, la ruine, de deux cent cinquante bourgs, dont il ne resta plus de traces, le sacagement de vastes provinces, le massacre de deux à trois mille hommes, l'extinction de plusieurs familles nobles, et qui faillit ravir à Catherine II le trône et la vie» (стр. 222).

² «Mais ce changement, fait pour effacer des fastes du règne de Catherine II le souvenir de tant d'atrocités, semble en avoir perpétué la mémoire».

Текст Лезюра не заключал в себе и здесь ничего нового для Пушкина. Но случилось так, что собственные наблюдения и размышления Пушкина сошлись в данном случае с верными в этой части наблюдениями Лезюра, в чем никак нельзя видеть, однако, того, что принято называть «влиянием»: для того, чтобы Пушкин пришел к общему с Лезюром заключению, Лезюр был Пушкину вовсе, разумеется, не нужен.

Лезюр писал грамотно и гладко, но его изложение, — как видим, — лишено какого бы то ни было своеобразия и блеска: это — весьма посредственная, деловая проза, которая своей словесной тканью никак не могла прельстить Пушкина.

Думаю, что она произвела на Пушкина как раз обратное, так сказать, отталкивающее и, в этом смысле, очень активное, побуждающее к творчеству действие, чем и интересен данный литературный факт.

Пушкин не мог, как мне кажется, помириться с тем, что яркий исторический материал так потускнел под беспомощным пером заурядного французского журналиста. Мы как бы слышим укоризненные слова, обращенные Пушкиным к Лезюру: — Да, все это так или почти так, как вы думаете, но так ли надо говорить об этом? Смотрите: вот какой художественной плотью следует облечь тот исторический костяк, с которым вы не сумели справиться. — И Пушкин дает французу урок русского исторического стиля.¹

Вспомним эпилог «Истории Пугачева»: «Так кончился мятеж, начатый горстью непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства, и поколебав-

---

¹ Мне представляется, что на творческие импульсы подобного же свойства можно натолкнуться и при изучении поэтической практики Пушкина.

ший государство от Сибири и до Москвы, и от Кубани до Муромских лесов. Совершенное спокойствие долго еще не водворялось». Затем, после нескольких слов о деятельности Панина и Суворова идет известие об «общем прощении», о «вечном забвении» и о переименовании Яика, имевшем целью «истребить воспоминание об ужасной эпохе». А заключительные слова звучат так: «Но имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он „пугачевщиною“» (стр. 80—81).

Оценивая этот великолепный отрывок, нет нужды распространяться о словесном мастерстве Пушкина, ему одному свойственном и, как всегда, вполне самобытном.

Но необходимо отметить, что в схему Лезюра Пушкин вложил совсем иное, чем у Лезюра, несравненно более богатое и глубокое содержание, полное своих собственных наблюдений и мыслей, каких не найдем ни у какого иноземного сочинителя.

Пушкиным смело отброшено исчисление убытков, которому Лезюр, типичный представитель буржуазной идеологии уделил так много внимания.

Взамен этого Пушкин напомнил, кем начат был мятеж, ясно определил размах крестьянского движения, наглядно очертив границы охваченного им огромного пространства, и — что самое главное — чрезвычайно тонко оттенил, где и в каких социальных слоях особенно жива память о «кровавой поре».

На все это Пушкину хватило пятнадцати строк, причем и из этих строк немалая часть отошла под цензурные заграждения.

Пушкин прочитал всю книгу Лезюра, а не только эту главу.

Рассказывая о запорожцах, которым великий визирь посылал увещание вернуться под власть султана, Лезюр пишет: «Гетман Орлик, находившийся все еще в Бендерах, приложил к нему письма, которыми пытался понудить своих соотечественников к исполнению их обязательств»¹ (т. II, стр. 164).

У Пушкина в его ответе Броневскому читаем: «Изменник Орлик, сподвижник Мазепы, современник Некрасова, был тогда еще жив и приезжал из Бендер уговаривать старинных своих товарищей» (стр. 381).

---

¹ «L'heftman Orlik, qui restait toujours à Bender, y joignit des lettres par lesquelles il essayait de rappeler ses compatriotes à leurs engagements».

IX

КНИГА ФЕРРАНА

Работа Пушкина над книгой Феррана (Ferrand) о разделах Польши (Histoire des trois démembrements de la Pologne pour faire suite à l'Histoire de l'anarchie de Pologne, par Rulhière. Par l'auteur de l'Esprit de l'histoire et de la Théorie des révolutions. A Paris chez Déterville, libraire. 1820, tt. I—III)¹ может быть изучена не только по окончательным итогам этой работы. Сохранились обширные выписки Пушкина из этого сочинения.² Они дают некоторое представление о начальных и промежуточных стадиях занимающего нас исследовательского процесса. Чтобы правильнее оценить этот драгоценный материал, полезно вспомнить, кто такой был Ферран и что представляла собой его трехтомная монография.

---

¹ Перевод: «История трех разделов Польши, служащая продолжением „Истории польского безвластия“, сочиненной Рюльером. Составлена автором „Духа истории“ и „Теории революций“. В Париже, у книгопродавца Детервиля. 1820. Томы I—III».

² Пушкин, стр. 788—792. Выписки Пушкина не всегда безупречны в смысле точности, но разночтения ничтожны, а текст Феррана интересен нам в данном случае именно в том виде, в каком пользовался им Пушкин. Поэтому Ферран цитируется и дальше не по оригиналу, а по выпискам Пушкина, причем эти цитаты сопровождаются ссылками на страницы нового академического издания Пушкина, где впервые опубликованы эти выписки.

Граф Антуан-Франсуа-Клод де-Ферран (1751—1825) и Жан-Анри Кастера были почти ровесники. В зрелых уже годах встретили они революцию, пожилыми людьми вступили в наполеоновские годы и стариками переживали реставрацию. Но пути их были разные. Кастера принял революцию и служил молодой французской республике. Ферран с первых же дней революции заявил себя ее врагом, покинул родину и в кругу эмигрантов играл заметную роль. В годы реакции Кастера продолжал пользоваться уважением тех своих современников, которые умели сохранить независимость демократических мыслей. Ферран вместе с Шатобрианом и Ларошфуко в день вступления коалиционных войск в Париж ходатайствовал перед союзниками о восстановлении Бурбонов, через несколько дней получил в первом кабинете Людовика XVIII министерский портфель и кончил свой век в палате пэров, где неизменно голосовал за министерство. Король назначил его академиком.¹

Вот этому-то Феррану и поручено было дописать незавершенный труд Рюльера о разделах Польши.² И он надолго углубился в те самые архивные документы, в те самые донесения французских резидентов, которыми до него занимался, как мы помним, Кастера.

Ферран, подобно Кастера, приступил к этому делу без всякой теоретической подготовки. В России, как и Кастера, он никогда не бывал, совсем не знал ее, но крепко ее ненавидел. В Польше он тоже не бывал. По выражению Бильбасова, он «вовсе не владел исторической критикой и наивно доверял всякому вздору».³ Он был более

¹ Nouvelle Biographie Générale, t. 17. Paris, p. 493.

² Cl. C. de Ruhière. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette République, suivie des Anecdotes sur la Révolution de Russie en 1762. Paris, 1819.

³ Бильбасов, *op. cit.*, т. XII, ч. 2, стр. 151.

трудолюбив, чем умен, и располагал, видимо, бóльшим, чем Кастера, досугом для исторических занятий. Помимо Парижского архива, поставщиком материала служила для Феррана Лейденская газета, которая в свое время уделяла много места публикации разных документов, касающихся Польши, чем очень досаждала иной раз тогдашним польским правителям.

Сочинение Феррана, вышедшее в свет в 1820 г., представляло собой весьма объемистую, первую и потому полезную для своего времени сводку архивного сырья, связанного с тремя разделами Польши. Это сырье было подобрано неумело и тенденциозно, но его было много, и в нем наряду с никому ненужным хламом было немало и ценного материала, впервые появлявшегося в печати.

Таким образом, Пушкин был совершенно прав и в том отношении, что счел необходимым внимательно изучить это сочинение, и в том, что при пользовании им проявил большую разборчивость.

Говоря о крестьянской войне 1773—1774 гг., Ферран не только повторил вслед за своими предшественниками ряд небылиц, в том числе, конечно, и легенду о Redivivus'e, но «освежил» этот ассортимент добавлением к нему новых выдумок, извлеченных из посольских донесений.

По его словам, например, Пугачев участвовал в какой-то воровской шайке, которая была арестована в полном составе, с атаманом во главе, после чего Пугачев был закован и посажен в казанскую тюрьму; Суворов отвез его не в Симбирск, а в ту же Казань, и т. д. (т. I, стр. 421, 426, 430).

Всего этого Пушкин, конечно, не выписывал, а Redivivus, уже достаточно ему примелькавшийся, здесь, при встрече с ним на страницах книги Феррана, вызвал у Пушкина особенное раздражение. Об этом свидетель-

ствует отметка Пушкина на полях книги «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова».¹

Выписками было охвачено лишь то, что показалось Пушкину на первый взгляд правдоподобным и значительным.

Только одна из этих выписок имела связь с работой Пушкина над историей Петра; это были соображения Феррана о том, что война за испанское наследство заставила Петра ускорить его реформы (стр. 788). Все остальное прямо или косвенно относилось к Пугачеву.

Работая над «Историей Пугачева», Пушкин не раз, видимо, возвращался к этим своим выпискам. То, что подтверждалось или не опровергалось другими его материалами, он вводил в разные места своего текста, а сомнительное отбрасывал.

Вот примеры.

Ферран утверждал, будто Михельсон собственноручно пристрелил какого-то майора, который заявил, что его гренадеры не пойдут против Пугачева. Пушкин это записал (стр. 792). Но мы знаем, что в руках у Пушкина была превосходная и очень подробная летопись всех действий Михельсона в эту войну. Факта, сообщенного Ферраном, в ней не оказалось. И Пушкин, доверяя этой летописи больше, чем Феррану, не привел этого факта в своей «Истории». Это позволяет предполагать, без особой, впрочем, уверенности, что «*Histoire de la révolte de Pugatschef*» читалась Пушкиным после книги Феррана.

Ферран рассказывает, будто генерал Кар повесил двух дезертиров: «*deux brigadiers arrêtés dans leur désertion*».²

¹ «Пушкин и его современники», вып. IX—X, стр. 11.

² Перевод: «двух бригадиров, задержанных при покушении на дезертирство».

Пушкин записал и это, но в конце этой записи поставил вопросительный знак. Может быть, Пушкину было неясно, что понимает Ферран под словом 'brigadier': русский ли офицерский чин бригадира, или же то солдатское ефрейторское звание, которое обыкновенно обозначается этим словом у французов. Если Ферран имел в виду русских бригадиров, то сообщаемый им факт, конечно, заслуживал вопросительного знака. Но, может быть, этот знак имел и другой смысл. Рапорты Кара были хорошо известны Пушкину: он их конспектировал (стр. 625, 627—628, 631, 783), и если читал их до того, как познакомился с книгой Феррана, то, вероятно, помнил, что о казни «бригадиров» Кар не говорит ни слова. В таком случае вопросительный знак как бы отражал намерение Пушкина сверить выписку из Феррана с конспектами донесений Кара. Как бы то ни было, но и этот сообщенный Ферраном факт тоже не попал в «Историю Пугачева».

Пушкин записал рассуждения Феррана о причинах до-пугачевских волнений яицких казаков, записал и утверждение Феррана, будто жалобы яицких казаков на Захара Чернышева явились причиной его отставки (стр. 790). Этой заметкой, очевидно, после сверки ее с показаниями Рычкова (стр. 207—208), Полянского (стр. 579—583) и, может быть, Пекарского (стр. 598—599), — Пушкин тоже не воспользовался. К отставке Чернышева яицкие казаки не имели, конечно, никакого отношения (Чернышева попросту свалил Потемкин), а о причинах их волнений у Пушкина подобрался материал, гораздо более полный и ценный, чем у Феррана.

Зато довольно широко воспользовался Пушкин всем тем, что записано им со слов Феррана о побеге калмыков (стр. 789—790).

Можно легко проследить, как данные Феррана сочетаются в изложении Пушкина (стр. 10—11) с сообще-

ниями Иакинфа Бичурина (стр. 96—98) и Полянского (стр. 579).¹ При этом в одном случае, где Ферран и Бичурин впадают в разногласие, Пушкин привел и то и другое показание: Ферран утверждал, что Убаши заранее договорился о своем побеге с Китаем (стр. 790). Бичурин же говорил, что Убаши снесся не с Китаем, а «с алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти к Китаю». Эти слова Иакинфа цитируются Пушкиным в примечании 8 к гл. I «Истории Пугачева» (стр. 96). А в том отрывке этой главы, к которому относится это примечание, — Пушкин повторяет слова Феррана: «и тайно снеслись с китайским правительством» (стр. 11).

У Феррана почерпнул Пушкин сведения о деятельности генерала Кара в Польше (стр. 22 и 790, ср. также стр. 372).

У него же нашел он подтверждение уже известных нам ошибочных сообщений Кастера о мнимом переходе Антония Пулаского к Пугачеву. Ферран добавляет, будто Пу-

---

¹ В основу всего этого отрывка Пушкин положил выписку из Феррана, которая является единственным источником первых 10 строк этого отрывка (стр. 10, строка 33; стр. 11, строка 2). Количество кибиток (стр. 11, строка 3) заимствовано у Бичурина (стр. 97, строка 17), но округлено до 30 000 вместо бичуринских 33 000. В начальном беловике Пушкин выставил сперва цифру 80 000 (стр. 413), заимствованную у Феррана (стр. 789, строка 35). Это дает повод предполагать, что чтение Пушкиным Феррана предшествовало чтению им Бичурина. Конец отрывка (стр. 11, строки 5—8) основан на показаниях Феррана (стр. 789, строка 32), Бичурина (стр. 96, строки 27—41) и Полянского (ср. 579, строки 30—36). Сообщая об отказе яицких казаков выступить в погоню за калмыками, Пушкин после слова «казаки» вводит в скобках оговорку: «кроме весьма малого числа» (стр. 11, строка 7). Эта оговорка восходит, вероятно, уже к показаниям Рычкова о «непристававших к совещаниям старшинах» (стр. 207, строки 31—31) и Полянского о количественном соотношении «согласной» и «несогласной» сторон (стр. 580, строки 7 и 9).

лаский отстал затем от Пугачева «с отвращением» («avec horreur») и будто до перехода к Пугачеву он находился в каких-то тайных сношениях с женой казанского губернатора, в чьем доме принят был радушно (стр. 791, 792). У Феррана это рассказано так, словно эта близость Пулаского с губернаторской семьей наблюдалась в пугачевские времена. Так понял это и Пушкин, который в конце этой выписки добавил от себя в скобках и фамилию губернатора: «Брант». Ясно, что только при таком понимании слов Феррана переданная последним сплетня приобретала какую-то политическую остроту, вовлекая губернатора и его жену в круг лиц, чуть-что не помогавших Пугачеву. Известно, что в таком именно виде это и вошло частично в примечания к «Истории Пугачева», а частично в «Замечания о бунте» (стр. 116 и 374). Что же касается сообщения об уходе Пулаского от Пугачева, то оно внесено Пушкиным в основной текст «Истории» (стр. 74).

Между тем, в одном случае Ферран стал жертвой ни на чем не основанного дипломатического вымысла, а в другом случае произошла путаница, вызванная неумелым обращением Феррана с источниками.

Отстать от Пугачева¹ «avec horreur»¹ Пулаский не мог, так как никогда к нему и не приставал.²

¹ Перевод: «с отвращением».

² Иностраные газеты, в особенности французские, преувеличивали значение той, в действительности очень скромной роли, какую играли в пугачевском движении пленные польские конфедераты (см., например, «*Courier du Bas-Rhin*» от 16 февраля 1774 г.); в них хотели видеть агитаторов в пользу этого движения (там же, 15 января 1774 г.). Любопытно, что подобные вести шли чаще всего из Польши. Возможно, что авторами их являлись иногда и сами пленные конфедераты, которые возвращались в то время из России на родину (см. письмо одного из них, возвращавшегося из Казани, в «*Gazette d'Utrecht*» от 21 июня 1774 г.). Распространению слухов о переходе Антония Пулаского к Пугачеву способствовало, вероятно,

Сведения же о близости Пулаского с губернаторшей почерпнуты, вероятно, из записок Карла Хоецкого, вышедших на польском языке в Варшаве в 1789 г. Там действительно сказано, что Пулаский, прибыв в качестве военнопленного в Казань, был хорошо принят женой местного губернатора, «дамой умной, воспитанной в императорском дворце».¹ Но Ферран не сообразил, что это происходило за четыре года до выступления Пугачева, в 1769 г., и что умной и воспитанной дамой Хоецкий называет жену тогдашнего казанского губернатора А. Н. Квашнина-Самарина, который оставил эту должность еще в 1770 г.²

то обстоятельство, что в акте об освобождении пленных конфедератов он один был назван по имени, причем было указано, что он «не должен получить свободы не только ныне, но и никогда» (см. утвержденный Екатериной 11 сентября 1773 г. доклад военной коллегии. П. С. З. № 14.038). Впрочем, польские мемуаристы приписывали такую же заметную революционную роль и другим своим соплеменникам (ср. «Русский архив», 1876, кн. II, стр. 451). На самом же деле, конфедераты, оказавшиеся в лагере Пугачева, не пользовались там никаким влиянием. «Бывшие при самозванце ближайшие сказывали, что они не примечали того, чтоб когда-нибудь приходили оные конфедераты к Пугачеву», — так доносила Екатерине Оренбургская секретная комиссия. По словам тех же свидетелей, Пугачев не любил конфедератов и не принимал их ни в какие советы (ЦГАДА, Секретные дела тайной экспедиции. Вязка 369, д. № 19. Черновик рапорта Оренбургской секретной комиссии от 21 мая 1774 г., л. 5).

¹ «*Dame roztropna, na dworze imperatorskim wychowana*». (Pamięć dzieł polskich, podróż i nieromyślny sukces polaków przez urodzonego Karola Lubieś Chojeckiego. W Warszawie. 1789 roku). Отыскать эту книгу в наших книгохранилищах мне не удалось. В Гос. Публ. библиотеке им. Салтыкова-Щедрина экземпляр ее утрачен; цитирую ее по упомянутой выше польской биографии Пулаского («*Kronika polskich rodów...*», s. 168). Русский перевод воспоминаний Хоецкого напечатан в «Киевской старине» за 1883 г., тт. V и VII.

² В. Д. Корсаков. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии. Казань, 1908, стр. 15.

Таким образом, все это не имело никакого отношения ни к престарелой супруге дряхлого Брандта, ни к нему самому, ни тем менее к Пугачеву.

Кое-какие выписанные из книги Феррана данные введены Пушкиным в те части «Истории Пугачева», где описывается внутреннее и международное положение России в начале 1770-х годов.

Таковы, например, сведения о затруднениях, какие испытывало правительство при рекрутских наборах. Ферран пишет: «Рекрутские наборы производились с трудом» (стр. 789).¹ Пушкин, учитывая цензурные опасности, передает эти слова в таком смягченном виде: «Рекрутский набор усиливал затруднения» (стр. 22).

Таковы же сведения о смещении донского атамана Ефремова, чью фамилию Ферран искажил до неузнаваемости (стр. 40 и 791), о том внимании, с каким следили за действиями Пугачева другие державы, и об их подозрениях насчет сношений Пугачева с Турцией (стр. 40 и 790—791).

Любопытно, что в одном из своих сообщений, выписанных Пушкиным, Ферран как бы переключается с летописью Рычкова. Когда Пугачеву говорили, что против него двигаются все новые полки, он, по словам Феррана, отвечал на это так: «Ладно, одна их половина поможет мне расправиться с другой».² Рычков (со слов канонира Макарова, «выбежавшего» из Берды 24 февраля 1774 г.) передает нечто, очень похожее на это известие Феррана: «Сообщники-де его, Пугачева, более советуют ему, чтоб итти против оной команды еще, но он не согласуясь, уверяет их, что она и без того в руки его достанется» (стр. 313). Пушкин пишет так: «Он надеялся на измену рядовых и на оплошность начальников. Попадутся сами

¹ «Les récrutemens se faisaient avec peine».

² «Bon, la moitié me servira à battre l'autre» (стр. 792).

Leur lettre à Puz. parvenant par un c. P. le premier
au G. P. en la S. en s'arrêtant — les autres, seulement faites,
fut trouvé sur l'autre table par un officier (?) voyez. M. (ant.)

Cette n'est pas une de nos lettres, mais plusieurs en
date d'ici. Un d'eux d'une nouvelle manière de
écriture (M. (ant. ?) G. ...

Elle s'écrit des constructions de ce genre. supédent la gra-
vement — Elle fut transportée des Moscov. & envoyée
d'importance, 900 r. d'argent et en argent de Moscou (?)

Puzate. payant en monnaie turque ou en ducats
de Hollande — (Non, en monnaie de cuivre)

Il avait des relations avec le comte Elia-
shvich.

Leur fait pendant deux semaines après de la
disertion?

Un major Puz. ou son à Madril. que des je-
naires ne marchaient pas contre leur sup. M. la
cette lettre d'un coup de justice

Quand on annonçait à Puzate. que de nou-
veaux régiments marchaient contre lui Puz., d'abord,
la main, me servira à l'autre & l'autre.

(Voyez) et leur donoit 5 r. par mois, le double de l'argent de leur
il cou de vie de vendit pour son compte — Les trois
étaient partagés par d'eux — Et tout est selon
table de chacun d'eux.

Palasov, le quitta avec Puz. —

Выписки Пушкина из книги Феррана о разделах Польши
(Из собрания Института литературы Академии Наук СССР).

нам в руки, отвечал он своим сообщникам, когда настойчиво звали они его навстречу приближающихся отрядов» (стр. 44—45). В этом тексте слова Рычкова выправлены и пояснены в соответствии со словами Феррана.

Сведения о том, что в Берде «вино продавалось от казны» и что в армии Пугачева «десятник головою отвечал за своего беглеца» (стр. 26), идут также от Феррана (стр. 792).

Ферран считал слухи об отравлении Бибикова достоверными и писал, что предсмертные письма Бибикова и вести о подробностях его смерти «распространили в Петербурге мрачный ужас» (стр. 790).¹ У Пушкина это передано так: «Петербург и Москва поражены были ужасом» (стр. 54).

Интересны отметки, сделанные Пушкиным против некоторых выписок из Феррана. Об отметке по поводу Шванвича было уже говорено.² Но вот другие.

Против сообщения Феррана о подметных письмах, подброшенных, будто бы, цесаревичу Павлу, в сенат и на престол кафедрального собора, Пушкин ставит знак вопроса и пишет: «смотри Мирович» (стр. 791). О заговоре Мировича Пушкин прочитал, вероятно, немало иностранных известий. О нем писали и Кастера и Лаво.³ Известно, что в Петербурге накануне выступления Мировича было обнаружено довольно много подметных писем, как бы предвещавших это событие.⁴ Пушкин заподозрил,

¹ «Répandirent dans Pétersbourg une terreur sombre».

² Г. Блок. Путь в Берду. «Звезда», 1940, № 11, стр. 145.

³ Castéra, op. cit., t. II, pp. 78—97; Laveaux, op. cit., t. II, pp. 80—154.

⁴ Во всех этих письмах говорилось о «непорочном царе», т. е. об Иване Антоновиче. Особенно много появилось их в апреле 1764 г., а одно было подобрано 20 июня того же года, в день отъезда Екатерины в Прибалтийский край (Бильбасов, op. cit., т. II, СПб., 1891, стр. 315—316).

вероятно, Феррана в том, что он эти-то именно письма и имел в виду, ошибочно относя их к пугачевским временам.

Рассказывая о том, что офицеры, производившие конфискацию имущества донского атамана Ефремова, расхищали это имущество, Ферран называет их не просто офицерами, а русскими офицерами, противопоставляя их казакам и отказываясь как бы тем самым причислить казаков к русской национальности. Против слова «русские» Пушкин, возмущенный невежеством французского историка, поставил восклицательный знак (стр. 791).

А против слов Феррана о том, будто Пугачев расплачивался турецкими деньгами и голландскими дукатами, Пушкин написал по-французски: «Нет, медными деньгами» (стр. 791).

Х

КНИГА СМИТТА

В экземпляре книги Фридриха Смитта о Суворове (Friedrich von Smitt. Suworow's Leben und Heerzüge. Im Zusammenhange mit der Geschichte seiner Zeit. Wilna. 1833),¹ сохранившемся в библиотеке Пушкина, разрезаны те 22 страницы, где повествуется о Пугачеве. Только по этому признаку можно судить о том, что Пушкин читал эту книгу. Извлекать из нее было нечего.

Фридрих (он же Федор Иванович) Смитт получил университетское образование в Германии, числился членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук, а впоследствии стал историографом русского Главного штаба. От известного графа Хвостова он получил богатейший архивный материал о Суворове.

Несмотря на все это, книга Смитта о Суворове в той ее части, которая занимала Пушкина, была шагом назад даже по сравнению с книгой Антинга,² написанной сорока годами

---

¹ Перевод: «Фридрих фон-Смитт. Жизнь и походы Суворова. Во взаимосвязи с историей его времени. Вильно. 1833».

² В 1795 г. в Готе вышла на немецком языке книга Фридриха Антинга (Anthing): «Versuch einer Kriegs Geschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikcki Russ. Kaiserl. General Feld Marschal» («Опыт военной истории российско-императорского генерал-фельд-маршала, графа Александра Суворова-Рымнинского»).

ранее. Под пером Смитта рассказ Антинга² не только ничем не обогатился, но утратил ряд красочных подробностей. А в кратком описании крестьянской войны Смитт «забыл» рассказать о боях под Казанью, об июльских и августовских событиях 1774 г. на правом берегу Волги и о многом другом. Зато не забыты были ни упомянутая Антингом девушка, предсказавшая Пугачеву судьбу, ни феррановский майор, якобы застреленный Михельсоном, ни — действительно бессмертный! — Redivivus (ч. I, стр. 178—179, 183, 186).

Как бы мало времени ни потратил Пушкин на просмотр этой книги, даже и об этом времени приходится пожалеть: оно было потеряно понапрасну.

Из всех иноязычных книг, прочитанных Пушкиным в связи с его работой над «Историей Пугачева», это была единственная немецкая.

Кое-какие почерпнутые из этой книги мелкие фактические данные введены Пушкиным в главу восьмую «Истории Пугачева». Так как это было уже отмечено в свое время Д. Л. Мордовцевым и Н. Н. Фирсовым, то я не считал нужным вводить ее в свой обзор. Достаточно только сказать, что книгу Антинга, написанную офицером русской службы на основе автобиографических сообщений Суворова, следует причислить не к иностранным, а к русским источникам «Истории Пугачева».

XI

«ГЕОГРАФИЯ» БЮШИНГА

В примечании 7 к главе III «Истории Пугачева» Пушкин дает сведения о существовавшем в 1773 г. разделении Оренбургской губернии на провинции, уезды и линейные дистанции и ссылается при этом на Рычкова и на Бюшинга, или, как он пишет, Бишинга (стр. 100). Очевидно, что в последнем случае Пушкин имеет в виду книгу, находившуюся у него в библиотеке и носившую такое название: «Д. Антона Фридерика Бишинга из сокращенной его географии три главы о географии вообще, о Европе и о Российской империи, переведенные с немецкого на русский язык Иваном Долинским. Москва, 1766 г.»¹ В первом же случае Пушкин разумеет Рычковскую «Топографию Оренбургской губернии».

«География» Бюшинга пользовалась в свое время широкой известностью, а русский перевод Долинского пересматривался и дополнялся академиком Миллером² и был исправлен.

¹ Заглавие немецкого подлинника было такое: D. A. F. Büschings Neue Erdbeschreibung. Des Ersten Theiles Zweyter Band welcher das ganze russische Reich, Preussen, Polen, Hungarn und die europäische Turkey, mit den dazu gehörigen und einverleibten Ländern enthält [s. l. et s. a.]. Описанию Оренбургской губернии здесь посвящены стр. 787—791.

² Пецкарский, *op. cit.*, т. I, стр. 418.

Однако ссылка Пушкина на этот труд носит в сущности чисто формальный характер. Оренбургской губернии уделено в книге Бюшинга очень немного места: всего две страницы (стр. 92—93). Все помещенные на этих страницах сведения можно было найти в несравненно более подробной «Топографии» Рычкова,¹ которая и послужила Пушкину в этом случае основным и единственным источником.

В «Сокращенной географии» Бюшинга, на протяжении упомянутых двух страниц, внимание Пушкина могли привлечь только начальные слова описания Оренбургской губернии, а именно: «В ней живут яицкие казаки, происшедшие от донских же казаков...» (стр. 92). Эти слова, скрепленные авторитетом таких ученых, как Бюшинг и академик Миллер, но принадлежавшие в сущности только последнему — в немецком подлиннике их нет, — противоречили популярной в начале XVIII века гипотезе Дегиня о происхождении яицких казаков от кипчаков,² но вполне совпадали с тем, что говорил по этому предмету так обильно цитированный Пушкиным Левшин.³

Возможно, что эти слова Бюшинга явились для Пушкина лишним доводом в пользу того, что сочинения Левшина отличаются «истинною ученостью и здравой критикою»

---

¹ Рычков, *op. cit.*, ч. I, стр. 49—51.

² M. De guign e s. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et d'autres Tartares occidentaux etc. avant et depuis Jésus-Christ jusqu'à présent. Paris. 1757, t. III, l. XIX, p. 519. Дегинь, — как это и отмечено Левшиным, — основывался в этом случае на сведениях, сообщенных Бентинком, переводчиком «Родословной истории о татарах» Абулгази-Баядур-хана, французский перевод которой вышел в Лейдене в 1726 г.

³ [А. И. Левшин]. Историческое и статистическое обозрение уралских казаков. СПб., 1823, стр. 2 и след.

(стр. 85).¹ И если пролог «Истории Пугачева» построен у Пушкина на предании о происхождении яицких казаков от донских, то в этом следует видеть отклик не только на сообщение Левшина, не только на «баснословия» Рычкова, но, может быть, и на «Географию» Бюшинга или, вернее сказать, на дополнения, внесенные в эту книгу отечественным географом Миллером.

---

¹ Эти качества не помешали Левшину, говоря о гипотезе Дегиня, проявить некоторую научную неряшливость: в своем «Обзрении» (стр. 2) он сослался на «Введение к истории» Пуфендорфа (Pufendorf. Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten. Frankfurt am Main. 1684), не заглянув в эту книгу: в ней нет тех утверждений, которые приписывает Пуфендорфу Левшин, положившийся в этом случае на неверно понятую им ссылку Дегиня (ср.: Deguignes, loc. cit.).

XII

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Наш обзор окончен.

Охватил ли он все иноязычные работы, какими пользовался Пушкин?

Пушкин не оставил их списка. В своей «Истории» он ссылается только на четыре иноязычных сочинения: на роман «Ложный Петр III», на «Histoire de la révolte de Pugatschef», на книгу Бергмана о калмыках и на географию Бюшинга. Выписки из книги Феррана наводят нас еще на одно, пятое, сочинение. А мы пересмотрели двенадцать произведений. Таким образом, относительно остальных семи книг пришлось удовольствоваться только косвенными данными. Возможно, что эти данные собраны не полностью, что след какого-нибудь иноязычного произведения и упущен. Однако, если такой пропуск впоследствии и обнаружится, то едва ли окажется он существенным. До-пушкинская иностранная литература о Пугачеве достаточно хорошо изучена и описана историками, а в «Истории Пугачева» почти не остается «белых пятен», т. е. таких мест, источник которых был бы неясен.

Рассмотренный нами материал вполне достаточен во всяком случае для того, чтобы ответить на вопрос о том, насколько широко ознакомился Пушкин с иноязычной литературой о Пугачеве.

Начнем с перечисления того, чего Пушкин не читал.

Вне поля его зрения остались иностранные газеты пугачевского времени. О значении их как исторического источника говорено уже выше. Говорилось и о том, что если бы даже этот замутненный и скудный источник и был известен Пушкину, то едва ли принес бы он ему пользу, так как запас материала для критики этого источника был у Пушкина слишком мал, не по его, конечно, вине.

А к тому же вряд ли была у Пушкина возможность ознакомиться с этими газетами. Доступ их в екатерининскую Россию был, разумеется, очень затруднен.

И даже теперь, в наши дни, когда они собраны со всех концов в наши центральные библиотеки, мы наталкиваемся еще подчас на очень досадные лакуны. Даже и теперь, когда этот материал все же очень широко нам известен, он до конца никем еще не изучен и не подвергнут критическому разбору.

Что касается книг, то из них не прочитаны Пушкиным собственно только четыре таких, которые могли бы оказаться ему в какой-то мере полезны. Приводим перечень этих книг:

1) *Bemerkungen über Estland, Liefland, Russland, nebst einigen Beiträgen zur Empörungsgeschichte Pugatschew's, während eines achtjährigen Aufenthalts gesammelt von einem Augenzeugen. Prag und Leipzig. 1792.*¹ Имя автора не установлено. Здесь напечатан рассказ очевидца о событиях, разыгравшихся в Нижегородской губернии во второй половине лета 1774 г.

---

¹ Перевод: «Заметки об Эстляндии, Лифляндии и России наряду с некоторыми сообщениями об истории Пугачевского восстания, собранные очевидцем в продолжение восьмилетнего там пребывания. Прага и Лейпциг. 1792».

2) *Thesby de Belcour. Relation ou journal d'un officier français au service de la Confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Sibirie. Amsterdam. 1776.*¹ Из этой брошюры можно почерпнуть некоторые сведения о связанных с пугачевским движением событиях в Сибири, в Москве, в Казани и об отношении польских конфедератов к крестьянской войне.

3) Уже упоминавшиеся выше воспоминания Хоецкого, где освещаются те же примерно вопросы, что и у Белькура.

4) Не раз цитированное нами «Путешествие» Кокса, полное вздорных выдумок. Пушкина могли бы заинтересовать здесь только те немногие строки, которые касаются следствия и суда над Пугачевым.

Все эти четыре книги вышли в свет в XVIII веке и едва ли могли попасть в Россию легальным путем. Мы знаем, как затруднен был доступ иностранных книг в Россию при Екатерине, особенно в последние годы ее жизни, когда она так пеклась «о прекращении разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг».² Мы помним, какие яростные меры принимал по этому предмету Павел.

Те же традиции оставались живы и при Николае I. Пушкину приходилось добывать иностранную литературу весьма сложными, неверными, иногда и нелегальными путями. Никаких библиографических пособий в его рас-

---

¹ Перевод: «Тесби де-Белькур. Реляция или дневник французского офицера, состоявшего на службе у Польской конфедерации, взятого в плен русскими и сосланного в Сибирь. Амстердам. 1776». В том же городе, в том же году выпущен был и немецкий перевод этой книги под заглавием: «Tagebuch eines Französischen Officiers in Diensten der Pohnischer Konföderation, welcher von den Russen gefangen und nach Sibirien verwiesen worden. Aus dem Französischen».

² П. С. З., № 17.508.

поряжении не было и не могло быть. Совершенно бессмысленно было бы поэтому укорять Пушкина в том, что он не прочитал упомянутых четырех книг.

В 60-х годах прошлого столетия некий, ныне заслуженно забытый литератор Д. Л. Мордовцев позволил себе сказать, будто «Пушкин при составлении своего труда опустил из виду даже многие вполне доступные источники о том времени».¹ В отношении иноязычных сочинений наш обзор дает право признать эти слова клеветой.

Мы можем выступить с обратным утверждением: ни один исследователь крестьянской войны 1773—1774 годов, ни один историк екатерининского времени не ознакомился с иноязычной литературой о Пугачеве так широко и так глубоко, как сделал это Пушкин.

Окинув беглым взглядом все сочинения, прочитанные Пушкиным, попытаемся дать ответ еще на один общий вопрос: каково было качество того иноязычного литературного материала, с которым имел дело Пушкин, когда работал над «Историей Пугачева»?

Заметим предварительно, что в составе тех двенадцати произведений, какие мы пересмотрели, насчитывается шесть немецких, пять французских и одно английское. Из них шесть читаны Пушкиным в подлинниках, а остальные шесть — в переводах. Мы видели, что наличие в «Истории Пугачева» некоторых неточностей объясняется неисправностью этих переводов. Из тех шести случаев, когда Пушкин пользовался не подлинником, а переводом, можно выделить два таких, где это произошло по причинам, от Пушкина не зависевшим. Мы помним, что «*Histoire de la révolte de Pugatschef*» могла быть смело

---

¹ Д. Л. Мордовцев. Пугачевщина. «Вестник Европы», 1866 г., кн. 3, стр. 347.

принята за оригинальную французскую статью. Что же касается романа «Ложный Петр III», то о существовании французского его подлинника Пушкин не знал, а немецкого его перевода бесспорно не видел. Другие четыре книги, читанные Пушкиным в переводе, были немецкие. Из них две (книга Бергмана о калмыках и география Бюшинга) имели только побочное отношение к его теме, а третья (книга Танненберга) была так несерьезна, что не могла идти в счет как исторический материал.

И еще одно предварительное замечание — весьма существенное.

Из двенадцати иноязычных сочинений, прочитанных Пушкиным при работе над «Историей Пугачева», пять произведений следует отнести к числу ее русских источников. Это — «Histoire de la révolte de Pugatschef» и книги Антинга, Бергмана, Смитта и Бюшинга. «География» Бюшинга должна войти в эту группу по той причине, что Пушкин, — как уже сказано, — воспользовался лишь той частью русского ее издания, автором которой был не Бюшинг, а русский редактор этого издания, дополнивший книгу своими вставками.

Итак, «писаниями иностранцев», в строгом смысле этого пушкинского термина, надо признать только семь сочинений из двенадцати, а именно «Ложного Петра III» и книги Шерера, Танненберга, Кастера, Тука, Лезюра и Феррана.

Оглянувшись после этого на предшествующий наш обзор, мы убедимся, что Пушкин мог почерпнуть и почерпнул доброкачественный, весомый, а в отдельных случаях и ценный фактический материал только из некоторых сочинений первой, то есть русской группы. Впрочем, и в пределах этой группы были авторы, засорившие свои произведения непроверенными, сомнительными, а то и заведомо ложными сообщениями. В этом

смысле особенно многогрешен был Смитт. Не безгрешен был и Антинг.

Что же касается собственно иностранных произведений, то в пяти случаях из семи Пушкину пришлось вовсе отказаться от пользования ими как источниками: так низок был их качественный уровень. И лишь из двух иностранных книг (Кастера и Ферран) Пушкин счел возможным почерпнуть кое-какие мелочи.

В предыдущем изложении рассмотрены достаточно подробно те небылицы и нелепости, которые составляли основу или, во всяком случае, наиболее заметный элемент зарубежного сочинительства о России.

Пора задуматься над тем, к каким же общим заключениям приводит вся совокупность произведенных нами мелких наблюдений.

Ложь иностранцев о России была двоякого рода: невольная — от незнания России, и преднамеренная, порожденная тем или иным расчетом, личным или политическим.

Незнанием России, нежеланием или неспособностью узнать и понять ее отличались в большей или меньшей степени все писавшие о ней чужеземцы, даже удостоенные высших ученых званий, как академик Ферран, даже много лет прожившие в России, как пастор Тук. «Незнание России завлекло их в большие заблуждения», — справедливо говорит Пушкин про иностранцев, толковавших о Пугачеве.¹

Толки западно-европейских наблюдателей о социальной природе пугачевского движения поражают своей несуразностью. Зачинщиками, вдохновителями, вождями вспыхнувшего в России восстания называли то высших сановников екатерининской империи, то отпущенных офицеров, утомленных турецкой войной, то крупных

---

¹ Пушкин, стр. 398.

заводчиков, то духовенство, то иностранных агентов, подосланных из Польши или из Турции.¹ В то самое время, когда генерал Бибиков, готовясь к боям с Пугачевым, весьма трезво писал Фонвизину о «невероятном числе» восставших, о «великой обширности сего зла», о том, что «не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование» (Пушкин дважды цитирует это письмо),² — в это самое время Нижнерейнская газета тешила своих читателей свежими вестями о том, что вождями русского мятежа является владелец шелковой фабрики Евреинов, заводчик Д. (читай — Демидов), генералы М. и И. (читай — Мельгунов и Измайлов, известные своей близостью к Петру III), два главных казанских вельможи (подразумевались, очевидно, губернатор и архиерей), князь Д. (вероятно кто-нибудь из Долгоруких), графы W. и С. (надо полагать: Воронцов и Чернышев), наконец, генерал П. (это, конечно, опальный Петр Панин), — «не считая еще некоего Пугачева; весьма возможно, впрочем, что это — пустое, кем-то придуманное имя».³ Что же касается народа, то он, по словам иностранного журналиста, «вероятно, и не помышлял о бунте: народ послушен и терпелив, терпелив временами до героизма, граничащего с глупостью».⁴ Таким образом иностранный журналист

¹ «Gazette d'Utrecht» от 1 февраля, 8 и 29 марта 1774 г.; «Courier du Bas-Rhin» от 15 января, 2 февраля, 2 марта и 2 апреля 1774 г. и др.

² Пушкин, стр. 45 и 201.

³ «Sans compter un nommé Pugachef qui pourroit bien être un nom en l'air et forgé par quelqu'un».

⁴ «Courier du Bas-Rhin» от 2 февраля 1774 г. — Пушкин, говоря о сподвижниках Пугачева, пишет: «Все они назывались именами вельмож, окружавших в то время престол Екатерины: Чика графом Чернышевым, Шигаев графом Воронцовым, Овчинников графом Паниным, Чумаков графом Орловым» (стр. 28). Пушкин основывался в этом случае на свидетельстве Рычкова, а тот ссылался на показа-

сошелся с русским главнокомандующим лишь в одном: в том, что «не Пугачев важен».

Когда встречаешь подобные известия на страницах заграничных газет пугачевского времени, то они могут вызвать разве только улыбку недоумения. Но когда в книге, прогремевшей на весь мир, притязающей на научность, написанной опытным литератором, имевшим доступ в секретные государственные архивы, — когда в его книге наталкиваешься, как мы видели, на сообщение о том, что наша крестьянская война 1773—1774 гг. вызвана придворно-матримониальной интригой, то как отнестись к такому явлению? Неужели это только невежественность и скудоумие? Где граница невольной и вольной, наивной и ненаивной лжи? Если же ложь подсказана расчетом, то в чем его суть?

Нет ни малейшей надобности трудиться над разрешением этих вопросов, когда речь идет о мелких искателях литературных приключений, вроде Шерера и Танненберга, или об усердном, но тупом и безличном переводчике и компиляторе Туке. Мотивы личного корыстолюбия или честолюбия не могут нас занимать.

Иначе обстоит дело с такими писателями, как Кастера, Лезюр и Ферран. К ним примыкает и автор «Ложного Петра III»: его научный и литературный вес совершенно ничтожен, но влияние, оказанное его романом, было, — как мы убедились, — настолько значительно, что обойти этого незнакомца нельзя. Заметим, что все четверо — французы.

вне яидкого казака из татар — Мустаева (стр. 234). В примечании к приведенным выше строкам Пушкин добавляет: «Кажется, Пугачев и его сообщники не полагали важности в этой пародии» (стр. 102). Вполне вероятно, что именно эта шуточная «пародия», принятая или, точнее, выданная иностранцами за серьезную действительность, явилась первоосновой вздорного известия, напечатанного в Нижне-рейнской газете.

Чтобы уяснить себе до конца их отношение к России, а тем самым и их политическую тенденцию, надо отступить на несколько десятилетий назад.

Фридрих II, вспоминая то состояние Европы, какое он застал на заре своей политической карьеры, говорил так: «Русские были так страшны, что никто не мог ждать успеха в нападении на них».¹

Так думал не один только прусский король; так думали в половине XVIII века все европейские короли.

Семилетняя война вызвала новую переоценку сил. Недавняя вершительница европейских судеб — королевская Франция — оказалась посрамлена на поле битвы этим самым Фридрихом, а Фридрих, успевший прослыть лучшим в Европе полководцем, был вслед за тем и сам бесповоротно разбит русскими войсками. В год окончания войны Людовик XV писал своему резиденту в Петербурге: «Цель моей политики относительно России состоит в удалении ее по возможности от европейских дел».²

Когда семь лет спустя Россия снова взялась за оружие, вступив в войну с Турцией, та же мысль, только в иной, более ясной и широкой форме, была высказана главой французской дипломатии Шуазелем; наставляя одного из своих заграничных агентов, он говорил: «В настоящих обстоятельствах самый главный предмет — это делать всевозможное зло русским... Эта политика составляет часть великих видов, входящих в настоящую систему короля».³

«Настоящая система короля» определилась окончательно только через два года — после русских знамени-

---

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Книга V, СПб., [с. а.]. Изд-во «Общественная польза», т. XXV стр. 55.

² Boucharic, op. cit., t. I, p. 279.

³ Соловьев, op. cit., т. XXV, II, стр. 625.

тых сухопутных и морских побед над Турцией, положивших конец ее трехсотлетнему могуществу. «Великие виды» пришлось на скорую руку претворить в дело. Дело заключалось не только в вооруженной помощи воевавшим с Россией польским помещикам, не только в укреплении турецких проливов французскими инженерами и в обучении турецких войск французскому боевому искусству, не только в подстрекательстве крымской орды к грабительскому набегу на беззащитное сельское население русских юго-западных окраин и в прямом руководстве этим разбоем,¹ — но и в широко задуманном идеологическом наступлении на Россию.

Начальная дата этого наступления определяется ясно и твердо: — это 1771 год.

Атака велась по двум направлениям.

В последней четверти XVIII столетия Западная Европа оказалась вдруг наводнена обильной антирусской литературой французского производства.

Цель французских сочинителей — бесчисленных мемуаристов, путешественников, историков, географов, этнографов, бытописателей и т. д. — была одна: снизить международный вес России, укрыть завесой клеветы величие русского народа, которое так неприятно резало глаза проигравшимся версальским интриганам. «В то время, с 1771 по 1794 год, — говорит Бильбасов, — французские агенты сообщали всевозможный вздор, не только сплетни, но нередко даже просто вымыслы, лишь бы только очернить Россию и русских».²

Такова была одна линия наступления. Другая метила глубже — в русский тыл.

¹ Подробности см. хотя бы в книге Bar. Fr. Tott. Mémoires. Amsterdam, 1784. Русский перевод одной ее главы напечатан в «Киевской старине» за 1883 г., т. VII, стр. 135.

² Бильбасов, *op. cit.*, т. XII, ч. 2, стр. 151.

Замечательные открытия выпали бы на долю того историка, который занялся бы изучением французской иммиграции в Россию, начавшейся — по видимому, почти внезапно — все в том же 1771 году.¹ Эта любопытнейшая и острейшая тема, которая так волновала когда-то многих наших писателей — от Фонвизина и Новикова до Грибоедова, — к сожалению, совсем еще не разработана нашей исторической наукой.

Именно с этого знаменательного срока — с 1771 года — стал наблюдаться наплыв тех мало приметных в отдельности, зачастую «убогих» французиков, которые проворно разбрелись по разным, иногда очень глухим закоулкам России и пристроились, кто чем мог: парикмахерами, лакеями, виноторговцами, офицерами, портными,

¹ Вспомним, например, вполне определенное показание такого авторитетного свидетеля, как Н. Н. Бантыш-Каменский: — «После чумы [1771 г.] на Москву напала другая зараза: французолобие. Много французов и француженок наехало с разных сторон, и нет сомнения, что в числе их были люди очень вредные» (С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1934, т. I, стр. 320—321). Это была уже вторая волна. Первый массовый въезд французов в Россию произошел в конце XVII в. — в связи с отменой Нантского эдикта. См. опубликованную в П. С. З. под № 1331 грамоту царей Ивана и Петра Алексеевичей, данную 21 января 1689 г. по просьбе бранденбургского курфюрста, впоследствии первого прусского короля Фридриха I о дозволении приезжать в Россию и селиться французским эмигрантам-гугенотам, которых Людовик XIV «мучением из государства своего разогнал». Обстоятельства, при которых была дана эта грамота, описаны в книге: Moritz Posselt. Der General und Admiral Franz Lefort. Frankfurt am Main. 1866. В. I, ss. 465—468. Кое-какие данные по тому же предмету можно отыскать в книге E. von Muralt. Chronik der vereinigten französischen und teutschen reformirten Gemeinden in St.-Petersburg. Dorpat. 1842. — Этих французских эмигрантов-гугенотов называли у нас в конце XVII века «утеклецами» или «выгнанцами евангельския веры». В иностранной литературе XVIII века за ними прочно утвердилось прозвище «refugiés».

рестораторами, поварами, кондитерами, приживалами без определенных обязанностей, чаще же всего домашними учителями в дворянских помещичьих семействах.

Весьма примечательно, что из всех чужеземцев, живших в тогдашней России, одни только французы подозрительно часто меняли род занятий: это прямо удостоверено наблюдательным и откровенным до цинизма иностранным мемуаристом.¹

Им же подытожены и идейно-политические успехи этих таинственных пришельцев за четверть века.

Это свидетельское показание так важно, что необходимо ознакомиться не только с его существом, но и с интонациями автора, весьма многозначительными. Приводим поэтому подлинные его слова: «Русские, почти все воспитанные французами, проникаются с детства заметным расположением к этому народу: его язык и историю они усваивают в скором времени лучше, чем язык и историю своей собственной страны, и так как родины у них в самом деле нет, то Франция становится родиной их сердца и их воображения» (т. II, стр. 176).² Тремя страницами дальше автор приоткрывает завесу еще более: «Влияние иностранных наставников на внутренний склад

---

¹ Masson. Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. Amsterdam, 1800, t. I, p. 134. Вот его слова: — «В Петербурженцы — это мастера и ремесленники, главным образом, портные и сапожники, англичане — шорники и торговцы, итальянцы — зодчие, певцы, продавцы картин и т. п., одни лишь французы меняют род своих занятий в большинстве случаев каждогодно». III. Ф. Ф. Массон (1762—1807) был выслан из России Павлом I.

² «Les Russes, presque tous élevés par des français, contractent, dès leur enfance, une prédilection marquée pour cette nation: ils en possèdent bientôt mieux la langue et l'histoire que celle de leur propre pays, et, n'ayant point de patrie en effet, la France devient celle de leur coeur et de leur imagination».

и на нравственные понятия русских... настойчиво и длительно, оно сокровенно воздействует на их души; достигаемые им успехи, медленные, как течение времени, от того самого лишь более надежны» (стр. 179—180). Массон многократно подчеркивает, что речь идет в этом случае о дореволюционных французских эмигрантах.¹

Преувеличений тут очень много: влияние французских воспитателей распространялось, разумеется, не на «всех русских», а только на узкий круг высшей помещицкой знати, причем и в этом кругу французскому влиянию были подвержены опять-таки не все и не в такой мере, как это изображает словоохотливый француз, обиженный на изгнавшую его Россию. Он не сумел бы толково объяснить, что должны означать его невразумительные слова: «родины у них в самом деле нет». Но нельзя отказать ему в том, что им засвидетельствовано историческое явление очень большой важности.

За подтверждением его свидетельства недалеко ходить:

Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен.

Воспитателями грибоедовских княжен были их родители, ученики тех самых французов, о которых мы говорим.

Набор цитат из фонвизинского «Бригадира» был бы, может быть, еще убедительнее.

Вспомним, для примера, хотя бы следующий отрывок: «Да знаешь ли ты, каковы наши французские учителя?.. Я одному из них должен за любовь мою к французам

---

¹ «L'influence des précepteurs étrangers sur le caractère et la moralité des Russes... est constante et continue; elle travaille en secret sur les âmes; ses progrès, lents comme la marche du temps, n'en sont que plus surs».

и за холодность мою к русским», — говорит Иванушка, вспоминая француза-кучера, у которого был «на пансионе» («Бригадир», действ. V, явл. II).

Другой фонвизинский герой говорит так про своего учителя-француза: «Он вселял в сердца наши ненависть к отечеству, презрение ко всему русскому и любовь к французскому. Сей образ наставления есть обыкновенная система большей части чужестранных учителей» («Разговор у княгини Халдиной»).

Важность приведенного показания Массона заключается в том, что оно правильно истолковывает и обобщает факты, давно нам известные и по внешности, как будто, невинные: оно оборачивает эти факты так, что становится видна их политическая изнанка, — как оказывается, — далеко не безобидная. Бывалый очевидец заявляет без малейшего стеснения, что в последней четверти XVIII столетия, накануне революции, французы вели внутри России подрывную работу, — «сокровенную, настойчивую и длительную». Цель этой работы заключалась в насаждении любви к Франции, как к истинной «родине сердца и воображения», а главное, в истреблении русского патриотизма, то есть той силы, которая была основной причиной русских побед и потому более всего страшила и феодальную и буржуазную Европу того времени. Подразумевается, конечно, что подрывные действия совершались не самопроизвольно, а по единому заданию, полученному из зарубежного центра. Таким центром был французский королевский кабинет.

Для идеологической войны на двух антирусских фронтах требовались обширные кадры. Их надо было воспитывать в ненависти к России. Каковы были воспитательные методы и учебные пособия, — этого мы пока не знаем. Зато обильные плоды этой педагогической работы

очень хорошо нам известны по тогдашней французской литературе о России.

Что слепая ненависть к России и к русским насаждалась в предреволюционной Франции искусственно, — в этом сомневаться нельзя. Как иначе могло зародиться это чувство у французов XVIII века, которые никогда еще с Россией не воевали, никогда не состязались с ней ни на торговом, ни на промышленном поприще и почти ровно ничего не знали о нашей стране, отделенной от их страны широкой полосой чужих земель?

Образцовым питомцем антирусской школы явился Ферран. Преуспевшим ее учеником был и Кастера. В тех же традициях были воспитаны Лезюр и представитель несколько более раннего поколения — автор «Ложного Петра III». Основательных знаний о России не приобрел ни один из четырех. И не побывал в ней тоже никто из них. В конечном результате ко всем четверым — при всей разности их жизненных путей — вполне приложимо то, что современный им российский ученый сказал про всех вообще иностранцев, писавших тогда о России: «Совершенного и достоверного написать не могли, но паче всего сожаления достойно, что они разумный свет толикими неправдами ослепили, между которыми малое число правдивых известиев чуть познать можно».¹

Чтобы покончить с вопросом о качестве иностранных сочинений о Пугачеве, следует вернуться к той их особенности, о которой уже говорилось во вступлении к нашему обзору, — к их внутренней преемственной связи.

Разглядев эти сочинения подробно, одно за другим, мы видим эту связь, так сказать, помимо нашей воли, — с полной отчетливостью, как на анатомическом чертеже. В пределах разобранного нами материала мы можем

---

¹ Слова Миллера (П. Пекарский, *op. cit.*, стр. 339).

почти во всех случаях выследить происхождение и всю вообще литературную судьбу того, что — по аналогии с медицинским термином «навязчивые идеи» — я осмеюсь назвать навязчивыми историческими концепциями.

Их много у знакомых нам теперь авторов.

Такова, например, та версия, которую можно именовать придворной: Пугачев — камер-паж или камер-юнкер, великосветский танцор, друг и соумышленник Орлова...

Такова же и другая, теократическая версия: Пугачев в архиерейских или даже патриарших ризах, поддержанный высшими иерархами и всем вообще православным клиром, благословляющий народ...!

Или еще третья версия, пытавшаяся изобразить Пугачева ставленником Барской конфедерации или Оттоманской Порты.

Или, наконец, это назойливо мелькающее знамя с латинской надписью, которое на наших глазах так старательно передавалось из одних неопрятных литературных рук в другие, не более чистые.

Все это лживо, все это глупо, но отнюдь не простодушно. Под каждой лживой глупостью или глупой ложью кроется все один и тот же, беспомощный, но упрямый агитационный замысел: представить Россию в виде разлагающегося, обреченного на гибель организма, изъеденного всеми государственными недугами: союз императорской власти и феодальных верхов распался, господствующая церковь откололась от государства, регулярная армия бессильна в борьбе с самозванцем, который опирается на польскую шляхту, субсидируется турецким султаном, и т. д., и т. д. . .

Припомним, в чем пытался убедить свою громадную аудиторию истинный родоначальник большинства подобных вымыслов — автор «Ложного Петра III»; он как бы говорил читателям: не бойтесь России, не верьте в силу

русского народа, не смущайтесь русскими победами, изменившими лицо Европы; это — гибнущая страна, это — дутая сила, это — случайное и непрочное торжество: ведь еще до испугавших вас побед почти вся их империя уже платила дань какому-то международному авантюристу и кондотьеру Пугачеву, ветреному супругу венской аристократки, послушному ученику французского ментора.

Бессмысленные политические инсинуации печатались, переводились с французского на немецкий и на английский, а затем и на русский язык и экспортировались во все страны, в том числе и в Россию.

Встретив такие абсурдные сообщения в одной книге, читатель мог не обратить на них внимания или, во всяком случае, не придать им значения. Но когда то же самое попадалось ему и во второй и в третьей книге, когда это подтверждалось ссылками на личные наблюдения, на рассказы русских царедворцев и на посольские депеши, когда это произносилось не фальцетом бульварного романиста, а хорошо поставленным академическим голосом, — читатель поневоле начинал верить.

Стряхнуть с себя навязанную таким образом веру он мог бы только при одном условии: если бы прочитал все иностранные книги, трактовавшие о Пугачеве. Тогда разгадка внушительного единогласия столь многих авторов сама далась бы ему в руки. Она заключалась в том, что один и тот же, наскоро слепленный комок сплетен, чаще всего сдобренных клеветой, беззастенчиво перебрасывался со страниц одной книги на страницы другой — без справок о том, из какой топи он первоначально вычерпнут, без всякой очистительной переработки, даже, — как видали мы это у Кастера (вспомним сводку известий о смерти Бибикова), — без заботы о взаимной согласо-

ванности всех этих отбросов дипломатической и газетной стряпни.¹

Подобная перекидка лжи была тем зловреднее, что затягивалась на очень долгие сроки: ведь были же мы свидетелями того, как «*Redivivus et ultor*» порхал с чернильницы на чернильницу в продолжение целых шести десятилетий.

Такова была в общих чертах та неприглядная картина, которая развернулась перед Пушкиным, когда он углубился в изучение иностранной литературы о Пугачеве.

Перед нами же открылось и другое, несравненно более поучительное зрелище: мы увидели Пушкина в победоносной борьбе с зарубежными поставщиками исторической неправды. Рассмотрев многие отдельные эпизоды этой борьбы, мы можем оценить ее теперь и в целом.

Какова главная причина, побудившая Пушкина искать иностранных известий о Пугачеве?

В черновых набросках предисловия к его «Истории» есть намеки, дающие косвенный ответ на этот вопрос.

Упоминая о «Летописи» Рычкова, Пушкин отзывался о ней так: «Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушным и дельным изложением происшествий, которые ныне так редки между русскими писателями, занимающимися историей».²

Жалоба на писателей является в сущности жалобой на императорскую цензуру, которая запрещала «добросовестно развивать истину» и, взамен «добродушного

---

¹ Этим пороком страдали труды даже самых добросовестных иностранных авторов, писавших о России: см., например, многотомную итальянскую компиляцию: *Vita e fasti di Caterina II, imperatrice et autocratrice di tutte le Russie* ес. ес. Lugano. MDCCXCVII, t. III, l. XI, pp. 124—137.

² Пушкин, стр. 400. Цитируя тут же одного из этих писателей, Пушкин восклицает: «Что слово, то несправедливость» (стр. 398).

ти дельного изложения», требовала напыщенной декламации в угодном ей духе. На смену Татищевым, Щербатовым и Болтиным этот цензурный режим вырастил рабелепных и ничтожных Павлов Сумароковых и Броневских, против которых и восстает Пушкин. Неудовлетворенность их писаниями и заставила Пушкина предпринять экскурсию в трудно доступную ему область иностранной литературы о Пугачеве.

Успех этой научной разведки зависел — как мы уже знаем — от широты ее охвата. Пушкин это понял: он постарался прочитать по возможности все, что было напечатано о Пугачеве на иностранных языках. В этом первая и очень крупная методологическая заслуга Пушкина: только таким способом можно было распутать клубок лжи и отыскать ее начала и концы.

Предпринятый Пушкиным поиск имел двойкий результат. Он дал в руки Пушкину чрезвычайно полезный русский источник, напечатанный, в силу цензурных стеснений, в чужих краях и на чужом языке. Но это была почти единственная удачная находка. Иностранные же сочинения о Пугачеве глубоко разочаровали Пушкина. Он убедился воочию, что в условиях буржуазной Европы мнимая «свобода» печати не заграждала дороги невежеству и давала широкий простор обращать научную литературу в орудие для достижения личных или политических целей, не имевших ничего общего с наукой. Лжи и пристрастия обнаружилось там еще больше, чем у Сумароковых и Броневских.

У нас было достаточно случаев удостовериться, что ни одна из концепций пугачевского движения, предложенных иностранными историками, ни в какой мере не повлияла на Пушкина. Более того, мы не только не наблюдаем у Пушкина ни малейшей склонности поддаться их внушениям, но явственно ощущаем, напротив, тот стойкий

внутренний отпор, какой встречали в нем их идеи. Пушкину не приходится обороняться от этих идей: он действует наступательно, он их громит. При общении с иноземными авторами присущий Пушкину-историку здоровый скептицизм перерождается временами в насмешливое пренебрежение (пометы на выписках из Феррана), а иногда сменяется и негодованием («Ложный Петр III»). Предыдущий обзор показывает, что много отношения эти писатели и не заслуживали.

Замечательно, с другой стороны, что, оценив недоброкачественный зарубежный материал по истинному его достоинству, Пушкин не отменил его весь огулом, а пустил в ход и здесь свое неутомимое исследовательское усердие,¹ без которого немислимо настоящее научное мастерство. «Не должен быть затерян для потомства»² великий труд, потраченный Пушкиным на то, чтобы, развеяв по ветру все вороха праздной и клеветнической болтовни досужих иностранцев, доискаться под этим сором того очень малого, что показалось Пушкину достойным.

Это было действительно нечто очень малое и по количеству и по значению. Цифровые подсчеты в таких случаях весьма обманчивы, но можно все же утверждать со спокойной совестью, что число строк, где содержится фактический материал, почерпнутый из иностранной

---

¹ Новое академическое издание «Истории Пугачева» дает наглядное представление об этом усердии: рукописный, нигде до Пушкина не опубликованный материал, собранный Пушкиным в течение двух лет работы над «Историей», занял в печати более 500 убористых страниц, т. е. более 35 печатных листов. Если учесть, что в значительной части—это конспективные выписки Пушкина, то можно судить о том, сколько одних только архивных документов перечитал он за этот срок.

² Выражение Пушкина (стр. 1 и 399).

литературы, не составляет и сотой доли всего объема «Истории Пугачева». Ни о какой зависимости ее от иностранных авторов не может быть и речи. Историческая монография Пушкина покоится всецело на отечественных источниках, в большей своей части архивных.

О приемах и качестве научно-критической работы Пушкина подробно говорено при рассмотрении отдельных прочитанных им иностранных сочинений. Подводя итог всему сказанному по этому предмету, мы можем констатировать, что Пушкин обладал не только вполне зрелой исследовательской техникой, достойной профессионального историка, но и тонко развитым историко-критическим чутьем.

Ни тем, ни другим не мог похвастать ни один из иностранных авторов, писавших о Пугачеве.

При наличии тех административных препон, которые то и дело возникали перед Пушкиным в продолжение его архивных занятий, надо удивляться не тому, что в двух-трех случаях иноязычные сочинения ввели Пушкина в заблуждение, а тому, что таких ошибок ничтожно мало.

Они вызывали тем не менее неизменное злорадование со стороны наших дореволюционных историков. Такое отношение к исторической работе Пушкина вошло, можно смело сказать, в моду в тогдашней академической среде. При этом, чем ничтожнее был собственный научный вес критика, тем высокомернее и резче он отзывался о Пушкине. Полковник Д. Анучин позволил себе, например, утверждать, что Пушкин «ввел в свою историю не мало поэтических вольностей»,¹ а казанский профессор Н. Н. Фирсов заявил с небрежной развязностью, что «Пушкин

¹ Д. Анучин. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара. Военный сборник. 1869 г., № 5, стр. 172. Не следует смешивать этого автора с известным географом Д. Н. Анучиным.

не успел сделаться историком, вполне достойным своего великого имени».¹

Настало время сказать обратное.

В области изучения «Истории Пугачева» сделано еще слишком мало, чтобы можно было дать исчерпывающий отзыв об ее изученной стороне. Но сумма собранных данных, пусть только предварительных, достаточна все же для того, чтобы притти к следующим трем заключительным выводам:

1) Пушкин был первым серьезным историком пугачевского движения. Он протоптал, или, — как говаривали встарину, — «протеребил» еще не проторенную дорогу сквозь непривычные для него дебри никем до него не систематизированных архивных материалов.

Итогом этой долгой и кропотливой работы явилась «История Пугачева». В ней нет ни одного не документированного слова. Фактических ошибок в ней почти нет, а те, что вкрались, незначительны и вызваны, все без исключения, только тем, что правительство Николая I не допустило Пушкина до наиболее важных архивных источников.

Написав «Историю Пугачева», Пушкин совершил выдающийся научный подвиг.

2) В самый жандармский период николаевского времени, после июльской революции в Париже и после восстания в Польше, Пушкин, дебютируя в роли историографа, избирает материалом для своего первого выступления на этом поприще крестьянскую войну — важнейшее событие новейшей истории, отделенное от Пушкина и его современников очень короткой хронологической дистанцией. Говоря о Пугачеве, Пушкин настойчиво и прозрачно дает

---

¹ Н. Фирсов. Пушкин как историк, стр. 244.

понять, что «не Пугачев важен: важно общее негодование». Причины, вызвавшие «общее негодование» при Екатерине, оставались налицо и при ее внуке Николае.

История пугачевского движения была таким образом темой, политически чрезвычайно острой, почти злободневной. Обсуждать эту тему в печати, посвящать ей целую книгу, доискиваться научно проверенной правды о Пугачеве и говорить эту правду было далеко не безопасно.

Написав «Историю Пугачева», Пушкин совершил политический подвиг удивительной смелости.

3) В сочинениях иностранцев, писавших о пугачевском движении, Пушкин натолкнулся не только на погоню за дешевой сенсацией, не только на полное отсутствие научной критики, не только на постыдное незнание России, но и на отголоски той широко задуманной травли против России и русского народа, которая была поднята нашими западно-европейскими завистниками и врагами задолго до рождения Пушкина. Пушкин дал им решительный отпор и в борьбе с иностранными историками наглядно показал, насколько его общая и научная культура была выше, чем их культура.

Та же борьба говорит и о том, что Пушкин, сознавая себя гражданином великой страны и сыном великой нации, умел ревниво блюсти достоинство той и другой. Огонь пушкинской, подлинно научной критики оказался опустошитель: от общих построений изученных им иностранных историков не осталось ровно ничего; почти ничего не осталось и от того, что они пытались выдать за достоверные факты.

Написав «Историю Пугачева», Пушкин совершил патриотический подвиг, о котором не следует забывать.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. С. Пушкин. Потрет работы В. А. Тропинина. (Фронтиспис).

Пугачев. Гравюра Летелье по рисунку придворного миниатюриста Екатерины II Мальи, исполненному, повидимому, с натуры и признаваемому наиболее достоверным из всех портретов Пугачева. 1775. (Стр. 16—17).

Рукопись «Истории Пугачева» с переработанной цитатой из письма Бибикова к Фонвизину (из собрания Института литературы Академии Наук СССР). (Стр. 32—33).

Пугачев, прикованный к стене Московского острога. Гравюра Рюотта, воспроизведенная в «Путешествии» Кокса. 1784. (Стр. 48—49).

Пугачев, заключенный в клетку, в которой его везли из Янцкого городка. Немецкая гравюра XVIII века по рисунку Петерсона. (Стр. 64—65).

Фантастический портрет Пугачева, приложенный к французскому изданию романа «Ложный Петр III». 1775. (Стр. 80—81).

Предисловие Бюшинга к публикации о Пугачеве. (Стр. 96—97).

Страница из книги Лаво о Петре III с началом статьи о Пугачеве. (Стр. 112—113).

Рукопись «Истории Пугачева». Вариант VIII главы: описание боя у Насоновского яра (из собрания Института литературы Академии Наук СССР). (Стр. 128—129).

Пометы Пушкина в книге «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова» (из собрания Института литературы Академии Наук СССР). (Стр. 144—145).

Пугачев и Харлова. Фантастическое изображение казни коменданта Нижне-Озерной крепости майора Харлова, приложенное к книге Лаво о Петре III. (Стр. 160—161).

Выписки Пушкина из книги Феррана о разделах Польши (из собрания Института литературы Академии Наук СССР). (Стр. 176—177).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Абулгази-Баядур-хан 182.
 Август III, польский король 83.
 Агубов, Ч. 33.
 Адлер, стрелец 154.
 Александр I 153.
 Александр, архимандрит 28.
 Александров, В. 13.
 Алфимов, Н. В. 36.
 Альфонс, Б. (Alphonse B.) 125.
 Андреев, А. И. 11.
 Антинг, Ф. (Anthing F.) 179, 180, 188, 189.
 Анучин, Д. Г., полковник 107, 135, 138, 204.
 Анучин, Д. Н., почетный академик 204.
 Аристов, И. С. 67.
 Артисевич, В. А. 17.
 Астренев, офицер 123.
 Ахлестин, гренадер 28.
- Бабин, В. П. 67.
 Багратион, кн. И. В. 137.
 Багратион, кн. П. И. 137.
 Байрон, Д. Г. 48.
 Бальзак, О. 53.
 Баннов, пугачевец 123.
 Бантыш-Каменский, Н. Н. 28, 194.
- Барбье, А. А. (Barbier, A. A.) 141, 148.
 Белинский, В. Г. 8, 9, 10, 21, 76, 127, 128.
 Белобородов, И. Н. 118.
 Белоусов, И. 33.
 Бенкендорф, гр. А. X. 3.
 Бентинк, шведский офицер 182.
 Бергман, Б. (Bergmann, B.) 161, 162, 184, 188.
 Бернулли, Д. 156.
 Бибииков, А. А. 44, 50, 75, 156.
 Бибииков, А. И. 30, 37, 44, 64, 75, 85, 114, 117, 120, 125, 126, 143, 144, 151, 152, 163, 171, 177, 190, 200, 207.
 Бибииков, Ю. Б. 34.
 Бильбасов, В. А. 91, 94, 107, 110, 125, 141, 148, 149, 151, 169, 177, 193.
 Бичурин, И. 173.
 Блинова, Е. 13.
 Блок, Г. П. 177.
 Болотов, А. Т. 143.
 Болтин, И. Н. 202.
 Бошняк, И. К. 36, 37, 136.
 Брандт, Я. И. 118, 119, 144, 147, 174, 176.
 Брокгауз, Ф. А. 29.

- Броневский, В. Б. 54, 55, 72, 87, 117, 138, 167, 202.
- Брюсов, В. Я. 11.
- Бурбоны 169.
- Бутарик, М. Е. (Boutaric, M. E.) 110, 149, 192.
- Бычков, Л. 13.
- Бьельке, корреспондентка Екатерины 104.
- Бюиссон (Buisson), издатель 141.
- Бюшинг, А. Ф. (Büsching, A. F.) 90, 94—99, 102, 105—107, 109, 111, 116, 123, 156, 181—184, 188, 207.
- Вавилов, С. И. 14.
- Валишевский, К. (Walszewski, K.) 155.
- Валленстиерна, К. 34, 139.
- Венгеров, С. А. 29, 108.
- Виноградов, В. В. 14.
- Виргилий 114.
- Витошнов, А. 92.
- Волконский, кн. М. Н. 26.
- Вольтер, Ф. М. (Voltaire, F. M.) 26, 27, 97, 104, 127.
- Воронцов, гр. А. Р. 190
- Вяземский, кн. А. А. 99.
- Вяземский, кн. П. А. 16, 154.
- Гагрин, Д. О. 98, 116.
- Гартман (Hartmann, C.Z.G.), издатель 161.
- Гельбиг, Г. А. В. (Helbig G. A. W.) 88, 110.
- Геннерт, В. И. 156.
- Герцен, А. И. 3, 104.
- Гессен, С. Я. 4.
- Гизо, Ф. П. Г. 32.
- Гнучева, В. Ф. 157.
- Гоголь, Н. В. 10, 53, 76, 132.
- Годунов, Б. Ф. 99.
- Голицын, кн. А. Н. 153, 154.
- Голицын, кн. Д. А. 104.
- Голицын, кн. П. М. 34, 38, 42, 64, 67, 92, 100, 118, 119, 151, 153.
- Горстейн (у Пушкина ошибочно — Горстен), И. А. фон 34.
- Горшков, М. Д. 92.
- Горький А. М. 80.
- Грибоедов, А. С. 194, 196.
- Гримм, бар. Ф. М. 104.
- Грот, Я. К. 12, 93, 124, 134, 135, 137, 154, 155.
- Грушкин, А. 13.
- Гуннинг, английский резидент в Петербурге 113.
- Дашкова, кн. Е. Р. 159.
- Дегинь, М. (Deguignes, M.) 182, 183.
- Дементьева, З. Н. 17.
- Демидов, П. А. 190.
- Дербетев, кн. Ф. И. 135.
- Державин, Г. Р. 27, 55, 67, 124, 135.
- Детервиль (Déterville), книгопродавец 168.
- Диц, бар. А. 135.
- Дмитриев, И. И. 27, 43, 63, 64, 75, 76.
- Дмитриев-Мамонов, А. И. 28, 61.
- Дмоховский 154.
- Добрынин, капрал, 68.
- Долгорукие, кн. 190.
- Долинский, И. Г. 181.
- Дубровин, Н. Ф. 11, 28, 87, 88, 96, 107, 122, 123, 162.
- Дуже, О. И. 35.
- Дундуков, кн. А. Д. 134.
- Дюперрон де-Кастера, Л. А. 149.
- Дюран, французский резидент в Петербурге 150—152, 156.

- Еврейнов, Я. М. 190.
Еголин, А. М. 13.
Екатерина II 5, 22, 26, 27, 29, 60,
71, 91, 96, 98, 99, 101, 103—106,
108, 110—114, 120, 124, 126,
127, 134, 145—153, 155, 158, 160,
164, 175, 177 186, 190, 195, 201,
206, 207.
Ефремов, С. Д. 176, 178.
Ефрон, И. А. 29.
Жихарев, С. П. 194.
Загряжская, Н. К. 153.
Заев, Е. 28.
Зарубин, И. Н. (Чика) 120, 190.
Зейферт (Seuffert, С. Н.), книго-
продавец 81.
Зенгер, Т. Г. 12.
Иван Алексеевич, царь 194.
Иван Антонович, император 177.
Иван Грозный 82.
Измаильская, В. Д. 83.
Измайлов, М. М. 190.
Иконников, В. С. 108.
Иноходцев, П. Б. 156.
Ишаков, А. 29.
Кар, В. А. 26, 27, 85, 91, 120,
171—173.
Карабанов, П. Ф. 154.
Карамзин, Н. М. 21, 22.
Кайгородов, И. 33.
Кастера, Д. 148.
Кастера, Ж. А. (Castéra J. H.) 110,
124, 143, 147—159, 163, 164,
169, 170, 177, 188, 189, 191, 198,
200.
Кауниц, кн. В. А. 150.
Квашин-Самарин, А. Н. 175.
Кельрейтер, И. Ф. 156.
Керар, Ж. М. (Quérad, J. M.)
125, 148, 149.
Кизеветтер, А. А. 65.
Кириллов, А. 67.
Клапье де-Колонг, И. А. 35, 52,
60, 61.
Ключевский, В. О. 11.
Кобяков, Ф. Ф. 36.
Кожевников, М. А. 28, 32, 49, 70,
Коке, В. (Сохе, W.) 124, 125, 151,
152, 156, 163, 186, 207.
Колюбакина, дочь К. Пулаского
156.
Комарович, В. Л. 13.
Корнилович, О. Е. 91, 108, 109, 111.
Корсаков, В. Д. 175.
Кореаков, Д. А. 155.
Костюшко, Т. 151.
Кочнев, И. Л. 62.
Кречетников, П. Н. 39, 134.
Кубенева, С. 33.
Кузнецова, Ю. А. 17.
Лаво, Ж. Ш. Т. (Laveaux, J. С. Т.)
110, 157, 177, 207, 208.
Лагарп, Ф. С. 151.
Ларошфуко, А. П. 169.
Ларусс, П. 144.
Левек, М. (Levesque, M) 143.
Левшин, А. И. 31, 182, 183.
Лезюр, Ш. Л. (Lesur, С. L.) 163—
167, 188, 191, 198.
Ленин, В. И. 11.
Леопольдов, А. 162.
Лепилин, казак 130.
Лермонтов, М. Ю. 154.
Летелье, Ш. Ф. 207.
Лефорт, Ф. 194.
Лжедмитрий 99.
Либерман, А. М. 17.

- Ливкин, казак 130.
 Лобковиц, австрийский разидент
 в Петербурге 150.
 Ловиц, Г. М. 156, 157, 163.
 Логинава, В. С. 17.
 Луве де-Куврэ, Ж. Б. (Louvet de
 Couvra, J. B.) 156.
 Любарский, П. 28, 39, 42, 67, 139.
 Любий, Ф. 83.
 Людвиг, Э. 7.
 Людовик XIV 194.
 Людовик XV 110, 149, 152, 192.
 Людовик XVI 125.
 Людовик XVIII 169.
- Мазепа, И. С. 167.
 Майков, П. М. 12.
 Макаров, А. Н. 12.
 Макаров, канонир 176.
 Макаров, коллежский советник 86.
 Малохов, В. И. 33, 67.
 Мальи, Ж. Ш. 207.
 Мансуров, П. Д. 37.
 Массон, Ш. Ф. Ф. (Masson C. F. P.)
 195—197.
 Мейлах, Б. С. 14.
 Мелеков, И. Г. 33, 67.
 Меллин, гр. В. 36.
 Мельгунов, А. П. 190.
 Миллер, Г. Ф. 95—103, 134, 181—
 183, 198.
 Минеев, Ф. Д. 42, 93.
 Мирovich, В. Я. 177.
 Михельсон, И. И. 35, 36, 38, 39, 47,
 50, 55, 90, 91, 93, 94, 102, 103,
 106, 111, 114, 118—120, 123, 124,
 128, 134, 136—139, 146, 155,
 171, 180.
 Мюморен Сент-Эрем, гр. А. М.
 (Montmorin-Saint-Herem, A. M.)
 110.
- Мордовцев, Д. Л. 107, 179, 187.
 Мори, М. (Moris, M.) 161.
 Муральт, Е. фон (Muralt, E. von)
 194.
 Мустаев, яицкий казак 191.
 Муффель, К., 34, 50.
 Наумов, С. Л. 34, 37, 130.
 Некрасов, И. 167.
 Николай I 3, 6, 9, 132, 153, 154,
 186, 205, 206.
 Новиков, Н. И. 194.
 Нурали-хан 26, 29, 30, 50.
- Овчинников, А. А. 38, 190.
 Ордэ, А. (Hordé, A.) 83.
 Оргельбранд, С. (Orgelbrand, S.)
 155.
 Орлик, Ф. 167.
 Орлов, кн. Г. Г. 106, 144, 152—
 154, 163, 199.
 Орловы 154.
 Осипов, И. 42, 62, '65, 92, 130.
- Павел I 85, 112, 145, 147, 177,
 186, 195.
 Падуров, Т. И. 88.
 Панин, гр. П. И. 105, 114, 120,
 124, 134, 135, 138, 155, 166,
 190.
 Панов, И. И. 33.
 Пекарекий, М. Н. 92, 172.
 Пекарекий, П. П. 97, 99, 101, 142,
 181, 198.
 Перфильев, А. П. 38, 118.
 Петерсон, художник 208.
 Петр I 14, 85, 154, 171, 194.
 Петр III 72, 81—83, 85—89, 96,
 110, 111, 114, 124, 125, 140,
 146, 147, 150, 151, 184, 188, 190,
 191, 198, 199, 203, 207, 208.
 Пиксанов, Н. К. 4.

- Плешивцев, С. М. 123.
 Повало-Швейковский, Н. З. 43, 63.
 Погодин, М. П. 132.
 Покровский, М. Н. 8, 11.
 Полевой, Н. И. 48.
 Полуворотов, писарь 33.
 Полянский, И. 40, 41, 92, 130, 139, 172, 173.
 Попов, П. С. 13.
 Пошов, прапорщик 123.
 Поссельт, М. (Posselt, M.) 194.
 Потапов, И. А. 134.
 Потемкин-Таврический, кн. Г. А. 153, 154, 172.
 Потемкин, гр. П. С. 28, 39, 144, 155.
 Протянова, А. Ф. 17.
 Пугачева, С. Д. 83.
 Пулаский, А. 155, 156, 163, 173—175.
 Пулаский, К. 155, 156.
 Пустовалов, Ф. 41, 68.
 Пуфендорф, бар. С. 183.

 Разин, С. Т. 99.
 Разумовский, гр. К. Г. 84.
 Расторгуев, И. 70.
 Рейнсдорп, И. А. 26, 29, 30, 34, 37, 58—60, 67, 92, 100, 103, 122, 129.
 Романович-Славатинский, А. В. 26.
 Рунич, П. С. 137.
 Рычков, П. И. 26, 33, 36, 40, 41, 62, 67, 68, 92, 99, 100, 116, 122, 126, 130, 134, 139, 172, 173, 176, 177, 181—183, 190, 201.
 Рюльер, К. (Rulhière, Cl. C.) 168, 169.
 Рюотт Д. 207.

 Салават, см. Юлаев, С.
 Салтыков-Щедрин, М. Е. 175.
 Сапугольцов, унтер-офицер 74.
 Сегюр, маркиз Л. Ф. 151.

 Сенковский, О. И. 48.
 Сидней Ли (Sidney Lee), издатель 158.
 Симбирцева, М. В. 17.
 Симонов, И. Д. 41, 130.
 Синельников, Г. 32.
 Смитт, Ф. И. 179, 188, 189.
 Соколов, А. Т. (Хлопуша) 32.
 Соколов, Д. Н. 12.
 Сократ 146, 147.
 Соловьев, С. М. 11, 95, 101, 192.
 Софинов, П. 13, 93, 102.
 Сталин, И. В. 7.
 Степан Малый 125.
 Суворов-Рымникский, гр. А. В. 144, 166, 170, 179.
 Сулин, С. Н. 39, 134.
 Сумароков, П. И. 202.
 Сухомлинов, М. И. 156, 157.

 Талейран, Ш. М. 163.
 Танненберг, бар. Г. (Tannenberg, Fr. G. von) 106, 145—147, 188, 191.
 Татищев, В. Н. 26, 202.
 Тацит 10.
 Творогов, И. А. 92, 122, 123.
 Тесби де-Белькур (Thesby de-Beaucour), французский офицер 186.
 Тимковский, И. 147.
 Толь, бар. К. Ф. 106.
 Томашевский, Б. В. 125, 148.
 Тотлебен, гр. Г. К. Г. 87, 88.
 Тотт, бар. Ф. 193.
 Траубенберг, М. М. 40.
 Тропинин, В. А. 207.
 Тук, В. (Тооке, W.) 151, 157—160, 188, 189, 191.
 Тургенев, И. С. 3.

- Тьер, А. 32.
 Тьерри, О. 32.
 Убаши, калмыцкий хан 173.
 Уваров, гр. С. С. 8.
- Ферран, гр. А. Ф. К. (Ferrand, comte H. F. C. de) 28, 155, 168—178, 184, 188, 189, 191, 198, 203, 207.
 Фирсов, Н. Н. 11, 29, 107, 108, 121, 122, 179, 204, 205.
 Фовизия, Д. И. 27, 30, 190, 194, 196, 197, 207.
 Формей, И. Л. С. 156.
 Фрейман, Ф. Ю. 39, 40, 118, 119.
 Фридрих I Прусский 194.
 Фридрих II Прусский 110, 192.
- Харин, К. А. 35.
 Харлов, З. 208.
 Харлова, Е. Ф. 120, 208.
 Хвостов, гр. Д. И. 179.
 Хлопуша, см. Соколов, А. Т.
 Хмельницкий, Б. 82.
 Хоецкий, К. Л. (Chojezki, K. L.) 175, 186.
 Храповицкий, А. В. 106.
- Цыплетев, И. Е. 37, 134.
- Чернышев, гр. З. Г. 125, 134, 172, 190.
- Чернышев, П. М. 37, 45, 46, 59, 60.
 Чика, см. Зарубин, И. Н.
 Чичерин, Д. И. 61.
 Чулошников, А. 143.
 Чумаков, Ф. Ф. 137, 190.
 Чхендзе, А. И. 80, 91, 109, 133, 137.
- Шагаев, Б. 33.
 Шантро, П. Н. (Chantreau, P. N.) 125, 163, 167.
- Шатобриан, виконт Ф. Р. 169.
 Шахматов, С. М. 36.
 Шванвич, М. А. 123, 177.
 Шевич, И. Г. 38.
 Шелудяков, Д. 40, 41.
 Шепелев, П. А. 153, 154.
 Шерер, И. Б. (Schérer, J. B.) 142—144, 147, 150—152, 188, 191.
 Шетнев, Н. Л. 134.
 Шигаев, М. Г. 92, 190.
 Шлецер, А. Л. 156.
 Шляпкин, И. А. 106.
 Шуазель, герц. Э. Ф. 192.
- Щербатов, кн. М. М. 102, 103, 202.
 Щербатов, кн. Ф. Ф. 37, 38, 118, 119.
- Эйлер, И. А. 156.
- Юлаев, Салават 118.
 Якубович, Д. П. 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

Часть первая

Назначение цитат в исторической прозе Пушкина

Введение	21
I. Стилъ «Истории Пугачева»	23
II. Явные цитаты	25
III. Скрытые цитаты	31
IV. Что изменялось в тексте цитат?	47
V. Что сохранялось в тексте цитат?	51
VI. Основное назначение скрытых цитат	54
VII. Опыт истолкования некоторых цитат	58
VIII. Подбор цитат	66
IX. Дополнительное назначение скрытых цитат	69
X. Заключение	73

Часть вторая

Критическая работа Пушкина над сочинениями о Пугачеве на иностранных языках

Введение	79
I. Роман «Ложный Петр III»	81
II. Публикация Бюшинга	90
III. Сборник Шерера	141
IV. Книга Танненберга	145
V. Книга Кастера	148
VI. Книга Тука	158
VII. Книга Бергмана	161

	Стр.
VIII. Книга Лезюра	163
IX. Книга Феррана	168
X. Книга Смитта	179
XI. «География» Бюшинга	181
XII. Некоторые выводы	184
Список иллюстраций	207
Алфавитный указатель личных имен	209

*Печатится по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор изд-ва *В. А. Браилловский*

Технический редактор *Р. А. Аронс*   Корректор *В. К. Захаровский*

РИСО АН СССР № 3658. Подп. к печати 25/VII 1949 г. М-19557. Печ. л. 13,5+12 вкл.
Учетно-изд. л. 10. Тираж 10 000. Зак. 1424.

1-я тип. АН СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
15 16—17	7 сверху Подпись под рисунком, 1 снизу	во второй 1755	в первой 1775
139	5 „	ниже, стр. 179	выше, стр. 49
180	1 сверху	Антинга ²	Антинга

Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками.